

Огиева Елена Анатольевна
Глаицда Светлана Николаевна

**КОНЦЕПЦИЯ
КОНТЕКСТНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ**

МОНОГРАФИЯ

Издательство Эдитус
Москва
2021

УДК 80
ББК 80
О-38

Рецензенты:

И.Г. Жирова — доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой переводоведения и когнитивной лингвистики
Московского государственного областного университета.

Е.А. Кучинская — доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков
Военной академии войсковой противовоздушной обороны
ВС РФ им. Маршала Советского Союза А. М. Василевского.

Огнева Е. А., Гламазда С. Н.

О-38 **Концепция контекстной поляризации: монография.** — М.: Эдитус,
2021. — 232 с.

ISBN 978-5-00149-703-5

В монографии обсуждаются актуальные проблемы текстовой репрезентации полярных смысловых художественных конструкторов. Вводится и интерпретируется новое в теории текста понятие «контекстная поляризация». Осмысляются и графически моделируются типы контекстной поляризации: антропоцентрическая контекстная поляризация, социумная контекстная поляризация, лингвокультурная контекстная поляризация, проксемная контекстная поляризация, темпоральная контекстная поляризация. Обосновывается алгоритм моделирования и интерпретации когнитивных конструкторов, репрезентирующих явление контекстной поляризации. Выявляется частотность маркеров контекстной поляризации в романах Г. Джеймса «Европейцы» и «Американец». Адресуется филологам и широкому кругу исследователей.

УДК 80
ББК 80

Оглавление

Введение.....	5
Глава I. Моделирование архитектоники художественного текста.....	8
1.1. Художественный текст в лингвокогнитивной исследовательской парадигме.....	8
1.1.1. Художественный текст как формат знания.....	8
1.1.2. Текст и текстовые миры.....	27
1.2. Концептосфера художественного текста.....	31
1.2.1. Концептосфера текста как формат-проекция мировидения писателя.....	31
1.2.2. Художественный концепт.....	39
1.3. Контекстная поляризация в моделях художественного знания.....	50
1.3.1. Моделирование как способ интерпретации знания.....	50
1.3.2. Типология моделей контекстной поляризации.....	60
1.4. Синергия различных типов контекстной поляризации.....	94
Выводы по первой главе.....	99
Глава II. Интерпретация конструкторов контекстной поляризации как форматов художественного знания	102
2.1. Текстовая поляризация как отличительный признак идиостиля Г. Джеймса.....	102
2.2. Построение маркеров контекстной поляризации в романе Г. Джеймса «Европейцы»....	105
2.2.1. Антропоцентрическая контекстная поляризация.....	105
2.2.2. Социумная контекстная поляризация.....	119

2.2.3. Лингвокультурная контекстная поляризация.....	141
2.2.4. Темпоральная контекстная поляризация.....	150
2.2.5. Проксемная контекстная поляризация.....	155
2.3. Контекстная поляризация в моделях художественных концептов в романе Г. Джеймса «Европейцы».....	162
2.3.1. Контекстная поляризация в модели художественного концепта «Гостиница в Бостоне...»	162
2.4. Контекстная поляризация в модели когнитивной сцены как конструкте знания.....	169
2.4.1. Контекстная поляризация в модели когнитивной сцены «Семейный разговор».....	170
2.4.2. Специфика контекстной поляризации в когнитивной сцене «Стиль поведения».....	185
2.4.3. Когнитивная поляризация в четырехтерми- нальной когнитивной сцене «Образ жизни».....	190
2.4.4. Контекстная поляризация в лингвосоциокультурной трехтерминальной когнитивной сцене «Американский стиль жизни»...	193
Выводы по второй главе.....	198
Заключение.....	201
Библиография.....	205

Введение

В современном языкознании существуют различные подходы к исследованию архитектоники текстов, в частности, художественных текстов.

В рамках когнитивно-герменевтического подхода художественный текст рассматривается в виде концептосферы, состоящей из художественных концептов. Номинативное поле художественного концепта как ядерно-периферийная структура представляет собой совокупность различных номинантов, в том числе и маркеров контекстной поляризации.

Контекстная поляризация интерпретируется как противопоставление описываемых в рамках контекста явлений и событий художественного мира. Под маркерами контекстной поляризации понимаются речевые единицы, репрезентирующие противоположные смысловые явления в рамках отдельно взятого контекста.

Интерпретация концептосферы художественного текста как формата индивидуально-авторского знания, представляющего собой совокупность художественных концептов, часть из которых репрезентирует явление контекстной поляризации, позволило обосновать наличие пяти типов конструкторов контекстной поляризации и ввести в научный тезаурус новые термины: «антропоцентрическая контекстная поляризация», «социумная контекстная поляризация», «лингвокультурная контекстная поляризация», «проксемная контекстная поляризация», «темпоральная контекстная поляризация».

Выявление пяти типов конструкторов контекстной поляризации стало основой комплексного анализа маркеров контекстной поляризации, входящих в номинативные поля художественных концептов, формирующих

когнитивно-герменевтическую модель концептосферы художественного текста.

Примечательно, что структура и частотность маркеров контекстной поляризации обусловлены интенцией писателя, его идиостилем и сюжетно-тематическим контуром художественного произведения.

По структуре маркеры контекстной поляризации могут быть однокомпонентными и многокомпонентными, а именно односоставными и многосоставными маркерами антропоцентрической контекстной поляризации, социальной контекстной поляризации, лингвокультурной контекстной поляризации, проксемной контекстной поляризации. Маркеры темпоральной контекстной поляризации представляют собой одноядерные и многоядерные маркеры.

Среди маркеров контекстной поляризации существуют простые и синергичные полярные конструкции, которые представляют собой сочетание двух и более типов контекстной поляризации.

В синергичных полярных конструкциях, репрезентированных в концептосферах романов Г. Джеймса «Американец» и «Европейцы», высокочастотны антропоцентрические маркеры поляризации, социальные маркеры поляризации, лингвокультурные маркеры контекстной поляризации. Менее частотны маркеры проксемной контекстной поляризации и маркеры темпоральной контекстной поляризации.

В концептосфере художественного романа Г. Джеймса «Европейцы» когнитивная сцена как динамичный когнитивный конструкт, состоящий из информативного терминала, маркеров коммуникантов и фонового терминала, в большей степени, чем текстовый фрейм,

предрасположена к репрезентации контекстной поляризации всех пяти типов.

Превалирование когнитивных сцен в концептосфере романа, включающих маркеры контекстной поляризации, над другими когнитивными текстовыми конструктами обусловлено идиостилем писателя.

Авторы монографии выражают глубокую признательность и благодарность рецензентам доктору филологических наук Жировой Ирине Григорьевне и доктору филологических наук Кучинской Елизавете Александровне за научную поддержку и добрые советы.

ГЛАВА I. МОДЕЛИРОВАНИЕ АРХИТЕКТониКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

1.1. Художественный текст в лингвокогнитивной исследовательской парадигме

1.1.1. Художественный текст как формат знания

Художественный текст представляет собой один из актуальных объектов исследования на протяжении десятилетий. К настоящему времени в языкознании разработан целый спектр различных методов анализа семантики текста и выявлена специфика его построения, что нашло отражение в трудах как отечественных учёных [Алефиренко, 2011; Гальперин, 2006; Лотман, 1998, 2015; Щирова, 2013, 2014 и др.], так и зарубежных [Панасенко, 2006; Birch, 2005; Cramer, 2018; Currie, 2007; Eagleton, 2008; Miall, Kuiken, 1994, Tinceva, 2017 и др.].

Так, зарубежный учёный В. Берч всесторонне проанализировал корреляцию языка и литературы, воплощаемую в структуре литературного текста, и предложил концепцию, в которой обоснованы подходы к интерпретации взаимосвязи языка и литературы [Birch, 2005]. Ф. Крамер обосновал тесную взаимосвязь цифрового кода, принципов построения текста и структуры художественного текста [Cramer, 2018]. Д. Миалл и Д. Кюикен представили детальную характеристику комплексных подходов к формулированию актуальной текстовой теории [Miall, Kuiken, 1994].

Известный отечественный учёный И.Р. Гальперин обратил внимание на тот факт, что в современном языкознании существует два подхода к изучению текста. В соответствии с одним подходом ученые выстраивают формализованную грамматику текста, посредством которой

можно «осуществить моделирование структур текста». Согласно другому подходу, создается общая теория текста путем «изучения конкретных речетворческих актов, закономерностей их организации и функционирования, описания стилевого многообразия таких актов и определения категориальных признаков каждого типа текста» [Гальперин, 2006: 8].

Существование двух исследовательских подходов в теории текста способствовало получению результатов, которые привели к появлению значительного количества различных определений такого явления как текст.

Обращаясь к истокам теории текста, Ю.М. Лотман констатировал: «первоначальные определения текста подчеркивали его единую сигнальную природу или нерасчленимое единство его функций в некоем культурном контексте» [Лотман, 1992-1993: 129].

Порождением текста в этом некоем культурном контексте предопределялась «культурологическая ценность такого текста» [Алефиренко, 2015: [http](#)]. Исследование процесса порождения текста основывалось на том, что принимались во внимание культурологические составляющие, обуславливающие порождение текста и «выводимые из его контекстов» [Jones, Dye, Johns, 2017: [http](#)].

Всестороннее рассмотрение такого явления как текст способствовало тому, что было предложено понимание текста в качестве «информационно самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» [Кубрякова, 2001: 73]. Этот подход к изучению текста нацеливал исследователя на детальное раскрытие специфики построения косвенной коммуникации в диаде «текст-читатель».

Об особенностях коммуникативной природы текста говорится во многих научных трудах. Так, например, известный отечественный ученый Н.Ф. Алефиренко интерпретирует текст в виде целостного коммуникативного образования, «компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора» [Алефиренко, 2005: 303]. В этом случае интенция автора текста обуславливает структуру текста и семантику текста как такового.

И.Р. Гальперин предлагает рассмотреть текст как «некий снятый момент процесса, в котором все дистинктивные признаки объекта обозначаются с большей или меньшей степенью отчетливости» [Гальперин, 2006: 9]. При таком подходе текст понимается в качестве статичной формы художественного знания, которое имеет определённые дистинктивные признаки, будучи облеченным в форму текста.

Исследование построения текста в форме художественного знания привело Ю.М. Лотмана к мысли о том, что текст «предстает пред нами как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые» [Лотман, 2010: 121].

Возможность рассмотрения текста в виде многообразных кодов объясняет тот факт, что текст может быть интерпретирован с разных точек зрения, поскольку «художественный текст – сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые» [Лотман, 2015 : [http](http://)]. Указанное свойство текста характеризует его природу как многоплановую форму художественного знания.

Существуют и другие подходы к исследованию текста, затрагивающие те или иные особенности его

комплексной природы, его семантики, структуры, коммуникативной направленности.

Для концепции контекстной поляризации релевантно следующее понимание текста: «художественный текст, его когнитивно-сюжетная матрица, рассматривается как конгломерат глубинных этносмыслов народа в преломлённой проекции мировидения писателя, как креативный лингвоконструкт реальности <...>, формирующий таким образом художественный мир» [Огнева, 2015: 484].

Художественный текст в этом случае понимается как модель накопления, хранения и передачи художественного знания, что отражает его комплексную природу.

В современной теории текста учёные обращают внимание на интегральную природу построения и функционирования текста. Так, например, Г.Р. Гаспарян и В.Е. Чернявская отмечают, что «текст – это центральное средство порождения знания как индивидуально-личностного, так и социального, как в конкретной повседневной протяжённости, так и в культурно-исторической перспективе» [Гаспарян, Чернявская, 2014: 44].

Культурно-историческая перспектива художественного знания в этом случае обуславливает динамику его существования, тогда как повседневная протяжённость текста, скорее всего, может рассматриваться как статика в сравнении с динамикой культурно-исторической перспективы. Что касается самого знания как такового, то В.З. Демьянков говорит о необходимости принимать во внимание существующий в современном языкознании «трансфер знания» [Демьянков, 2016: 29].

Одним из типов трансфера знаний является текстовый формат знания как «речевой продукт функционирования языковой системы, характеризующийся двойной природой» [Звягинцева, 2017: 115]. Рассмотрение текста в виде

одного из типов трансфера знания способствует объяснению проявления комплексной природы порождения и функционирования текста, в частности, художественного текста. Именно благодаря трансферу знания осуществляются вышеупомянутые накопление, хранение и передача знания, в частности художественного знания.

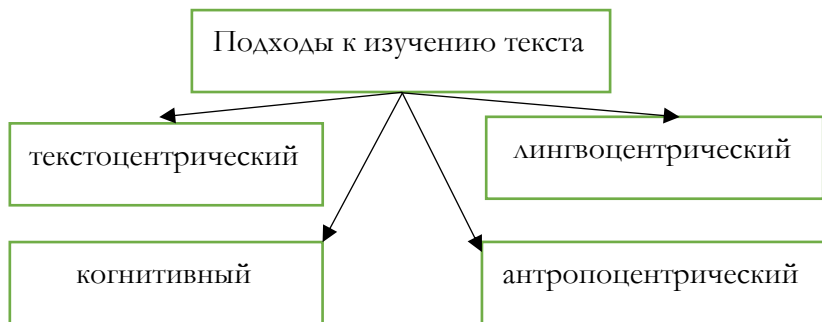
Из вышесказанного следует, что многоплановое видение художественного текста, его семантики, структуры и функционирования, является основой для различных подходов к исследованию художественного текста. Так, например, Л.И. Бабенко предлагает концепцию комплексного филологического анализа художественного текста, проводимого на «лингвистической основе с учётом его семантической, структурной и коммуникативной организации» [Бабенко, 2004]. Данный подход к исследованию природы текста требует всестороннего раскрытия и осмысления причин существования и функционирования интегральной формы художественного текста как одной из форм трансфера знаний.

Проводимые текстовые исследования выявили недостаточность осуществления только филологического анализа текста без учёта результатов его лингвистического анализа, поэтому К.И. Белоусов и Е.И. Подтихова, говоря о значимости лингвистического анализа текста, подчеркивают тот факт, что «предметная область лингвистического анализа композиции текста складывается из наблюдений над композицией объектов текста, что получило отражение в современных трудах в области лингвосомиотики, когнитивной лингвистики, теории текста, теории гипертекста, лингвосинергетики» [Белоусов, Подтихова, 2014: 62]. Такое сосредоточение различных языковедческих наук и их нацеливание на всестороннее исследование художественного текста стало возможным благодаря комплексной

природе самого текста, благодаря сложности его семантики, структуры и функционирования с учетом коммуникативной и эстетической функций. Применение филологического и лингвистического анализа художественного текста способствует получению определенных результатов. Однако, очевидно, что получаемых результатов недостаточно, поэтому, наряду с филологическим и лингвистическим анализом текста, был предложен метод «композиционного анализа художественного текста» [Кайда, 2013].

Применение метода композиционного анализа текста тесно связано с проблемой «корреляции типа текста и методов его интерпретации» [Щирова, Тураева 2005; Aumüller, 2014]. В целом, лингвистический и композиционный типы анализа текста показали большую универсальность применения по сравнению с филологическим типом анализа. Наряду с филологическим, лингвистическим, композиционным подходами в настоящее время можно выделить иные подходы к изучению текста в соответствии с триадой «автор – текст – читатель» [Бабенко, 2004].

Данные подходы отражены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Подходы к изучению текста

В дополнение к вышеперечисленным подходам к исследованию текста в современном языкознании существуют следующие типы анализа структуры художественного текста: 1) интертекстуальный анализ художественного текста, который нацелен на определение границы смыслообразования единиц текста; 2) лингвокультурологический анализ художественного текста, который нацелен на выявление перечня лингвистических единиц, составляющих текст; 3) аксиологический анализ художественного текста, который нацелен на проведение оценки текстовых особенностей с «культурологической и культурно-антропологической позиции» [Сулимов, 2006: 42].

Все изложенные подходы к исследованию текста побудили В.Е. Чернявскую поставить вопрос о «необходимости нового определения текстуальности» [Чернявская, 2005: 77-84]. Говоря о различных способах и методах исследования смысловой и структурной организации текста, Н.И. Панасенко обращает внимание на тот факт, что «отдельные фразы стянуты друг с другом при помощи контактных и дистальных межфразовых связей» [Панасенко, 2006: 396]. Благодаря такой «стянутости» отдельных фраз друг с другом, смысл текста становится монолитным, целостным и более не может быть сведён только к простой совокупности составляющих его компонентов, поскольку «текстовые фрагменты, включающие несколько межфразовых единств, обеспечивают необходимую целостность тексту» [Жирова, 2020: 88].

Исходя из сказанного очевидно, что «стянутость» фраз в аспекте плана выражения текста приводит к монолитности его плана содержания, т.е. его смысловой составляющей. В свете этого необходимо отметить, что монолитность текста способствует тому, что текст становится

основой «литературно-художественного дискурса» [Alefirenko, Chumak-Zhun, Ozerova, Stebunova, 2015: 157-160]. Что касается литературно-художественного дискурса, то его детальное построение в смысловом и формальном планах, а также его функционирование остаются за рамками концепции контекстной поляризации, тем не менее нельзя не упомянуть о корреляции монолитности текста и порождаемого им литературно-художественного дискурса.

В зарубежном языкознании сложились иные подходы к изучению специфики построения текста в смысловом и формальном планах, в плане его функционирования. Так, Р. Macherey обосновал необходимость принятия во внимание при комплексном анализе текста таких его составляющих, как «положительные и отрицательные суждения автора» [Macherey, 2006]. Как известно, эти компоненты текста не всегда входят в исследовательский круг текстовых проблем.

Т. Итон в результате проведённых исследований значительного количества художественных текстов обосновал и детально представил особенности построения механизма описания «литературной семантики текста» [Eton, 2010]. Что касается литературной семантики текста, то её детальное изучение выводит на проблемы смыслового исследования текста как порождения проекции мировидения писателя, о чем будет упомянуто далее в тексте данной работы.

Г. Кук провел комплексное исследование различных по тематике художественных текстов, что позволило ему прийти к детальному пониманию механизмов «взаимодействия дискурса и литературы» [Cook, 1994]. В свете результатов этого исследования значимо мнение отечественных учёных, приведённое выше, о том, что текст становится основой литературно-художественного дискурса.

Ж. Кюрри подошел с иных, чем его коллеги, позиций к комплексному явлению текста как формы существования, накопления и передачи знания. Он привлек философские постулаты миропонимания. В результате такого междисциплинарного подхода к тексту учёному удалось обосновать закономерности механизмов построения «философии литературы» [Currie, 2007]. Выявленные закономерности построения философии литературы выводят проблему исследования текста на новый уровень, на уровень междисциплинарного осмысления содержательной, формальной сторон текста и условий его функционирования.

Т. Иглтон, проведя комплексные исследования природы художественного текста как формы существования знания, пришел к выводам о тесной взаимосвязи структуры построения текста и смысла текста, о механизмах осуществления этой связи при порождении и трансляции художественного текста. Полученные результаты позволили учёному изложить комплексную «теорию литературы» [Eagleton, 2008].

Таким образом, проведенные зарубежными учёными всесторонние исследования комплексной природы текста позволили прийти к убедительным выводам: 1) о роли положительных и отрицательных суждений автора в построении текста, 2) о построении механизма описания литературной семантики текста, 3) о возможности понимания механизмов взаимодействия дискурса и литературы, 4) о принципах междисциплинарности, выводящих корреляцию постулатов философии и литературы, 5) о тесной взаимосвязи структуры построения текста и смысла текста, о механизмах осуществления этой связи при порождении и трансляции художественного текста.

Перечисленные результаты исследования привели зарубежных учёных к осознанию необходимости появления «новой литературоведческой теории текста» [Selden, Widdowson, Brooker, 2005]. Методы исследования, цели и задачи литературоведческой теории текста способствуют появлению новых возможностей для исследования семантики, структуры и функционирования художественного текста.

Итак, рассмотрение вышеприведённых различных подходов отечественных и зарубежных исследователей к определению того, что собой представляет текст, к изучению его порождения и функционирования, позволяет перейти к изучению непосредственно структуры самого текста. Как известно, в современной когнитивно-ориентированной парадигме языкознания теория текста приобретает новые очертания, поэтому «новое звучание получают дискуссии вокруг феномена целостности текста» [Чернявская, 2009: 13]. В свете этого актуальны дискуссии о феномене целостности художественного текста.

Ещё В.Г. Адмони подчеркивал, что «истина текста в его целостности» [Адмони, 1988: 208]. Именно целостность художественного текста позволяет рассматривать его как форму накопления, хранения и передачи художественных знаний.

В свете всестороннего рассмотрения в современном языкознании проблемы целостности текста как формы порождения и существования художественного знания значим тезис о процессуальности текста как формата знания, возникающего в результате трансфера знаний, а именно тезис о том, что «текст как процесс обеспечивается установкой автора на создание завершённого целого» [Дымарский, 2020: 24]. Как показали проведённые исследования именно в создании текста как завершённого целого и воплощается

авторская интенция. Рассмотрение проблемы осуществления авторской интенции выявило, что этот компонент порождения текста ориентирован на «постепенно развертывающуюся сущность текста» [Домашнев, Шишкина, Гончарова, 1989: 14]. В свете этого значим тот факт, что сущность текста может быть интерпретирована с разных научных точек зрения, что предоставляет новые возможности для решения главной задачи – понимания того, что же такое текст в его порождении и функционировании.

Становится очевидным, что исследование развертывающейся сущности текста в новой научной парадигме «оказывается основной сферой отражения новых концептуальных категорий» [Щирова, Гончарова, 2007: 211]. Концептуальные категории в этом случае неразрывно связаны с вопросом категоризации текста.

В современной теории текста зарубежными и отечественными учеными выработаны различные подходы к категоризации текста. Так, известные зарубежные авторы де Богранд и В. Дресслер в результате многолетних исследований структуры текста пришли к выводу о существовании семи конститутивных свойств текста: «когезия, когерентность, интенциональность, воспринимаемость, ситуативность, информативность, интертекстуальность» [de Beaugrande, Dressler, 1981].

В отечественной науке существуют различные подходы к категоризации текста, что обусловлено как комплексной природой такого явления как текст, так и различными точками зрения на возможность изучения процесса порождения категорий текста и их функционирования, в частности, порождения и функционирования категорий в структуре художественного текста как формата трансфера различных знаний в образ художественных знаний,

обусловленных интенцией автора литературно-художественного произведения [Щирова, Гончарова, 2007].

В свете сказанного очевидно, что как для отечественной, так и для зарубежной теории текста по-прежнему справедлив тезис о том, что «размытые критерии причисления признаков текста к категориям не позволяют выстроить чёткой иерархии» [Щирова, 2013: 63]. Исходя из того, что нет единых критериев описания текста и нет возможности выстроить единую классификацию категорий текста, вопрос категоризации текста остается актуальным и permanently привлекает исследователей.

В сложившейся в теории текста ситуации с определением категорий текста в данной работе будет приведено несколько классификаций текстовых категорий. Так, И.Р. Гальперин обосновал наличие следующих категорий текста: информация, членимость, проспекция, ретроспекция, когезия, континуум, модальность, автосемантика, завершенность [Гальперин, 2006]. Этот перечень считается классическим перечнем текстовых категорий в отечественном языкознании.

Рассматривая указанные категории текста, И.Р. Гальперин акцентировал внимание на том, что именно содержательно-концептуальную информацию следует рассматривать как основную категорию текста.

Вторая категория текста, членимость текста, подразделяется на два взаимообусловленных вида: а) объемно-прагматическое членение, при котором текст делится на главы и абзацы; б) контекстно-вариативное членение, при котором происходит переключение форм речетворческих актов, имеющее субъективно-познавательную основу действий автора по членению текста.

На основе категорий проспекции и ретроспекции осуществляется развёртывание фактуальной информации

текста. Категория когезии интерпретируется как совокупность внутренних текстовых связей, которые обеспечивают реализацию категории континуума, представляющей собой последовательность событий, реализующихся в темпоральном и пространственном сегментах текста. Категория модальности текста обеспечивается субъектно-оценочной характеристикой авторского предмета мысли. Категория автосемантики отражает зависимость и относительную независимость частей текста по отношению к целостности содержания текста. Категория завершенности текста репрезентирует исчерпывающее выражение замысла автора текста, поэтому, благодаря категории завершенности, возможна интерпретация текста [там же].

З.Я. Тураева, проведя исследования структуры текста, предложила две группы категорий текста. В первую группу категорий, по мнению ученой, должны быть включены: когезия, интеграция и прогрессия как совокупность структурных категорий, характеризующих текст как «лингвистический объект».

Во вторую группу категорий должны быть включены: (1) художественное время, (2) художественное пространство, (3) информативность, (4) причинность, (5) подтекст как совокупность содержательных категорий, отражающих действительность, спроецированную «преломленной силой авторского воображения» [Тураева, 1986: 81].

В данном подходе с одной стороны разводится понимание текста как «лингвистического объекта» и как объекта «авторского воображения», а с другой стороны прослеживается понимание тесной взаимосвязи двух составляющих текста и двух групп категорий.

В.В. Красных обосновала существование следующих трёх текстообразующих категорий: «*глубинный смысл* текста, *семантическое строение* текста, *логическое строение* текста»

[Красных, 1999: 30]. Также В.В. Красных подчеркивает значимость коммуникативной целостности текста, которая предопределяет текстовое коммуникативное единство как «совокупность двух категорий: 1) коммуникативное воздействие на реципиента с целью получения ментально-вербальной реакции; 2) эстетическое воздействие с целью получения ментально-эмоциональной реакции, следствием которой выступает структурное единство текста, которое рассматривается как совокупность лексических и фонологических текстообразующих категорий» [Красных, 2001: 31].

Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин в работе «Лингвистический анализ текста. Теория и практика» обосновали существование следующих категорий текста: 1) целостность, 2) завершенность, 3) абсолютная антропоцентричность, 4) социологичность, 5) диалогичность, 6) развернутость, 7) последовательность, 8) напряженность, 9) эстетичность, 10) образность, 11) интерпретируемость, 12) статичность, 13) динамичность, 14) интертекстуальность, 15) связность как совокупность проспекции и ретроспекции; 16) языковая личность, 17) прецедентные тексты, 18) континуум [Бабенко, Казарин, 2009: 33, 41-43, 93].

Обоснование развернутой типологии категорий, тем не менее не поставило точку в вопросе категоризации текста, который по-прежнему находит отражение в научных исследованиях. В частности, Н.Ф. Алефиренко предложил рассматривать категорию имплицитности текста. В свете этого подхода имплицитность текста формируется «многоканальной когнитивно-синергетической природой образного дискурса, порождающего художественный текст» [Алефиренко, 2011: 28].

Взаимосвязь художественного текста и порождающего дискурса, как было указано выше, находится за

рамками концепции контекстной поляризации, однако, рассматривая вопрос категоризации текста, нельзя не упомянуть о выявленной Н.Ф. Алефиренко текстовой категории имплицитности, при которой коррелируют художественный текст и дискурс. Как очевидно, интерес к исследованию художественного текста, к его категоризации и классификации его категорий определяется, по мнению Е.А. Гончаровой, «центральной гносеологической категорией субъектно-объектного характера, которая определяет основные жанрово-родовые, композиционно-сюжетные, композиционно-речевые и словесно-образные координаты художественного текста» [Гончарова, 2008: 230]. Именно такое свойство текста как его категориальность позволяет интерпретировать текст как объект «конечного и бесконечного действия» [Collini, 1996]. В свете этого свойства текста «конечности и бесконечности» очевидна причина различных подходов к категоризации текста.

Рассмотрение свойства категориальности текста и подходов к процессу категоризации текста позволяет перейти к следующему вопросу, к вопросу интерпретации текста. Интерпретация художественного текста является одной из актуальных задач современного языкознания.

Разработка новых методов и подходов к исследованию текста и выявлению особенностей содержания текста, его формы и принципов функционирования позволяют интерпретировать текст с различных точек зрения. В свете сказанного справедлив тезис о том, что «текстология как отрасль филологии, изучающая тексты новой и новейшей литературы, переживает в настоящее время период своего «второго рождения» [Прюво, Седых, Бузинова, 2018: 23].

Период второго рождения текстологии обусловлен в том числе и применением когнитивных подходов к интерпретации текста, о чем будет сказано далее в тексте работы.

На изменение вектора исследования в современной текстологии указывает тот факт, что «отказ от абсолютизации структурного начала текста, типичный для современной науки, фокусирует внимание исследователя не на формирующих текст знаковых последовательностях (ср. значение текста как *world-sequence meaning* [Levinson, 2007: 98-106]), а на знаниях, которые создают основу для интерпретации» [Щирова, 2014: 170], поскольку именно комплексная интерпретация текста выявляет особенности построения структуры текста и передаёт описание вымышленного мира. И в первом случае, при воспроизведении объектов окружающего мира, и во втором случае, при создании объектов вымышленного мира, писатель создаёт форму художественного знания, которая обусловлена его авторским миропониманием и мировосприятием. Эта форма художественного знания является продуктом авторского сознания. В этом случае неизбежным является тот факт, что «часть информации художественного текста закодирована» [Масленникова, 2012: 66]. Читатель декодирует эту информацию при прочтении текста.

Необходимо отметить, что декодирование информации текста может быть неполным со стороны читателя. Степень декодирования информации текста зависит от языковой личности читателя и от структуры самого текста как формы художественного знания, поскольку композиционная, синтаксическая и повествовательная структуры текста не единообразны. Отсутствие единообразия обусловлено природой порождения и функционирования художественного текста.

В свете этого актуальны слова Ф. Шлейермахера, который подчеркивает тот факт, что «идею произведения, которая должна проявить себя, прежде всего, как воля, лежащая в основании исполнения замысла, можно понять

только на основе взаимодействия обоих моментов: материала и сферы влияния» [Шлейермахер, 2004: 156-157]. В данном тезисе учёного раскрывается возможность полного декодирования художественного знания, отраженного в тексте, декодирования замысла писателя.

Размышляя о замысле писателя по созданию формы художественного знания, В. Шмид подчеркивал необходимость учета существования совокупности «авторской и нарраторской коммуникации, а также факультативного уровня коммуникации» [Шмид, 2003: 24]. Уровень коммуникации в этом случае имеет две стороны: сторону отправителя, т.е. писателя, и сторону получателя. Такой тип коммуникации получил название «косвенная коммуникация» в противопоставление термину «прямая коммуникация». Примечательно, что в случае косвенной коммуникации получатель текста рассматривается как адресат и как реципиент, где «адресат – это предполагаемый или желаемый отправителем получатель, т.е. тот, кому отправитель направил своё сообщение, кого он имел в виду, а реципиент – фактический получатель, о котором отправитель может не знать» [там же]. Тем не менее, и читатель, и реципиент призваны декодировать закодированную в тексте информацию.

В свете сказанного значим тезис о том, что понимание текста как читателем, так и реципиентом базируется на «двух аспектах эмоциональном и когнитивном» [Кнееркенис, Зваан, 1995]. Говоря о понимании текста читателем, В.А. Маслова рассматривает два значимых аспекта текста, когнитивный аспект и коммуникативный аспект, посредством которых реализуется эстетическая функция в литературной коммуникации, то есть во взаимодействии писателя и читателя или реципиента текста. Эстетическая функция текста в литературной коммуникации, иными

словами, в косвенной коммуникации, способствует проявлению регулятивной и познавательной функции художественной речи, что обусловлено тем, что «коммуникация данного вида, вытекая из многомерности художественного произведения, приобретает разноплановость» [Маслова, 2014: 6]. Разноплановость построения художественного текста значима в процессе интерпретации самого текста и в процессе его функционирования, в том числе и в «кросс-культурном коммуникативном аспекте» [Glamazda, Sorotskaya, Verbina, 2018: 73-74]. Успешность интерпретации текста читателем или реципиентом зависит от степени совпадения моделей миропонимания писателя, читателя и реципиента, поскольку текст представляет собой «особый формат знания» [Юзефович, 2012: 235-238]. Этот формат накопления, хранения и передачи знаний ориентирован на читателя, выступающего в этом случае адресатом.

Однако знания могут быть интерпретированы не в полном объёме, оказавшись в поле зрения реципиента, как случайного получателя информации, формат которой не совпадает с форматом его собственных знаний, поскольку существуют «интерпретирующие размышления посредством чтения между строк» [McCarthy, 2015]. Под форматом знания в этом случае следует понимать «форму или способ представления знания на мыслительном или языковом уровне» [Болдырев, 2006: 5].

В проводимом исследовании значимо то, что формат знания может быть рассмотрен как «систематизированная семиотически оформленная проекция знания» [Огнева, 2019: 17]. Проведённые текстовые исследования показывают, что рассмотрение текстового формата знания как одной из форм представления знания в свете интерпретации семиотической проекции знания приводит к выводу о том, что формат может представлять собой как статичный

конструкт, так и динамичный. Статичность текстового формата знания предопределена наличием ядра знаний, которые востребованы при выстраивании коммуникативной идентификации. Косвенная коммуникативная идентификация базируется на том постулате, что текст воспринимается именно как структурированный формат, а не в виде совокупности предложений.

Динамичность текстового формата знания обусловлена периферийной составляющей формата. Очевидно, что периферийная составляющая существует в рамках постоянного процесса изменения объёма знаний. Если бы процесс был иным, то периферийная часть текстового формата стремилась бы к состоянию ядра, которое маркируется как состояние статики. Тот факт, что периферийная часть текстового формата пребывает в процессе постоянного изменения, обуславливает постоянное формирование потока новых знаний. Результаты этого процесса обуславливают динамичность формата знания.

Исследование структуры форматов знания в языке и в речи, по мнению Н.Н. Болдырева, связано с изучением основных познавательных процессов и поэтому «требует обращения к современным теориям концептуализации и категоризации» [Болдырев, 2009б: [http](#)] как базовым теориям когнитивной лингвистики.

В качестве базовых теорий когнитивной лингвистики теория концептуализации мира и теория категоризации мира формируют спектр механизмов интерпретации свойств формата знания, свойств, имеющих статично-динамичную природу, исследование которой первостепенно при интерпретации текста в виде индивидуально-авторской концептосферы, предстающей в этом ракурсе как совокупность художественных образов, создающих специфические черты литературных произведений. Текстовый

формат может характеризоваться и видимостью «авторского отсутствия при изображении внутреннего мира» [Щирова, 2000: 25-26].

Таким образом, очевидно, что текст представляет собой проекцию действительности в знаковом ракурсе, поэтому он способен увлечь читателя в виртуальные миры, имеющие различное количество точек соприкосновения с реальным окружающим миром. В ряде случаев, как известно, «моделируемые текстовые миры потенциально соответствуют реальному миру» [Клемёнова, Кудряшов, 2013: <http>].

Проведённые исследования показывают, что рассмотрение текста в качестве конечного и бесконечного действия, в качестве продукта речемыслительной деятельности писателя способствует «идентификации и созданию текстовых миров» [Goodman, Elgin 2007] с учетом того факта, что создаваемые писателями текстовые миры могут представлять собой проекцию реального мира или быть вымышленными текстовыми мирами.

1.1.2. Текст и текстовые миры

Текст проецируется в сознании читателя или реципиента в виде текстового мира, который Е. Семино определяет как «контекст, сценарий или тип реальности, возникающий в нашем сознании при чтении текста» [Semino, 1997: 3]. Значимо, что текстовый мир образуется при чтении любого текста, тем более, художественного текста.

Тот факт, что текст отражается в сознании читателя в виде текстового мира, и, следовательно, количество читателей того или иного текста определяет количество миров, возникающих вокруг конкретного текста, способствовал обоснованию теории текстовых миров, которая была

впервые изложена голландским учёным П. Вертом / П. Уэртом в конце двадцатого века. П. Верт / П. Уэрт предложил модель, интегрирующую основополагающие понятия теории лингвистики текста и когнитивной лингвистики. Сопряжение двух языковедческих дисциплин способствовало новому подходу к интерпретации процесса взаимодействия писателя и читателя / реципиента.

Проведённые исследования позволили П. Верту / П. Уэрту интерпретировать текстовый мир как «концептуальный сценарий, содержащий достаточную информацию для понимания высказываний, с которыми они соотносятся» [Werth, 1999: 7]. Теория текстовых миров объясняла корреляцию между новым прочтением текста и созданием нового текстового мира, поскольку именно конкретный человек формирует «интерпретирующие выводы» [McCarthy, Goldman, 2017: 4].

В свете сказанного актуален тот факт, что параметры интерпретации текста не статичны, поскольку обусловлены новыми прочтениями текста, следовательно, эти параметры выстраиваются на основе «непосредственной договоренности участников дискурсивного мира» [Gavins, 2007: 20].

П. Верт / П. Уэрт в своей концепции выстраивал иерархию текстового и дискурсивного миров. Более того, в модели текстового мира, по мнению П. Верта / П. Уэрта, находится *подмир* (subworld) [Werth, 1999]. С.А. Кушнерук подвергла критике термин *подмир* и предложила называть этот «мир» «производным миром».

По мнению ученой, в настоящее время концепция текстовых миров видится как «триединство: 1) дискурс, 2) текстовый мир, 3) производный текстовый мир», поскольку текстовые миры как ментальные конструкторы «создают

концептуальные репрезентации отдельных сторон действительности» [Кушнерук, 2011: 46].

Возможность создания концептуальных репрезентаций различных сторон действительности способствует тому, что текстовые миры могут рассматриваться как форматы знания, сформированного на основе текста, в том числе и художественного текста, то есть быть форматами художественного знания. В этом случае создаются различные текстовые миры: текстовый мир писателя и текстовый мир читателя или текстовый мир реципиента. Два последних мира отличаются друг от друга, хотя и созданы на основе одного художественного текста.

Эти форматы художественного знания, текстовый мир писателя и текстовый мир читателя или реципиента, могут совпадать или не совпадать, что обусловлено совпадением или несовпадением модели мировидения писателя и модели мировидения читателя. Однозначно то, что текстовый мир писателя и текстовый мир реципиента не совпадают. Степень их несовпадения на данный момент исследована недостаточно.

Исходя из того, что часть информации художественного произведения закодирована, о чём говорилось выше, порождение новых интерпретативных моделей читателем или реципиентом на основе текстовых конструктов, формирующих коды, приводит к созданию комплексных текстовых миров. Это создание комплексных текстовых миров основано на тезисе о том, что «представление о когнитивной репрезентации того, о чём говорится в тексте, предопределяет развитие понятия текстового мира» [Кушнерук, 2019: 24].

Очевидно, что развитие понятия текстового мира неизбежно и предопределено природой самого текстового мира и его стремлением к форме комплексного текстового

мира вследствие того, что в ментальном плане «самая глубокая текстовая организация объективного мира ведёт к модели множества миров» [см. подробнее: Sojocaru, Bragaru, Ciuch, 2012]. Как известно, модель множества миров должна быть сопряжена с конкретным текстом. В этом случае текст интерпретируется как основа, вокруг которой осуществляется построение текстового мира или, в ряде случаев, совокупности текстовых миров, то есть комплексных текстовых миров. При выстраивании совокупности текстовых миров, иначе говоря, комплексных текстовых миров, первичный текст видится как «замкнутая, самодостаточная, синхронно организованная динамическая система» [Лотман, 1992: 14].

Выстраиваемая динамическая система текста приобретает свойства целостной информативной системы. Очевидно, что выстраивание целостной информационной системы базируется на том факте, что информация, привлекаемая для построения текстового мира писателя, интерпретируется с точки зрения индивидуально-авторской концептосферы писателя. В свете этого значим учёт того факта, что «экстраполяция лингвокогнитивной парадигмы на художественный текст позволяет выявить индивидуально-авторские концепты, составляющие концептосферу писателя» [Кононова, 2015: 139]. Концептосфера писателя в этом случае становится основой формирования его текстового мира, который вступает во взаимодействие с текстовым миром читателя или текстовым миром реципиента, с учётом того факта, что интерпретация текста «зависит от культурного опыта конкретного человека» [Даниленко И.А., Даниленко. А.П., 2017: 37].

Таким образом, на основе вышесказанного становится очевидным тот факт, что «художественный текст

характеризуется, наряду с функцией информационной, наличием функции эстетической» [Плесканюк, 2015: [http](#)].

Именно вследствие корреляции двух функций, информационной и эстетической, вокруг текста выстраивается текстовый мир или совокупность текстовых миров, иначе говоря выстраиваются комплексные миры, которые, и в случае их множественности, и в случае их единичности, принимают форму интерпретативного мира, т.е. очевиден тезис о том, что в результате «интерпретации текста образуются проекция текста как ментального образования» [Чернова, 2016: 358]. Формирование текстового мира вследствие понимания / непонимания того или иного текста в полном объеме базируется на том, насколько читатель или реципиент способен выявить и интерпретировать особенности «текстовых когнитивных координат» [Ogneva et al., 2014: [http](#)]. В концепции контекстной поляризации значим тот факт, что текстовые когнитивные координаты определяют параметры концептосферы художественного текста как основы формирования текстового мира или совокупности текстовых миров.

1.2. Концептосфера художественного текста

1.2.1. Концептосфера текста как формат-проекция мировидения писателя

Общеизвестно, что термин «концептосфера» был введен в научный оборот в XX веке известным отечественным учёным, академиком Д.С. Лихачевым. Ученый подчеркивал, что «концепты составляют разнообразные сферы и в совокупности создают концептосферу национального языка» [Лихачев, 1997: 282].

Термин «концептосфера» появился в лингвистической науке сравнительно недавно. Прежде, чем термин «концептосфера» был воспринят научным обществом, был предложен целый ряд понятий, таких как: «ноосфера», «смыслосфера», «логосфера», «модель мира», «картина мира», «образ мира» и т.д.

В свете возникшей терминологической дискуссии лейтмотивом звучала необходимость выделения новой среды, в которой проживает человек. Эта новая среда была отличной от природной среды, но не могла существовать отдельно от природы и требовала научного описания и дополнительного изучения [де Шарден, 1987].

Так, например, термин «ноосфера» нашёл своё отражение в трудах известного отечественного учёного В. И. Вернадского, который подчеркивал тот факт, что «биосфера XX столетия превращается в ноосферу, создаваемую прежде всего ростом науки» [Вернадский, 2013: 5]. Именно проникновение науки в повседневное существование человека способствовало появлению такого явления как «ноосфера».

Размышляя над новой средой функционирования человека, И.В. Зыкова определила её как «смыслосферу», под которой ученая понимает «объективно и субъективно существующую нематериальную сферу бытия, состоящую из особых – смысловых – образований (или феноменов)» [Зыкова, 2015: 14]. В отличие от ноосферы в смыслосфере нематериальная сфера бытия не обусловена научным прогрессом.

«Логосфера», в отличие от ноосферы и смыслосферы, в этом случае представляла собой материальную сферу бытия, образуемую из слов, обозначающих все аспекты существования человека.

Как указано выше, наряду с ноосферой, смыслоферой, логосферой, был предложен термин «картина мира». Под «картиной мира» понимается «ментальное образование, существующее в нашем сознании, познать которое можно только через язык» [Юзефович, 2013: 365].

Термин «картина мира» получил широкое научное обсуждение. Так, например, по мнению А.П. Бабушкина, «картина мира представляет собой фрагмент универсального «картирования» действительности человеческим сознанием» [Бабушкин, 2003: 17]. Привлечение к пониманию картины мира данных о деятельности человеческого сознания нацеливает на мысль о том, что неизбежно могут быть выявлены различные картины мира с учётом того факта, что «понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человеческого бытия» [Чепелова, 2009: 120].

При всей «различности» между рассмотренными понятиями «ноосфера», «смыслофера», «логосфера», «картина мира», предложенные учеными понятия подразумевали значимость исследования человеческой среды обитания вследствие её отличных черт от среды природной, которую необходимо рассматривать и интерпретировать с различных точек зрения.

В настоящее время в языкознании интерпретация вышеупомянутых «сфер» не пришла к единому знаменателю. По-прежнему значительное количество учёных настаивают на существовании только общей концептосферы языка или на существовании только общей концептосферы культуры. Другие учёные рассматривают наличие трёх различных типов концептосферы, а именно, во-первых, языковой концептосферы, во-вторых, культурной концептосферы, в-третьих, личностной концептосферы или «идиосферы».

Эти три типа концептосфер взаимообусловлены и взаимосвязаны иерархически. В этой иерархии личностная концептосфера является компонентом языковой концептосферы, а языковая концептосфера входит в культурную концептосферу, иными словами в национальную концептосферу.

Определение существования особой формы бытия человека, его концептосферы, побудило ученых к исследованию структуры этой формы знания.

Разрабатывая идею о построении концептосферы национального языка, А.П. Бабушкин предложил рассматривать этот тип концептосферы как единство «мыслительных картинок, схем, фреймов и сценариев» [Бабушкин, 2003].

Концептосфера – это единство культурного опыта каждой языковой личности социума, знания которого репрезентированы в концептах, понимаемых как «особым образом структурированное содержание акта сознания, воплощенного в содержательной форме образа познавательного предмета» [Алефиренко, 2006: 7].

Очевидно, что в зависимости от типа концептосферы концепты, составляющие эту концептосферу, обладают теми или иными свойствами и характеризуются с разных точек зрения. Концептосфера художественного текста рассматривается как концептосфера, образуемая на пересечении культурной концептосферы народа и языковой концептосферы автора произведения. Всестороннее исследование концептосферы художественного текста актуально в современной лингвокогнитивистике, следовательно, необходимо и значимо «выявление и теоретическое обоснование предпосылок изучения концептосферы» [Прохорова, Смирнова, 2014: 98].

Существуют различные подходы к изучению концептосферы текста, отражённые в трудах Н.В. Александрович [2010], Н.С. Болотновой [2015], А.В. Звягинцевой [2008], И.Н. Кононовой [2015], Е.А. Огневой [2009], О.Н. Прохоровой [2014] и др.

Релевантным для концепции контекстной поляризации видится определение концептосферы художественного текста, в котором концептосфера интерпретируется как «совокупность художественных концептов, объединённых интенцией писателя в единую комплексную информативную модель» [Огнева, 2009: 146].

Информативная модель концептосферы художественного текста интерпретируется с различных точек зрения, однако значим тот факт, что в концептосфере существует явление, синергирующее параметры каждого из художественных концептов в единое целое [подробнее о синергии: Олизько, 2010].

В настоящее время ведутся поиски оптимальных подходов к интерпретации концептосферы художественного текста. Так, например, по мнению А.В. Звягинцевой в процессе интерпретации концептосферы художественного текста необходим учет того факта, что «концептосфера текста получает свое выражение на лексическом и композиционно-тематическом уровнях сообщения» [Звягинцева, 2017: 116].

В свете сказанного актуален тезис Н.С. Болотновой о регулятивности текста, рассматриваемой как «одно из системных качеств текста, дающее ключ к его концептосфере в процессе смысловой интерпретации» [Болотнова, 2015: 322].

Интерпретация концептосферы художественного текста выявила тот факт, что отдельно взятый художественный текст представляет собой формат знания и является

частью индивидуально-авторской концептосферы писателя, рассматриваемой в концепции контекстной поляризации в виде формата-проекции мировидения писателя, его мыслей и чувств, выраженных через язык с учетом того, что «язык – живая конкретная среда, в которой живет сознание художника слова» [Бахтин, 1986: 45].

Та часть индивидуально-авторской концептосферы писателя, которая отражена в его художественных произведениях, определяется как авторская художественная картина мира. Этот тип картины, авторская художественная картина мира, интерпретируется в виде совокупности знаний и представлений о реальности, которыми оперирует писатель, проецируя их в формат создаваемых им художественных произведений как форм художественного знания.

В свете этого, значим тот факт, что авторская художественная картина мира как часть индивидуально-авторской концептосферы, отражённая в совокупности всех произведений писателя, представляет собой информативную таксономическую модель об одном типе мира (реальном) или о сочетании двух типов миров (реального и нереального), предстающих в форме текстового вымышленного мира.

Как корреляция, так и разграничение двух типов миров применяется писателем для усиления коммуникативного импульса, который проецирует текстовая информация в сознании читателя, то есть проецируется авторская концептуальная картина мира.

При этом значим учет того, что «особенности языковой личности прямо пропорциональны особенностям её картины мира» [Попова, 2013: 95], то есть особенностям языковой картины мира писателя.

Комплексное исследование параметров языковой картины мира, которая видится и интерпретируется как

одна из типов известных в данное время в науке картин мира, представляет собой актуальное направление исследований в современном языкознании. При комплексном исследовании параметров, языковой картины мира этот формат знаний представляется в виде фиксированных знаний о способе представления окружающей действительности, т.е. те знания, которые сформировались в коллективном сознании общества и обуславливают коммуникативное поведение человека, способ его речемыслительной деятельности.

В этом случае способ речемыслительной деятельности предопределен культурными, духовными и национальными ценностями человека. Языковая картина мира как один из значимых исследовательских конструктов представляет собой отраженный в языке способ видения мира, т.е. концептуализацию действительности.

В свете этого актуально мнение Н.Ф. Алефиренко о том, что «смысловое своеобразие языковой картины мира (ЯКМ) создается специфическими формами категоризации и концептуализации вербализуемой действительности. Важнейшими среди них оказываются *модусные* или интерпретирующие» [Алефиренко, 2013: 9].

Связующим компонентом всех составных частей общей картины мира является художественная картина мира. Это обусловлено тем, что без художественной картины мира «было бы невозможно составление панорамно-образного представления о мире, так как это представление всегда имеет характер наглядности, а наглядность и схожесть присутствуют только в художественном образе» [Скурту, 1990: 43].

В свете этого значим тот факт, что художественный образ является одним из основных компонентов художественного текста. Следовательно, необходимо

рассмотрение основных компонентов художественного текста как компонентов индивидуально-авторской проекции мира, как компонентов авторской концептуальной картины мира.

В данном случае семантическая идея реализуется посредством сопряжения двух типов картин мира, а именно языковой картины мира и художественной картины мира, представляющей собой индивидуально-авторскую проекцию языковой картины мира в аспекте взаимодействия с картиной мира как таковой.

Тесная корреляция семантики текста, его структуры и авторской концептуальной картины мира нашла подтверждение в исследованиях и была выражена в следующем тезисе о том, что «в основе двойной системности текста лежит ориентация не только на узус, но и на отражение картины мира автора» [Жеребило, 2010: <http://>; Жеребило, 2019: 44-63].

Вышеуказанная тесная корреляция семантики текста, его структуры, функционирования и авторской концептуальной картины мира становится возможной вследствие того, что авторская концептуальная картина мира «диктует всю концепцию, влияет на жанровое и стилевое своеобразие создаваемого произведения» [Воронина, 2008: 176].

В свете этого значим тот факт, что важным аспектом при исследовании текста является «его взаимосвязь с другим часто обсуждаемым определением – жанром» [Tincheva 2017: 89]

Таким образом, по-прежнему актуален тезис М.М. Бахтина о том, что авторская художественная картина мира – это «специфическая форма мировосприятия, которая выступает как альтернатива реальному миру и представляет собой результат внутренней работы автора, его творческой деятельности» [Бахтин, 1975: 140].

Вышеприведенные доводы свидетельствуют о том, что авторская художественная картина мира становится основой для создания концептосферы определенного художественного произведения. Рассмотрение структуры концептосферы художественного произведения показало, что она имеет ядерно-периферийную структуру, поскольку представляет собой «поле авторских квантов сознания, включающее ядерные и периферийные смыслы» [Александрович, 2010: 5].

В современной когнитивной лингвистике установлен тот факт, что в ключевой художественный концепт выступает ядром ядерно-периферийной структуры концептосферы. Приядерная зона концептосферы и её периферийная зона определяются посредством выявления номинантов художественных концептов и определения частотности их употребления. Исследование ядерно-периферийной структуры концептосферы текста позволяет интерпретировать миропонимание и мировосприятие языковой личности писателя на основе созданных им текстов.

Таким образом, рассмотрение концептосферы художественного текста как одного из типов, выявленных наукой концептосфер способствует определению её роли в реализации авторской художественной картины мира как части индивидуально-авторской концептосферы. Интерпретация концептосферы текста в виде формата-проекции мировидения писателя сопряжена с её пониманием в виде совокупности художественных концептов.

1.2.2. Художественный концепт

В отечественном языкознании концепт, имеющий значительное количество трактовок, находится в фокусе

научных изысканий с начала XX века, с опубликования работы А.А. Аскольдова «Концепт и слово» [Аскольдов, 1928: 28-44].

В концепции контекстной поляризации художественный концепт рассматривается как один из типов концептов, поэтому прежде, чем художественный концепт будет рассмотрен детально, необходимо рассмотреть концепт как таковой, его смысловую и структурную составляющие, поскольку в современной когнитивной науке значимым является «установление типологического статуса концепта по характеру структуры представления знания» [Абрамова, 2014: [http](#)].

Как отечественные, так и зарубежные учёные интерпретируют концепт с различных точек зрения [Алефиренко, 2013, Бабенко, 2006, Болдырев, 2016, Залевская, 2001, Croft, Cruse, 2004, Janssen, 1999 и др.].

Так, А.А. Залевская считает, что концепт «объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов)» [Залевская, 2001: 37]. Такой подход подчеркивает динамичность существования концепта как ментального образования, его функционирование в сознании человека, что выводит исследователя на рассмотрение языковой личности, оперирующей концептами.

Концепты могут быть также рассмотрены как «когнитивные структуры, выражающие субъективное (ассоциативно-образное) отношение человека к объектам речемышления» [Кобрина, 2005: 79]. В этом исследовательском ракурсе очевидно, что для существования концептов как когнитивных структур необходима перцепция человеком предметов окружающей его действительности.

Концепт может быть интерпретирован также как ментальная структура, репрезентированная словом или словосочетанием. Эта ментальная структура представляет собой единицу, обладающую когнитивно-семиологической синергетикой. Наличие синергичной природы концепта побуждает исследователя к рассмотрению принципов синергичности построения концепта.

В настоящее время в когнитивной лингвистике общепризнан тот факт, что «концепт как единица знания выступает в качестве элемента концептуальной системы человека <...> и углубляет общие сведения о мире, которые хранятся в индивидуальной памяти каждого конкретного человека» [Болдырев, 2013: 9].

В работах зарубежных ученых концепт тоже получил значительное освещение. Так, например, ученые У. Крофт, Д. Круз, Т. Джансен рассматривают концепт как системообразующий компонент когнитивной лингвистики [Croft, Cruse, 2004, Janssen, 1999].

В современной когнитивной лингвистике не вызывает сомнения тот факт, что «концепт рождается в сознании человека как образ». Концепт как порожденный образ предрасположен к абстракции, поэтому «с увеличением количества закрепленных концептом признаков, с возрастанием уровня абстракции концепт постепенно превращается из чувственного образа в мыслительный» [Попова, Стернин, 2001: 70-71].

Следовательно, с одной стороны концепт обладает универсальностью как форма отражения мира, а с другой стороны концепт характеризуется индивидуальностью, поскольку каждый человек интерпретирует мир по-разному. Эта дуальность природы концепта предопределена тем, что концепт как мыслительный образ обусловлен специфичностью знаний о мире каждого человека. В свете

сказанного значим тезис о том, что «закрепление результатов познания в виде единиц знания – концептов <...> обнаруживает общие закономерности» [Болдырев, 2011: 11].

Появление в науке значительного количества определений концепта способствовало тому, что в современной когнитивной лингвистике обосновано существование более десяти типологий концептов, включающих различные типы концептов, тем не менее, по-прежнему актуален вопрос создания общей типологии, которая бы позволила репрезентировать корреляцию между разными типами концептов, в том числе и художественных концептов.

Как известно, классификация концептов может быть осуществлена: 1) на основе выявления степени абстракции образного компонента, входящего в состав мыслительного образования; 2) на основе интерпретации способов передачи конкретно-чувственного образа; 3) на основе установления признака транслируемости концептов; 4) на основе определения спектра языковых способов репрезентации; 5) на основе установления типа структуры концептов; 6) на основе выявления типа носителей концептов.

Итак, обозначены некоторые из существующих в когнитивной лингвистике типологий в хронологическом порядке их опубликования.

Как известно, в отечественном языкознании первую классификацию концептов предложил С.А. Аскольдов, подразделив концепты на два типа: «познавательные (логические) и художественные, эстетически обусловленные» [Аскольдов, 1928: 28-44].

А.П. Бабушкин предложил следующую типологию концептов: 1) мыслительные картинки, 2) схемы, 3) фреймы, 4) инсайты, 5) сценарии, 6) калейдоскопические концепты [Бабушкин, 1997: 43-67].

Г.Г. Слышкин обосновал существование иной классификации и предложил разделить концепты на следующие типы: 1) пропорциональные концепты, 2) сформировавшиеся концепты, 3) формирующиеся концепты, 4) предельные концепты, 5) рудиментарные концепты [Слышкин, 2004].

З.Д. Попова и И.А. Стернин, проведя многочисленные исследования, выделили следующие типы концептов: 1) концепт-представление, 2) концепт-схема, 3) концепт-понятие, 4) концепт-фрейм, 5) концепт-сценарий, 6) концепт-гештальт [Попова, Стернин, 2007].

Н.Н. Болдырев предложил классифицировать концепты на два основных типа, а именно:

- 1) концептуально-простые,
- 2) концептуально-сложные [Болдырев, 2009а: 25-77].

Е.А. Огнева изложила типологию концептов, построенную по трем факторам. «По смысловому наполнению концепты подразделяются на базовые и культурные концепты; по образу функционирования в речи концепты подразделяются на угасающие, появляющиеся, актуализированные концепты; по типу структуры представления знаний концепты предстают в виде фреймов, когнитивных сцен, когнитивных сценариев, скриптов и т.п.» [Огнева, 2009].

В исследованиях М.В. Пименовой обосновано существование трёх типов бицентрических концептов: «1) парные, 2) бинарные, 3) эквивалентные» [Пименова, 2012]. Очевидно, что наличие интерпретационной системы бинарных оппозиций «позволяет свести процесс восприятия всей поступающей к человеку информации к достаточно малому набору универсальных в языках разных культур фундаментальных признаков» [Кучинская, Самарцева, 2019: 211].

Позже М.В. Пименова уточнила собственный подход к классификации концептов и обосновала и существование не только бицентрических типов концептов, но и тематически обусловленных концептов, которые «подразделяются на три следующих типа: базовые концепты, концепты-дескрипторы, концепты-релятивы» [Пименова, 2013: 127-128].

Н.Н. Болдырев в нескольких работах предложил следующий обновленный подход по сравнению с ранее изложенным им же подходом к интерпретации и классификации концептов, а именно выделение структурной типологии концептов, содержательной типологии концептов и функциональной типологии концептов.

1. Структурная типология концептов обосновывает принципы деления концептов на *концептуально-простые* (конкретно-чувственный образ, понятие, прототип) и *концептуально-сложные* концепты (пропозиция, сценарий, фрейм, когнитивная матрица, категория и др.)

2. Содержательная типология концептов подразделяет все концепты на две группы: тематические концепты и операционные концепты.

В соответствии с данным делением *тематические концепты* рассматриваются как различные единицы знания, статические по своей природе и являющиеся основными элементами концептуальной языковой системы, в которой *операционные концепты* видятся «ментальными репрезентациями объектов окружающего мира» [Болдырев, 2011].

3. Функциональная типология концептов выстраивается на совокупности трех базовых функций языка, а именно когнитивной функции, коммуникативной функции и интерпретирующей функции. Эти три базовые функции основаны на трех системах существующих процессов языковой категоризации и концептуализации, а

именно на лексической системе, грамматической системе и модусной системе.

В соответствии с принципами функциональной типологии концепты подразделяются на три типа.

Первый тип – это *репрезентирующие концепты*, которые «функционально связаны с репрезентацией мира и коллективных знаний о мире во всем многообразии его проявления». Эти концепты формируются на базе лексической системы.

Второй тип – *семиотические концепты*, понимаемые как «индивидуальные концепты-смыслы, формируемые и передаваемые в процессах коммуникации». Эти концепты формируются на базе грамматической системы.

Третий тип – *интерпретирующие концепты*, которые «представляют собой единицы нового знания, формируемые на основе интерпретации коллективных знаний о мире». Эти концепты формируются на базе «модусной системы» [Болдырев, 2016: 23-24].

Доказано, что концептуальная система отдельно взятого человека и концептуальная система социума в целом включают в себя интерпретирующие концепты, необходимые для обеспечения задач языковой коммуникации и её интерпретации, нацеленной на выявление особенностей построения и функционирования художественных концептов, формирующих концептосферу художественных текстов, которая, будучи совокупностью художественных концептов, порожденных интенцией автора, объединяет языковые знаки «определённой смысловой связью в логическую последовательность» [Алефиренко, 2007: 4].

Ещё С.А. Аскольдов, вводя в отечественный научный оборот понятие «концепт», указывал на тот факт, что концепт обладает «художественной ассоциативностью» [Аскольдов, 1997: 275].

В современной отечественной когнитивной лингвистике по мнению Л.В. Миллер, художественный концепт – это «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и <...> психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», это «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [Миллер, 2000: 42].

Исходя из данного определения очевидно, что художественный концепт является компонентом личностной концептосферы, будучи порождением сознания писателя, и языковой концептосфере, поскольку вербализован номинантами, составляющими номинативное поле, и входит в культурную концептосферу в качестве литературного, т.е. художественного концепта.

В современной лингвокогнитивистике существуют различные определения художественного концепта, характеризующие различные составляющие его природы. Так, О.Е. Беспалова под художественным концептом предлагает понимать «единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [Беспалова, 2002: 4].

Из определения очевидно, что тот или иной концепт индивидуально-авторской концептосферы писателя, образованной на пересечении личностной концептосферы, языковой концептосферы, культурной концептосферы может быть репрезентирован в одном и более художественных произведений писателя. Рассмотрение художественного концепта, репрезентированного во всех

произведениях писателя способствует моделированию концепта, близкого по номинативному наполнению к модели индивидуально-авторского концепта писателя.

Данное мнение коррелирует с пониманием того, что художественный концепт – это «единица индивидуального сознания авторской концептосферы, вербализованная в едином тексте творчества писателя» [Ерёменко, 2006: 122]. Очевидно, рассматриваемый в таком ракурсе единый текст, создаваемый творчеством писателя, овнешняет индивидуально-авторскую концептосферу в наибольшей степени.

Рассматривая структуру художественного концепта необходимо принимать во внимание тот факт, что художественный концепт может быть интерпретирован как «компонент концептосферы художественного текста автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и являются в сознании автора когнитивно-прагматически значимыми для развития сюжета» [Огнева, 2009: 8].

Следовательно, художественный концепт статичен в свете репрезентации исторического аспекта художественного знания.

Как известно, интерпретация номинативных полей художественных концептов того или иного произведения представляет собой комплексный процесс, поскольку художественные концепты «рассеяны в ткани текста и кристаллизуются в процессе восприятия и понимания текста» [Гкаченко, 2010: 15].

В процессе такой кристаллизации номинативного поля художественного концепта, при чтении художественного произведения, модель концептосферы писателя пересекается с моделью концептосферы читателя или моделью концептосферы реципиента, вследствие чего происходит понимание читаемого текста.

При интерпретации номинативного поля художественного концепта значим тот факт, что художественный концепт представляет собой ментальное образование «прошедшее семиозис и осознаваемое как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля <...> создателя художественного текста» [Сергеева, 2006: 98].

Будучи инвариантом в тексте художественного произведения, художественный концепт, тем не менее, может быть частично изменен при устном или письменном воспроизведении текста тем или иным читателем или реципиентом. В свете этого возникает вопрос о том какая часть дальнейшей периферии номинативного поля концепта может быть изменена без изменения сути художественного концепта, без изменения понимания концепта читателем или реципиентом концептосферы художественного произведения.

Как известно, рассмотрение концептосферы художественного текста в виде единства художественных концептов строится на комплексной интерпретации ядерно-периферийной структуры номинативного поля художественного концепта, в котором «основным репрезентантом концепта выступает абстрактное имя, которое в самом общем виде передает его семантическую идею» [Бабенко, 2006: 40].

Исходя из этого, художественный концепт может не иметь конкретной связи с реальной действительностью, поскольку он присущ только авторскому восприятию этой реальности, т.е. только восприятию писателя в своей инвариантной форме. Вследствие указанной закономерности очевиден тот факт, что только в художественном тексте «слово обретает новый, дополнительный смысл», а обретение этого смысла видится «импульсом к появлению нового художественного концепта» [Новосельцева, 2003: 27].

Необходимо отметить, что интерпретация номинативных полей художественных концептов, составляющих концептосферу художественного произведения, показала, что в ней сопрягаются различные типы художественных концептов, поскольку очевидно, что «в ходе исследования структуры концептов художественных произведений из текстов извлекаются номинанты видовых разновидностей концепта» [Попова, Стернин, 2007: 126].

Существование номинантов видовых разновидностей концепта становится основой типологизации художественных концептов, которые подразделяются на базовые художественные концепты и культурные художественные концепты. Последние представляют собой «художественные ментальные форматы нашего сознания, 2) форматы этнокультурного видения мира, 3) форматы преломления мира в языке, 4) символически насыщенные знаки культуры определенного социума» [Воркачев, 2003: 268-276].

В когнитивной лингвистике наряду с базовыми художественными концептами и культурными художественными концептами рассматриваются лингвокультурные художественные концепты, отличающиеся от культурных художественных концептов.

В последнее время ученые выделяют третий тип концептов – лингвокультурные художественные концепты как элементы культуры, субъективно репрезентированные языковой личностью в языке и речи.

Структура лингвокультурного художественного концепта трехкомпонентна и состоит из ценностного элемента, фактуального элемента, образного элемента.

И.А. Даниленко дополнил вышеприведенную типологию художественных концептов новым типом бицентрического концепта, получившим название «художественный дуальный концепт» [Даниленко, 2017].

А.В. Прохорова в проведённых исследованиях также выделила новый тип бицентрического концепта – «биполярный художественный концепт» [Прохорова, 2018].

Таким образом, рассмотрение художественного концепта как базового компонента концептосферы художественного текста закономерно выводит проводимое исследование на следующий уровень, на уровень моделирования художественного знания, репрезентированного в концептосфере художественного текста.

1.3. Контекстная поляризация в моделях художественного знания

1.3.1. Моделирование как способ интерпретации знания

В современном языкознании продолжают поиски путей интерпретации форматов знания. Одним из возможных оптимальных интерпретативных путей видится моделирование форматов знания, в частности, моделирование форматов художественного знания, под которым следует понимать «целостную деятельностную программу, включающую последовательно применённый набор методов и приёмов, направленных на системное представление какой-либо предметной области объекта (или предметов объекта) для получения информации об этом предмете, которую нельзя выявить в случае описательного подхода» [Белоусов, 2010: 95].

В настоящее время определены различные типы моделирования текста:

- (1) каузально-генетическое моделирование текста,
- (2) лингвосоциокультурное моделирование текста,
- (3) синтаксическое моделирование текста,

(4) когнитивно-сопоставительное моделирование художественного текста, и др.

Каузально-генетическое моделирование текста – это подход, который «позволяет рассматривать любой текст (устный или письменный) как сложный языковой знак, содержание которого представлено в четырех измерениях: структурном, системном, иерархическом, линейном» [Зинченко, 2009: 242]. Благодаря каузально-генетическому моделированию текста выявляются закономерности взаимосвязи четырех измерений художественного текста, а именно: структурного, системного, иерархического, линейного уровней.

Когнитивно-сопоставительное моделирование художественного текста – это «схематическое представление номинативного поля языковых образований, вербализующих когнитивные структуры в составе концептосферы художественных произведений» [Огнева, 2009: 8]. Этот тип моделирования реализуется при когнитивном сопоставлении плана содержания и плана выражения номинантов номинативных полей художественных концептов, составляющих концептосферу текста оригинала и концептосферу текста перевода.

В результате проводимого таксономического когнитивно-сопоставительного моделирования в сочетании с графическим когнитивно-сопоставительным моделированием выстраиваются, прежде всего, ядерно-периферийные модели исследуемых художественных концептов, а затем графические модели номинативных полей на основе установленной симметрии / асимметрии номинантов в номинативном поле художественного концепта текста-оригинала и текста-перевода.

Лингвосоциокультурное моделирование текста нацелено на исследование «социокультурных представлений в тексте» [Маслакова, 2010]. Именно лингвосоциокультурный спектр

концептосферы художественного текста видится как пересечение трех ранее указанных концептосфер: личностной концептосферы, языковой концептосферы и культурной концептосферы. В свете этого значима «концепция лингвокультурного моделирования текста» [Богуславская, 2011].

Синтаксическое моделирование текста видится как «формирование каркаса текста как формы практической реализации коммуникативных целеустановок» [Шаталова, 2012: 140-142]. Синтаксическое моделирование текста позволяет определить особенности построения художественного текста на уровне его синтаксических конструкций и выявляет те из них, которые непосредственно участвуют в реализации коммуникативной функции. В когнитивном ракурсе исследований текста в данном типе моделирования привлекаются синтаксические концепты.

Как известно, в современном языкознании происходит смена исследовательского вектора с «описательности» на «моделируемость», поэтому в дополнение к каузально-генетическому моделированию текста, когнитивно-сопоставительному моделированию художественного текста, лингвосоциокультурному моделированию текста, синтаксическому моделированию текста ведётся поиск новых типов моделирования текста с привлечением количественного метода исследования.

Смена исследовательского вектора в языкознании призвана воссоздавать реальность того или иного объекта посредством его модели, что позволяет «получать новые знания» [Белоусов, 2010: 95]. В случае моделирования художественного текста речь идёт о моделировании художественных знаний, в том числе в виде концептосферы художественного текста.

Существуют различные подходы к пониманию того, что собой представляет научная модель. Так, по мнению

В.И. Карасика, «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» [Карасик, 2013: 6].

Очевидно, что модель в качестве исследовательского конструкта привлекает отечественных и зарубежных учёных универсальностью в интерпретации данных и обширным горизонтом экспликации.

В зарубежном языкознании проблеме моделирования знания уделяется внимание во многих исследованиях. Так, П. Джонсон-Лэрд предложил новые разработки в области ментального моделирования [Johnson-Laird, 1983]. Примечательно, что разработки этого ученого позволяют вести исследование на уровне ментальности человека, что выявляет особенности функционирования ментальных моделей языковой личности и способствуют описанию ментальных моделей различных лингвосоциокультурных групп.

Д. Холланд и Н. Квин обосновали необходимость моделирования языка и мысли и разработали культурные модели языка и мысли [Holland, Quinn, 1987]. Привлечение культурного компонента к моделированию языка и мысли зарубежными лингвистами коррелирует с ранее описанным лингвосоциокультурным подходом к моделированию текста, который был предложен отечественными учеными.

Дж. Лакофф, проработав значительный объем материала, вывел взаимосвязь категорий и когнитивных моделей [Lakoff, 1987]. Детальное описание когнитивных моделей, предложенное Дж. Лакоффом, способствовало интерпретации категорий, функционирование которых обусловлено их включенностью в когнитивные модели.

Дж. Бентем, проработав значительный пласт материала, предложил новые подходы к моделированию логики времени в аспекте темпоральной онтологии и темпорального дискурса [Benthem, 1991]. Темпоральность в художественном тексте исследована ещё не в полном объеме, поэтому привлечение темпоральной онтологии способствует созданию комплексной темпоральной модели текста. Создание темпоральной модели текста нацелено на определение особенностей проявления таких категорий текста как проспекция и ретроспекция.

М. Руан обосновал необходимость интерпретации корреляции когнитивных карт с конструированием нарративного пространства [Ruан 2003]. Интерпретация и конструирование нарративного пространства текста позволяют проникнуть в особенности построения языковой личности писателя. Построение когнитивных карт визуализирует особенности построения языковой личности писателя, его индивидуальную-авторскую концептосферу.

И. Илиска и О. Иванова обосновали необходимость интерпретации ментальных картин в художественных текстах [Plinska, Ivanova, 2018].

Выявление ментальных картин в концептосфе художественного текста показало, что ментальные картины могут вербализовываться номинантами различных художественных концептов, т.е. можно говорить о том, что они являются структурами, объединяющими художественные концепты в концептосфе художественного текста.

Таким образом, основными направлениями моделирования в зарубежном языкознании стали: 1) разработки в области ментального моделирования, 2) моделирование языка и мысли и разработка культурных моделей языка и мысли, 3) выявление взаимосвязи категорий и когнитивных моделей, 4) моделирование логики времени в аспекте

темпоральной онтологии и темпорального дискурса, 5) обоснование корреляции когнитивных карт и конструирования нарративного пространства, 6) интерпретация ментальных картин в художественных текстах.

Известный отечественный учёный Р.Г. Пиотровский, проводя исследования в области моделирования, подразделил выявленные им модели по описанию внутреннего строения на три типа: «структурные модели, функциональные модели и динамические модели» [Пиотровский, 1998: 86-96]. В любом случае «модель, воспроизводя какой-либо онтологический языковой объект, должна не только схематизировать его, сколько <...> генерировать новые знания об объекте» [Белоусов, 2010: 95], а именно знания относительно того «какого рода фрагменты моделей следует извлекать из памяти и активировать, и как их следует сочетать» [Дейк, 2015: 94]. Развитие данного интерпретативного подхода привело к тому, что моделирование причисляется к основным исследовательским подходам в современном языкознании, поскольку преимущество моделирования в процессе исследования заключается в том, что «весь корпус текста данного автора становится обозримым и более доступным для восприятия и усвоения <...>, позволяет лучше увидеть единство целого» [Левин, 1998: 102].

Моделирование конструктов, вне сомнения, расширяет возможности интерпретации идиостиля писателя. Вслед за Н.Н. Болдыревым, интерпретация понимается как «языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [Болдырев, 2015: 7]. В качестве объекта интерпретации выступают номинативные поля художественных концептов, формирующих концептосферу художественного текста как формат-проекцию мировидения писателя. С учетом

специфики комплексного конструирования мира и повышения роли интерпретирующего процесса, по мнению Н.Н. Болдырева, можно выделить «два основных типа когнитивных схем, или моделей, языковой интерпретации мира и знаний о мире: общие, коллективные, или конвенциональные, и частные, индивидуальные, или субъективные» [Болдырев, 2016: 12-13].

Зарубежный ученый Р. Жакендоф воспринимает явление интерпретации в форме проецированного мира – «projected world», «phenomenal world», «experienced world» [Jackendoff, 1985; 2007], что коррелирует с рассмотрением концептосферы художественного текста в виде модели-проекции мировидения писателя, поскольку художественный текст как модель реального мира порождается воображением автора, поэтому этот текст уникален по своей природе, что прослеживается в процессе моделирования любых форматов художественного знания, в том числе и при моделировании номинативных полей художественных концептов. Очевидно, что текстовая когнитивно-логическая модель реализует дискретность действительности, поскольку «дискретность обуславливает типологическую классификацию элементов» [Салмина, 2002: 114-115]. Среди дискретных элементов действительности особую роль в этом случае играют единицы проекции индивидуально-авторской картины мира в виде «ядерных моделей текста» [Мойсеева, 2007: 108]. Ядерные модели текста интерпретируются как модели базовых художественных концептов, а свойство их моделируемости рассматривается как «определяющее когнитивно-логические принципы действия знаковых моделей» [Салмина, 2002: 116].

Итак, развитие идеи интерпретации художественных текстов и их последующее моделирование привело к появлению тезиса о том, что «на основе деятельностного и

системного подходов может быть создана теория модельного исследования языковой реальности – модельная лингвистика» [Белоусов, 2010: 95]. Как новое направление в языкознании модельная лингвистика «представляет собой не просто систему количественных методов и приёмов, а систему взглядов на организацию исследования языковой реальности, включающих в себя способы получения, хранения данных и обмена данными, методы статистического анализа и компьютерного моделирования, интерпретацию результатов и возможность их воспроизведения» [Белоусов, 2010: 96-97].

В настоящее время в языкознании существует два базовых типа моделирования: таксономическое и графическое. Основная цель графического модельного исследования, в этом случае заключается в «оптимальной организации формы текста» [Белоусов, 2016]. Процесс формирования таксономических знаковых моделей, среди которых и модели когнитивных структур, формирующих концептосферу художественного текста, базируется на свойствах внеязыковой действительности, отраженной в художественном тексте. Следовательно, вопрос о «структурах представления различных видов знания является одной из основных проблем» [Скрышников, 1999: 71].

В настоящее время в когнитивной лингвистике устоялось мнение о значимости моделирования художественного концепта как множественности форм репрезентации знаний. Моделирование концептов, в том числе художественных концептов, осуществляется по следующему алгоритму: «описание структуры концепта/концепта-доминанты; описание категориальной структуры концепта / концепта-доминанты; интерпретация содержательной составляющей концепта / концепта-доминанты» [Попова, Стернин, 2007: 148]. Существуют несколько моделей

описания и интерпретации различных типов концептов. Эти модели вскрывают взаимообусловленность и взаимодополняемость концептов друг другом, в том числе и художественных концептов.

Итак, в современном языкознании признана следующий перечень интерпретативных моделей концептов: архетипная модель, инвариантная модель, когнитивная модель, когнитивно-логическая модель, концептуальная модель, контекстуальная модель, графическая модель. Каждый из представленных семи типов интерпретативных моделей имеет свои особенности.

Архетипная модель как модель художественного знания нацелена на интерпретацию художественных концептов, понимаемых как «нечто предельно обобщённое, чувственно-образное, скрытое в глубинах сознания» [Ляпин, 1997: 21]. Предельность обобщения проявляется в номинации репрезентантов модели. В архетипной модели концепт выстраивается как первосмысл, сформированный на базе архилексемы.

Инвариантная модель нацелена на интерпретацию первосмысла концептов. Модель реализуется на основе когнитивно-коммуникативных актов как компонентов интерпретативного подхода, нацеленного на вычленение инварианта.

Когнитивная модель нацелена на интерпретацию структуры концепта, на описании процесса, при котором в получаемой модели упорядочивается и хранится n-объём когнитивных знаний, ситуативно обусловленных. В современной когнитивной лингвистике обосновано существование следующих когнитивных интерпретативных моделей знания: 1) пропозициональные интерпретативные модели; 2) метафорические интерпретативные модели; 3) образно-

схематические интерпретативные модели; 4) метонимические интерпретативные модели.

Когнитивно-логическая модель нацелена на определение особенностей построения номинативного поля художественного концепта.

Концептуальная модель нацелена на выявление специфики построения художественного концепта в «виде фрейма, типового сценария или скрипта» [Жаботинская, 2000: 15].

Контекстуальная модель. Контекстуальная интерпретативная модель концепта нацелена на выявление механизма порождения дискурса, в частности художественного дискурса.

Очевидно, что большую роль играет контекст модификации номинативного поля концепта, а следовательно, и предпосылки модификации номинативного поля. Исследование модификаций номинативного поля концепта затрагивает микроуровни кратковременной памяти, посредством которой формируется текст как формат общего контекста функционирования концептов с учётом сценариев функционирования концептов, «обсуждая контекст как познание» [Tincheva 2014: 500].

Графическая модель. Графическая интерпретативная модель концепта способствует наглядной репрезентации особенностей построения плана содержания и плана выражения компонентов номинативного поля художественного концепта, где реализуется «обобщение, регулярно повторяющееся в лексических, фразеологических и текстовых репрезентациях концепта, обнаруживающее знания о мире» [Бабенко, 2006: 40-41]. Очевидно, что «применение интерпретативных подходов в рамках вышеперечисленных моделей создает устойчивую базу для комплексного моделирования различных типов концептов»

[Ефанова, 2019: 34]. Именно различие типов концептов способствует текстовой проекции индивидуально-авторской концептосферы писателя, являющейся частью национальной концептосферы.

Таким образом, посредством интерпретации концептосферы, рассматриваемой в виде модели-проекции мировидения писателя, строится «модель литературного явления» [Баевский, 2001], а именно такого литературного явления как контекстная поляризация.

1.3.2. Типология моделей контекстной поляризации

Художественная картина мира предстаёт целостным моделируемым явлением, в котором, однако, сопрягаются различные противоположности, становящиеся в структуре художественного текста основой такого явления как контекстная поляризация, репрезентируемая различными маркерами, под которыми понимаются речевые единицы, овнешняющие противоположные смысловые явления, «в рамках отдельно взятого контекста или совокупности контекстов одного и того же произведения» [Огнева, 2016: 145] при условии, что «информативная полярность как свойство того или иного текста является основой модели контекстной поляризации, последняя представляет собой совокупность маркеров, репрезентирующих поляризацию и содержания, и формы единиц текста» [Гламазда, 2019б: 233].

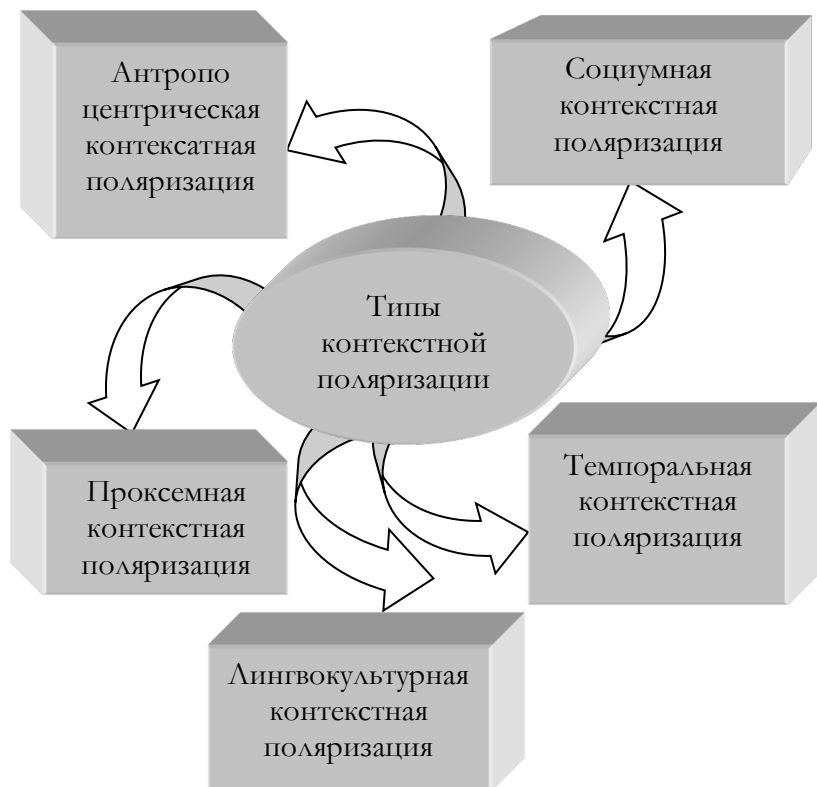
Необходимость проведения всестороннего исследования и интерпретации структуры маркеров контекстной поляризации основана на том факте, что «интерес к оппозитивным текстовым смыслам – репрезентантам авторского мировидения оправдывается биполярностью сознания как

формы мысли» [Щирова, 2013: 45]. Дихотомия противоположностей, по мнению известного ученого М.В. Никитина, это «самое яркое проявление конструктивизации действительности сознанием <...>, укладывания в двухзначную схему, основанием которой служит диалектичность мира как единства противоположностей» [Никитин, 2007: 414].

Когнитивно-герменевтический анализ концептосферы художественного текста, применяемый для определения «качественных и количественных параметров статичных и динамичных лингвокогнитивных структур» [Ogneva et al., http], наряду с разработанным С.Н. Гламазда авторским алгоритмом моделирования и интерпретации когнитивных конструктов, репрезентирующих контекстную поляризацию, способствовал выявлению следующих типов контекстной поляризации, составивших авторскую типологию:

- 1) антропоцентрическая контекстная поляризация,
- 2) социумная контекстная поляризация,
- 3) лингвокультурная контекстная поляризация,
- 4) темпоральная контекстная поляризация,
- 5) проксемная контекстная поляризация.

Выявленные в концептосфере художественного текста типы контекстной поляризации отражены на модели, на рисунке 2.

Рисунок 2 – Модель типов контекстной поляризации в концептосфере художественного текста

Когнитивно-герменевтическое исследование архитектоники концептосферы романов Г. Джеймса «Американец» и «Европейцы» выявило, что каждый из представленных на модели типов контекстной поляризации состоит из следующих подтипов:

I. Антропоцентрическая контекстная поляризация:

1) антропоцентрическая контекстная поляризация деятельности, 2) антропоцентрическая контекстная поляризация мнений, 3) антропоцентрическая контекстная поляризация человека внешнего и человека внутреннего, 4) антропоцентрическая контекстная поляризация предположений и реальности, 5) антропоцентрическая контекстная поляризация мировосприятия, 6) антропоцентрическая контекстная поляризация образа жизни, 7) антропоцентрическая контекстная поляризация поведения, 8) антропоцентрическая контекстная поляризация знания.

II. Социумная контекстная поляризация:

1) социумная гендерная контекстная поляризация, 2) социумная возрастная контекстная поляризация, 3) социумная мировоззренческая контекстная поляризация, 4) социумная контекстная поляризация внешности, 5) социумная поведенческая контекстная поляризация, 6) социумная религиозная контекстная поляризация, 7) социумная семейная контекстная поляризация, 8) социумная комплексная контекстная поляризация, 9) социумная контекстная поляризация образа жизни.

III. Лингвокультурная контекстная поляризация:

1) лингвокультурная контекстная поляризация традиций, 2) лингвокультурная контекстная поляризация образа жизни, 3) лингвокультурная контекстная поляризация жилья, 4) лингвокультурная контекстная поляризация предметов одежды, 5) лингвокультурная контекстная поляризация приёма пищи.

IV. Темпоральная контекстная поляризация:

1) темпоральная контекстная поляризация одномоментности и временной пролонгированности, 2) темпоральная контекстная поляризация конкретной временной

точки и бесконечности времени, 3) темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего, 4) темпоральная контекстная поляризация настоящего и будущего.

V. Проксемная контекстная поляризация:

1) проксемная урбанистическая контекстная поляризация, 2) проксемная контекстная поляризация человека и природы, 3) проксемная персонифицированная контекстная поляризация, 4) проксемная неперсонифицированная контекстная поляризация.

Следовательно, типология контекстной поляризации состоит из пяти типов и тридцати подтипов (автор типологии С.Н. Гламазда).

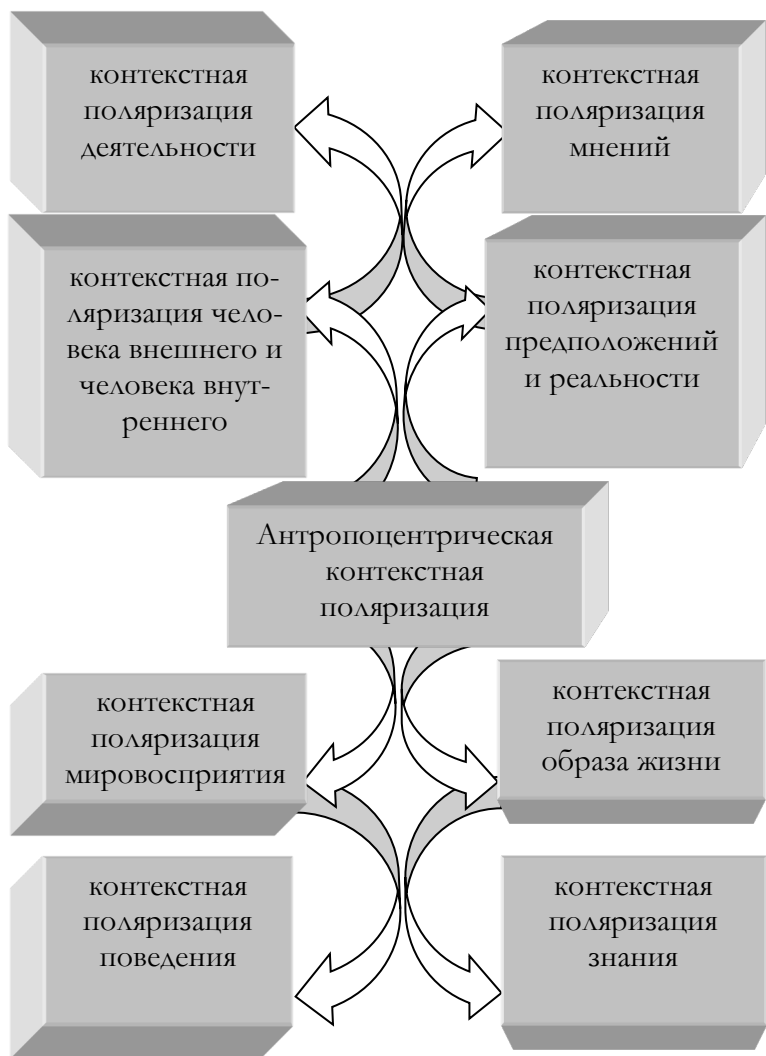
Каждый из пяти типов контекстной поляризации смоделирован и проиллюстрирован примерами из исследуемых романов Г. Джеймса.

I. Антропоцентрическая контекстная поляризация

Рассматриваемый тип контекстной поляризации представляет собой один из базовых типов поляризации в модели художественного концепта. «Под антропоцентрической контекстной поляризацией понимается противопоставление параметров описания одного и более героев художественного произведения в определённом контексте без привязки к социумной принадлежности описываемых параметров героев» [Гламазда, 2019б: 233].

Модель антропоцентрической контекстной поляризации представлена на рисунке 3.

Рисунок 3 – Модель антропоцентрической контекстной поляризации

Пример 1.1. Антропоцентрическая контекстная поляризация деятельности

... *he understood often both what she said and what she did not say* [James. The Europeans, ch. 1: http] / ... *он понимал часто как то, что она говорила, так и то, что она не говорила* (Пер. здесь и далее автора – С.Г.).

В рассматриваемом примере выявлены маркеры контекстной поляризации *she said / она сказала* ↔ *she did not say / она не сказала*, характеризующие деятельность одной из героинь романа «Европейцы», баронессы Евгении.

Контекстная поляризация представлена глаголом *говорить* в прошедшем времени в положительной и отрицательной формах, что поляризует описание ситуации.

Пример 1.2. Антропоцентрическая контекстная поляризация мнения героев произведения

“You have a great deal of talent,” said Gertrude.

“No–no,” the young man rejoined, in a tone of cheerful impartiality, “I have not a great deal of talent” [James. The Europeans, ch. 5: http] / *“У Вас великий талант”, сказала Гертруда. “Нет-нет”, ответил молодой человек тоном весёлой беспристрастности, “У меня нет большого таланта”.*

В рассматриваемом примере выявлены маркеры контекстной поляризации *have a great deal of talent / у Вас великий талант* ↔ *No–no / нет-нет / I have not a great deal of talent / у меня нет большого таланта*.

Примечательно, что второй маркер контекстной поляризации представляет собой дубликацию слов одного из героев романа.

В контексте молодой человек не только произносит краткое отрицание *“нет-нет”*, но и уточняет *“У меня нет большого таланта”*.

Дублирование маркеров контекстной поляризации усиливает явление контекстной поляризации.

Пример 1.3. Антропоцентрическая контекстная поляризация человека внешнего и человека внутреннего

“You have money and liberty and what is called in Europe a ‘position’. But you take a painful view of life, as one may say” [James. The Europeans, ch. 5: http] / *“У Вас есть деньги и свобода и то, что называется в Европе «положением». Но у Вас болезненный взгляд на жизнь, если так можно сказать”*.

В рассматриваемом примере выявлены следующие маркеры контекстной поляризации *a ‘position’ / положение* ↔ *take a painful view of life / болезненный взгляд на жизнь*.

Человек внешний определяется маркером *a ‘position’ / положение*, тогда как человек внутренний маркируется словосочетанием *take a painful view of life / болезненный взгляд на жизнь*.

Очевидно, что писатель поляризует внешний успех своего героя, обеспеченный положением героя романа в обществе, и психологические особенности мировосприятия этого героя произведения.

Пример 1.4. Антропоцентрическая контекстная поляризация предположений и реальности

For an instant she believed that he was going to take her hand; but he dropped his own hands suddenly into the pockets of his painting-jacket [James. The Europeans, ch. 5: http] / *На мгновение ей показалось, что он намеревается взять её за руку, но он вдруг положил руки в карманы своего пиджака для рисования*.

В рассматриваемом примере выявлены маркеры контекстной поляризации *he was going to take her hand / он намеревался взять её за руку* ↔ *but he dropped his own hands suddenly into the pockets / но вдруг положил руки в*

карманы, репрезентирующие невербальный компонент описываемой коммуникации двух героев.

Из контекста очевидно, что главный герой романа предполагал взять героиню произведения за руку, но он не сделал этого.

Следовательно, намерение главного героя не осуществилось, но, тем не менее, проявилось в жестах.

Пример 1.5. Антропоцентрическая контекстная поляризация мировосприятия

She knew the worst and the best [James. The American, ch. 3: http] / *Она знала худшее и лучшее.*

В данном примере в качестве маркера контекстной поляризации выступает целое предложение, характеризующее полярность, присущую окружающему миру, спроецированному в формат художественных образов.

Маркеры *the worst* ↔ *the best* поляризуют реальность как таковую, однако, маркер *She knew* / *Она знала* переводит эту реальность на уровень мировидения героини.

Пример 1.6. Антропоцентрическая контекстная поляризация образа жизни

And yet he was evidently not a man to whom fatigue was familiar [James. The American, ch. 1: http] / *И всё же он был очевидно не из тех, для кого усталость – страшное испытание.*

В рассматриваемом примере репрезентирован образ жизни отдельно взятого человека, который поляризован с образом жизни других героев романа.

Выявленная контекстная поляризация представляет собой антропоцентрический тип, поскольку писатель противопоставляет образ жизни американца, прибывшего в Европу, образу жизни жителей Старого Света, т.е. характеризует образ жизни человека как такового.

Примечательно, что данный подтип контекстной поляризации отличается от подтипа социумной контекстной поляризации образа жизни тем, что во втором случае в контексте противопоставляется образ жизни различных социумов, тогда как в первом случае, при антропоцентрической контекстной поляризации, противопоставляется образ жизни одного из членов общества образу жизни другого общества (ср. маркеры социумной контекстной поляризации).

Пример 1.7. Антропоцентрическая контекстная поляризация поведения

*“It seems to me that **in your place I should have come here once a week**”* [James. The American, ch. 2: http] / *“Мне кажется, что на твоём месте я бы приходил сюда еженедельно”*.

В данном примере маркер контекстной поляризации *in your place / на твоём месте* репрезентирует тот факт, что герой произведения поляризует своё поведение и поведение друга молодости, ставя себя на его место в европейском социуме.

Примечательно, что рассматриваемый маркер контекстной поляризации имеет дублирование, уточняющее репрезентацию поляризации поведения, отражённую в первом контекстном маркере *I should have come here once a week* / *я бы приходил сюда еженедельно*.

В таком случае герой романа не только представляет себя на месте своего друга молодости, но и представляет то действие, которое бы он делал, будь он на месте своего друга молодости.

Дублирование маркеров контекстной поляризации не только усиливает это явление, но и детализирует ситуацию, делая её более очевидной для читателя.

Пример 1.8. Антропоцентрическая контекстная поляризация знаний

He was quite unaware that the saddle is recommended for certain forms of indigestion [James. The American, ch. 1: [http](http://)] / **Он совершенно не знал, что седло рекомендуется для определенных форм расстройства желудка.**

В рассматриваемом примере поляризуется незнание героем произведения, мистером Ньюэном, факта, известного остальным членам светского общества, и это незнание интерпретируется Г. Джеймсом как значимая отличительная черта его героя.

Таким образом, рассмотренные маркеры антропоцентрической контекстной поляризации, репрезентирующие восемь подтипов, представляют широкую палитру противопоставления действий и мировосприятия героев художественных произведений Г. Джеймса «Американец» и «Европейец».

II. Социумная контекстная поляризация

Вторым значимым типом контекстной поляризации видится социумная контекстная поляризация. Под социумной контекстной поляризацией понимается противопоставление ряда параметров одного социума другому социуму при условии, что описание обоих социумов в художественном произведении контекстуально пересекаются.

Рассмотрение социумной контекстной поляризации в модели текстового мира зиждется, в том числе, и на постулате о том, что «идеи и отношения развиваются в течение времени в социальном, общественном контексте» [Dickerson & Zimmerman, 1996: 80].

При этом необходимо учитывать, что «контекстное разнообразие может быть измерено различными способами в зависимости от теоретического определения контекста» [Jones, Dye, Johns, 2017: 253], поскольку, как

известно, «языковое значение определяется контекстом его употребления» [подробнее: Burr, 2003; McNamee, 2004].

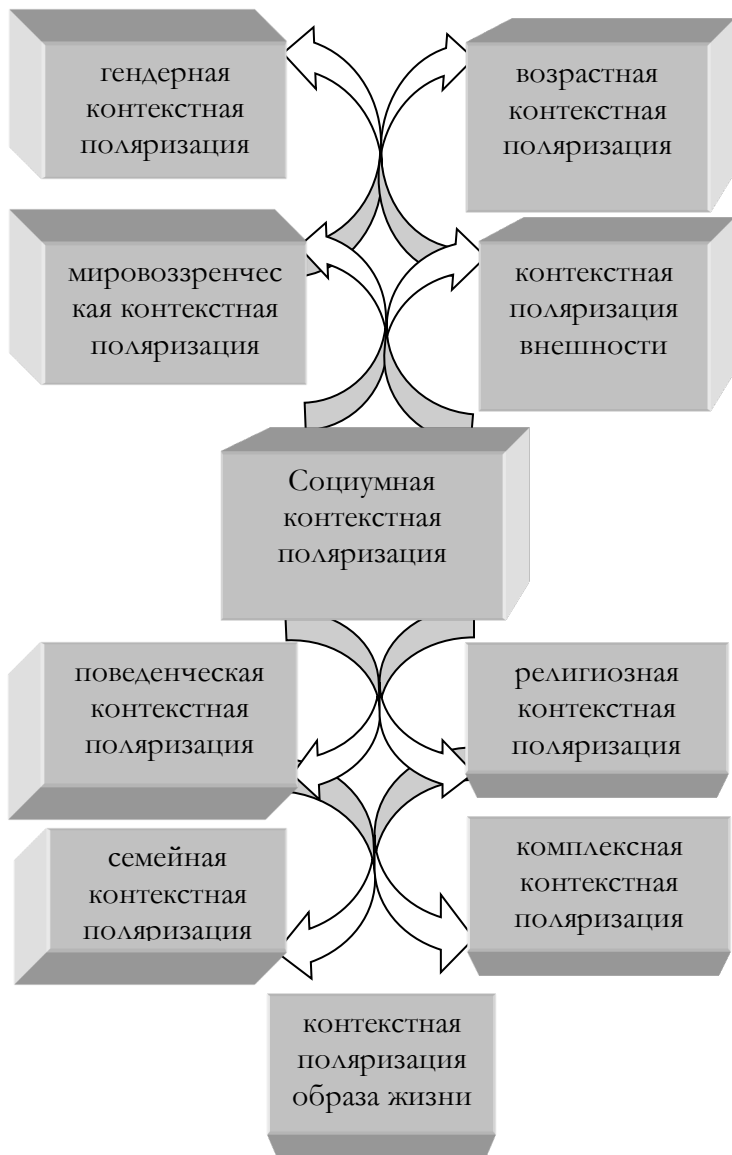
Возможность построить модель текстового мира, а именно ту его часть, которая включает в себя социумную поляризацию зиждется на «способности человека строить своё собственное понимание мира, что связано со способностью человеческого мышления строить» [Galbin, 2014: 83], в том числе и посредством символов.

Рассмотрение символического интеракционизма базируется на комплексной интерпретации поведения человека, который рассматривается в качестве единицы социума, с учётом того, что поведение человека есть совокупность значимых символов, несущих, в том числе, и невербальную социальную информацию, поскольку язык – это «продукт социальных усилий» [Moghaddas, Dekhnich, 2015: 25].

Особенность символической интеракции заключается, по мнению Г. Блумера, в том, что «люди интерпретируют или определяют действия друг друга, а не просто реагируют на них» [Блумер, 1984: 173].

Исследование маркеров социумной контекстной поляризации сопряжено с тезисами символического интеракционизма, основателем которого был Дж. Мид [см. подробнее: Mead, 1934].

Модель социумной контекстной поляризации представлена на рисунке 4.

Рисунок 4 – Модель социумной контекстной поляризации

Создание модели социумной контекстной поляризации позволяет перейти к следующему этапу исследования, к рассмотрению маркеров контекстной поляризации, репрезентирующей её подтипы.

Пример 2.1. Социумная гендерная контекстная поляризация

A lady who stood looking out of one of the windows of the best hotel in the ancient city of Boston <...> and in front of the fire, at a table, sat a young man [James. The Europeans, ch. 1: http] / **Женщина**, которая стояла и смотрела в окно на прекрасный отель старинного Бостона <...> и напротив огня, у стола сидел **молодой мужчина**.

В рассматриваемом контексте выявлена, прежде всего, гендерная поляризация, выраженная маркерами *a lady / леди* ↔ *young man / молодой мужчина*. Примечательно, что в этих маркерах репрезентирована и возрастная поляризация, т.е. противопоставляется возраст женщины (по сюжету романа баронессе Евгении около 30 лет) и возраст её младшего брата, молодого художника. Наличие двух типов контекстной поляризации в одних и тех же маркерах рассматривается как синергия контекстной поляризации и будет детально описано в параграфе 1.4.

В контексте прослеживается проксемная поляризация *stood / стояла* ↔ *sat / сидел*, которая сопряжена с двумя вышеуказанными типами поляризации.

Пример 2.2. Социумная возрастная контекстная поляризация

“Monsieur wishes to buy it?” asked the young lady in French.
“Very pretty, splendide. Combien?” repeated the American [James. The American, ch. 1: http] / *“Господин желает купить это” - спросила девушка по-французски. “Очень красиво, великолепно. Сколько?” – повторил американец.*

В рассматриваемом контексте поляризация выражена посредством маркеров *the young lady (asked in French) / девушка (спросила по-французски)* ↔ *the American / американец (не говорил по-французски)*.

Писатель подчеркивает молодость девушки на фоне возраста героя произведения.

В примере очевидна синергия социумной возрастной контекстной поляризации и социумной гендерной контекстной поляризации, сопряжённая с социумной поведенческой контекстной поляризацией, поскольку девушка говорила по-французски с американцем, а американец говорил с ней по-английски с вкраплением одного слова на французском языке *combien / сколько*.

Пример 2.3. Социумная мировоззренческая контекстная поляризация

Brought up among ancient customs and in picturesque cities, he yet found plenty of local color in the little Puritan metropolis [James. The Europeans, ch. 1: http] / *Воспитанный среди древних обычаев в живописных городах, он нашел великолепным местный колорит в небольшом пуританском мегаполисе.*

Маркеры контекстной поляризации мировоззрения двух социумов в данном примере представляют собой наименования места проживания героев романа: *picturesque cities / живописные города* ↔ *the little Puritan metropolis / небольшой пуританский мегаполис*. Более того, маркер *picturesque cities* имеет дублирующий маркер *Brought up among ancient customs / воспитанный среди древних традиций*. Как известно, мировоззрение, сформированное согласно древним европейским традициям, и мировоззрение, сформированное согласно пуританской морали, значительно отличаются.

Из контекста романа очевидно, что Г. Джеймс говорит о строгой морали, которой придерживаются пуритане,

противопоставляя её принципы принципам древнеевропейского воспитания.

Пример 2.4. Социумная контекстная поляризация внешности

It was only in Paris that one could find things to exactly suit one's complexion [James. The American, ch. 3: [http](http://)] / *Только в Париже можно найти вещь, точно подходящую к лицу.*

Рассматриваемый маркер контекстной поляризации представляет собой целое предложение, характеризующее Париж как центр моды, в отличие от Америки, откуда прибыл главный герой романа, мистер Ньюмэн, то есть поляризуется внешность жителей Парижа и жителей родной для героя романа Америки в пользу жителей Парижа.

Пример 2.5. Социумная поведенческая контекстная поляризация

The young man, with his hat in his hand, still looked at her, smiling and smiling. It was very strange [James. The Europeans, ch. 2: [http](http://)] / *Молодой человек со шляпой в руках всё ещё смотрел на неё, продолжая улыбаться. Это было очень странно.*

В данном контексте фраза *It was very strange* / *Это было очень странно* дублирует сказанное ранее, т.е. описывает жесты и мимику европейца, который вёл себя не так как было привычно его собеседнице, американке. Поляризация поведения молодых людей, родившихся на различных континентах, обусловлено тем, что «невербальная коммуникация имеет разное значение для разных людей и культур» [Седых, 2018: 162]. Маркер *smiling and smiling / улыбаясь и улыбаясь*, репрезентирующий продолжительную улыбку главного героя романа, тоже усиливает семантику маркера *It was very strange*, поскольку поведение молодого человека, приехавшего из Европы, казалось странным девушке, родившейся в пуританской семье, которая

проживает среди норм поведения американского континента. Эти нормы определены американским социумом.

В данном контексте наряду с социумной поведенческой контекстной поляризацией прослеживается социумная гендерная контекстная поляризация, поскольку поведение, жесты и мимику молодого человека оценивает девушка.

Пример 2.6. Социумная религиозная контекстная поляризация

I can calculate – some four hundred and seventy churches. Do you call that interested?” “Perhaps you are interested in theology,” said the young man. “Not particularly” [James. The American, ch. 3: [http](http://)] / “Я могу сосчитать – около четырехсот семидесяти церквей. Ты называешь это интересным”. “Возможно ты интересуешься теологией”, сказал молодой человек. “Не особенно”.

В рассматриваемом примере социумная религиозная контекстная поляризация репрезентируется посредством трёх маркеров, два из которых сопряжены *some four hundred and seventy churches / около четырехсот семидесяти церквей + you are interested in theology / ты интересуешься теологией*, поскольку смысл второго маркера вытекает из смысла первого маркера, т.к. если человек посетил 470 церквей, то у собеседника возникает закономерное предположение о религиозности посетившего такое количество церквей.

Однако, Г. Джеймс поляризует привычное видение религиозности европейца и американца, который отвечает, что он не особенно религиозен, что вызывает недоумение у его друга.

Пример 2.7. Социумная семейная контекстная поляризация

“You are a beau vieillard, dear uncle,” said Madame Munster, smiling with her foreign eyes [James. The Europeans, ch. 5: [http](http://)] / **“Вы прекрасный старик”**, сказала мадам Мюнстер, улыбаясь её чужими глазами.

В рассматриваемом контексте маркером поляризации является словосочетание *her foreign eyes / её чужие глаза*, т.е. для дяди-американца глаза племянницы, приехавшей из европейского социума, это не родные глаза. Это семейное отчуждение усиливается вкраплением в английскую речь племянницы французской фразы *a beau vieillard / прекрасный старик*. Очевидно, что произнесение в кругу семьи, говорящей на английском языке, слов на французском языке поляризует коммуникантов, несмотря на формальные родственные узы, связывающие их.

Пример 2.8. Социумная комплексная контекстная поляризация

“The conversation of the best society.” “Our French conversation is famous, you know,” M. Nioche ventured to continue. “It’s a great talent” [James. The Americans, ch. 2: [http](http://)] / **“Беседа высшего общества” “Наша французская беседа знаменита, как Вам известно”, господин Ниош отважился продолжить. “Это большой талант”**.

В рассматриваемом примере поляризуется беседа во французском стиле, репрезентированная маркером *our French conversation is famous / наша французская беседа знаменита*. Этот стиль беседы определяется в диалоге выше других стилей бесед посредством трёх маркеров, характеризующих беседу: 1) *the conversation of the best society / беседа высшего света*, 2) *famous / знаменита*, 3) *It’s a great talent / большой талант*. Маркер *French / французская* сопрягает все типы контекстной поляризации,

поэтому рассматривается как подтип комплексной поляризации.

Пример 2.9. Социумная контекстная поляризация образа жизни

“Oh, I say,” cried Newman, with energy, “you are not going to lock me up in a club and stick me down at a card-table! I haven’t come all this way for that” [James. The American, ch. 3: [http](http://)] / *“О, я говорю”, энергично вскрикнул Ньюмэн: “ты не запрёшь меня в клубе и не посадишь за карточный стол! Я никогда не сделаю это”.*

В рассматриваемом примере поляризуется социумный образ жизни, поскольку главный герой, американец мистер Ньюмэн, всю сознательную жизнь работал, сколотил большое состояние и приехал в Европу, чтобы увидеть исторические и культурные места другой части Света, и он не приемлет проведение времени и трату денег за карточным столом, в то время как его друг, давно проживающий в Европе, не видит ничего плохого в таком времяпрепровождении.

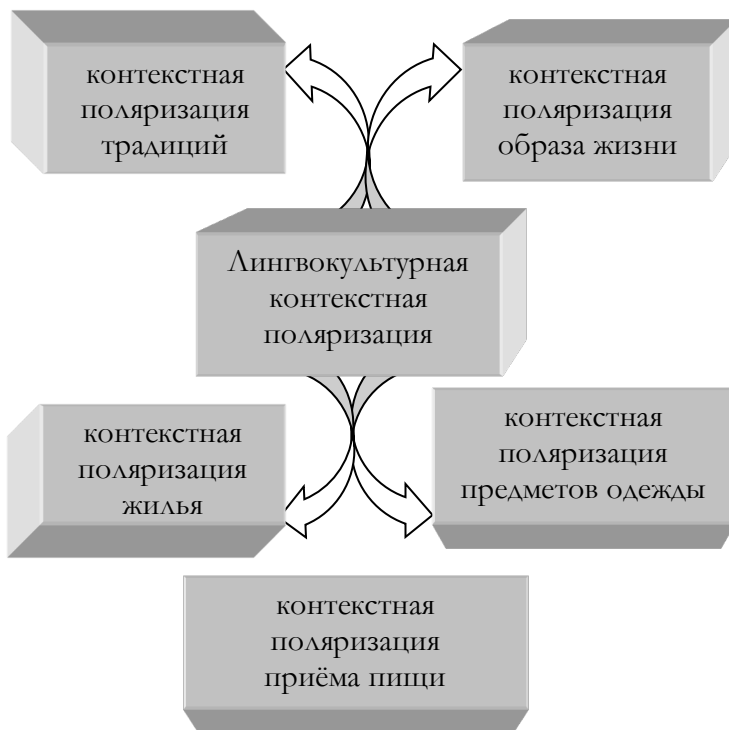
Таким образом, рассмотренные примеры девяти подтипов социумной контекстной поляризации репрезентируют ряд значимых параметров, отличающих два социума, европейский и американский, в конце XIX века. Эти отличия двух социумов спроецированы Г. Джеймсом в формат художественного знания, сохраняющий литературные символы антагонизма двух частей света: Старого Света и Нового Света для многих поколений читателей.

III. Лингвокультурная контекстная поляризация

Культурологическая составляющая является во многих произведениях значимым сегментом архитектоники концептосферы произведения, поэтому третьим типом контекстной поляризации видится лингвокультурная контекстная поляризация, под которой понимается

поляризация текстовой культурной составляющей, выраженной чаще всего лингвокультуремами и репрезентированной в пределах контекста. Интерпретация лингвокультурной составляющей концептосферы текста показало наличие пяти подтипов лингвокультурной контекстной поляризации.

Модель лингвокультурной контекстной поляризации представлена на рисунке 5.

Рисунок 5 – Модель лингвокультурной контекстной поляризации

Пять подтипов лингвокультурной контекстной поляризации выявлены в следующих примерах из романов Г. Джеймса.

Пример 3.1. Лингвокультурная контекстная поляризация традиций

To Newman, Bellegarde was the ideal Frenchman, the Frenchman of tradition and romance, so far as our hero was concerned with these mystical influences [James. The American, ch. 7: http] / Для Ньюмена Бельгард был идеальным французом, французом традиций и романтики настолько, что наш герой был обеспокоен этим мистическим влиянием.

В рассматриваемом примере маркер лингвокультурной контекстной поляризации *the Frenchman of tradition and romance / француз традиций и романтики* не только поляризует традиции, но и подчеркивает, что это французские традиции, что усиливается маркером социальной контекстной комплексной поляризацией *the ideal Frenchman / идеальный француз*, то есть в контексте выявлена синергия лингвокультурного типа контекстной поляризации и социального типа контекстной поляризации.

Пример 3.2. Лингвокультурная контекстная поляризация образа жизни

But Raphael and Titian and Rubens were a new kind of arithmetic, and they inspired our friend, for the first time in his life, with a vague self-mistrust [James. The American, ch. 1: http] / Но Рафаэль, Тициан и Рубенс были новым видом арифметики, и они впервые в жизни вдохновили нашего друга на смутное недоверие к себе.

В рассматриваемом примере выявлено три лингвокультуремы, которые представляют собой имена великих художников: *Raphael / Рафаэль, Titian / Тициан, Rubens / Рубенс*. Эти три художника, чьи работы увидел американец в Лувре, репрезентируют новую реальность для героя

романа, культурную реальность просвещённой Европы. Поляризация новой реальности с прежней реальностью жизни в Америке выражена посредством маркера *a new kind of arithmetic / новый вид арифметики*. Семантика маркера указывает на то, что, прежним основным занятием Ньюэна в Америке был счёт.

Маркеры контекстной поляризации указывают насколько изменился образ жизни главного героя романа, мистера Ньюэна, после его приезда из Америки в Европу.

Пример 3.3. Лингвокультурная контекстная поляризация жилья

Newman's eyes, at this moment, were wandering round the room, which struck him as rather sad and shabby; passing from the high casements, with their small, thickly-framed panes, to the sallow tints of two or three portraits in pastel, of the last century, which hung between them [James. The American, ch. 10: <http://>] / В этот момент глаза Ньюэна осматривали комнату, которая показалась ему **довольно грустной и потрёпанной**, взгляд переходил с высоких оконных створок с их небольшими толстыми рамами на два-три портрета с желтоватым оттенком, выполненных пастелью, которые висели между окнами.

Рассматриваемый контекст представляет описание французского интерьерера, который показался американцу грустным и потрёпанным. Чтобы испытать именно те чувства, которые испытал главный герой романа в момент осмотра комнаты, он должен был сравнить комнату во Франции с интерьером дома на Родине и выявить кардинальные различия, которые и отразились в маркерах, олицетворяющих комнату: *as rather sad and shabby / довольно грустная и потрёпанная*. В контексте выявлено три лингвокультуремы, а именно: 1) *the high casements / высокие оконные створки*, 2) *with their small, thickly-framed panes / небольшие толстые рамы*, 3) *the sallow tints of two or*

three portraits in pastel / два-три портрета с желтоватым оттенком, выполненные пастелью. Эти три лингвокультуремы поясняют читателю тот факт, почему комната была грустной и потрёпанной.

Пример 3.4. Лингвокультурная контекстная поляризация предметов одежды

*She was tall and straight and **dressed in black**, and she wore a cap which, if Newman had been initiated into such mysteries, would have been a sufficient assurance that **she was not a Frenchwoman; a cap of pure British composition** [James. The American, ch. 13: http] / Она была высокой и стройной, **одетой в черное**, и она носила шляпу, которая, если бы Ньюмэн не был посвящен в подобные тайны, гарантированно указывала бы, что **она не француженка, шляпа была чисто английского кроя.***

В рассматриваемом контексте писатель указывает, прежде всего, на то, что женщина была в черном и на ней была одета шляпа английского кроя, который отличался от французского кроя. В данном случае слово *шляпа* является лингвокультуремой, характеризующей отличие двух традиций пошива шляпы. Примечательно, что головной убор, шляпа как часть гардероба, поляризует внешность женщины и стирает с неё внешние признаки француженки, т.е. шляпа меняет внешние национальные признаки героини, на что обратил внимание герой романа, приехавший в Новый Свет за культурологическими впечатлениями и видящий перед собой женщину, одевшую английскую шляпу, что вступило в противоречие с понимаем мистера Ньюмэна того, что именно Франция была законодательницей моды во второй половине XIX века.

Пример 3.5. Лингвокультурная контекстная поляризация приёма пищи

"If you could give me, in charity, a glass of wine!"

Gertrude gave a smile and a little nod, and went quickly out of the room. Presently she came back with a very large decanter in one hand and a plate in the other, on which was placed a big, round cake with a frosted top [James. The Europeans, ch. 7: http] / “Если бы Вы могли предложить мне **стакан вина**”. Гертруда улыбнулась и слегка кивнула, и быстро вышла из комнаты. Тотчас она вернулась с **очень большим графином** в одной руке и тарелкой в другой, на тарелке был **большой круглый глазированный пирог**.

В рассматриваемом примере из романа «Европейцы» писатель поляризует традиции приёма пицци в Европе и Америке посредством противопоставления того, что попросил главный герой, европеец, *a glass of wine / стакан вина* и того, чем угостила его американская кухня - *a big, round cake with a frosted top / большой круглый глазированный пирог*; что касается вина, то был принесён очень большой графин. Примечательно, словосочетание *a very large decanter / очень большой графин* указывает на то, что наименование посуды в данном случае тоже является маркером лингвокультурной контекстной поляризации приёма пицци, поскольку, чтобы прийти к мысли о большом размере графина, Феликс должен был сопоставить увиденный графин с теми, которые он привык видеть в Европе.

Таким образом, рассмотрение пяти подтипов лингвокультурной контекстной поляризации показывает, что маркеры этого типа поляризации очень различны между собой.

Наряду с лингвокультуремами нейтральная лексика также маркирует лингвокультурную поляризацию.

4. Темпоральная контекстная поляризация

В течение десятилетий художественное время находится в ракурсе исследовательского интереса, поэтому

концепция контекстной поляризации была бы неполной без темпоральной контекстной поляризации, под которой понимается противопоставление временных параметров свершения действий одним или несколькими героями в рамках отдельно взятого контекста художественного произведения, а также противопоставление двух временных параметров на временной оси или во временном цикле.

К маркерам темпоральности относятся видо-временные формы глагола, лексические таймеры и хронемы.

Под лексическими таймерами понимаются «слова или словосочетания, семантика которых косвенно репрезентирует темпоральный аспект в номинативном поле художественного концепта «Время»» [Бузина, 2019а], тогда как «хронемы – это языковые единицы, вербализующие темпоральный маркер в повествовательном контуре текста, репрезентирующий время как компонент невербального кода коммуникации» [Огнева, Кузьминых, 2012: [http](#)].

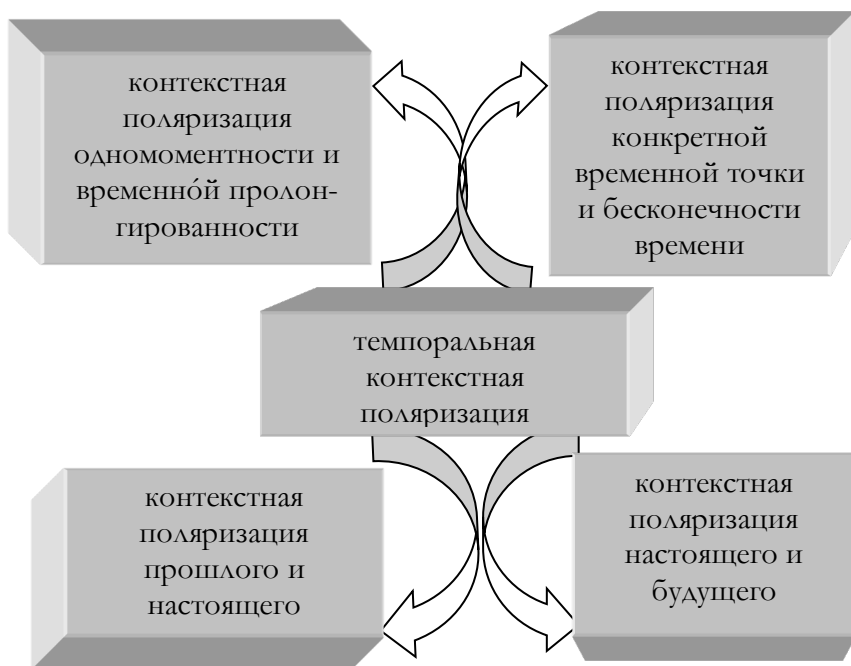
При исследовании хронем важна «общая динамика хронем в самом контуре художественного текста» [Бузина, 2019б: 60].

Наряду с динамикой хронем в художественном тексте значима «синергия в семантике хронем» [Копцева, 2017: 38-43].

Необходимо отметить, что этом ракурсе актуальны слова Л.В. Татару, которая подчеркивает, что теоретическая модель темпоральности лежит в «сфере лингвистической теории нарратива и когнитивной нарратологии» [Татару, 2012: [http](#)].

Было установлено, что поляризация рассматриваемого типа высокочастотна в анализируемых романах, однако, как правило, она сопряжена или синергирована с другими типами поляризации.

Модель темпоральной контекстной поляризации представлена на рисунке 6.

Рисунок 6 – Модель темпоральной контекстной поляризации

Создание модели подтипов темпоральной контекстной поляризации становится основой для проведения следующего этапа исследования – интерпретации подтипов контекстной поляризации.

Пример 4.1. Темпоральная контекстная поляризация одномоментности и временной пролонгированности

1) *Gertrude had never seen an artist before* [James. The Europeans, ch. 5: http] / *Гертруда никогда прежде не видела художника.*

Выявлен маркер поляризации – хронема *never / никогда*, который указывает на отличие именно этого дня от всей предыдущей жизни героини романа «Европейцы», то есть поляризуется момент времени и пролонгированное время в прошлом.

Этот же тип темпоральной контекстной поляризации выявлен и в другом романе Г. Джеймса «Американец».

2) “*Never! in six years?*” [James. The American, ch. 2: http] / “*Никогда! За шесть лет!*”

В примере определена темпоральная контекстная поляризация одномоментности и временной пролонгированности, репрезентированная посредством хронем *never / никогда* и *in six years / за шесть лет*.

Пример 4.2. Темпоральная контекстная поляризация конкретной временной точки и бесконечности времени

1) *But his exertions on this particular day had been of an unwonted sort* [James. The American, ch. 1: http] / *Но его усилия в этот конкретный день выдались необычными.*

Маркер поляризации – хронема *on this particular day / в этот конкретный день* репрезентирует отличие определённого дня от всех предыдущих дней и сопряжена с маркером антропоцентрической поляризации поведения: *his exertions had been of an unwonted sort / его усилия выдались необычными.*

2) *But Raphael and Titian and Rubens were a new kind of arithmetic, and they inspired our friend, for the first time in his life, with a*

vague self-mistrust [James. The American, ch. 1: http] / Но Рафаэль и Тициан, и Рубенс были новым типом арифметики, и они внулили нашему другу, **впервые в его жизни**, смутное недоверие к себе.

В примере выявлен маркер контекстной поляризации – это лексический таймер *for the first time in his life / впервые в его жизни*, который представляет собой момент времени, отличающийся от других темпоральных маркеров прежней жизни героя, т.е. от пролонгированного времени в прошлом.

Данный маркер сопряжён с антропоцентрической контекстной поляризацией мировосприятия: *a vague self-mistrust / смутное недоверие к себе*, которая, в свою очередь, сопряжена с лингвокультурной контекстной поляризацией, поскольку недоверие героя к себе возникло в связи с ознакомлением с творчеством европейских художников: Рафаэля, Тициана, Рубенса.

Пример 4.3. Темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего

“*T? I never was here before!*” [James. The American, ch. 2: http] / «Я? Я **никогда** не был здесь **прежде**».

В рассматриваемом примере выявлены хронемы *never* и *before*, которые определяют поляризацию как темпоральную контекстную поляризацию настоящего и прошлого в жизни героя художественного произведения, прибывшего из Америки в Европу.

Пример 4.4. Темпоральная контекстная поляризация настоящего и будущего

“*Come and see me in Paris,*” he said; “*we are to settle your future, you know*” [James. The American, ch. 23: http] / “*Навести меня в Париже*”, сказал он: “*мы должны устроить твоё будущее, ты понимаешь*”.

В рассматриваемом контексте поляризация настоящего времени и будущего репрезентирована в семантике

предложения, в котором указывается, что герой романа просит навестить его в Париже, где он будет находиться в будущем и выполнит своё обещание. Выявлено два маркера будущего времени *come and see me / навести меня* и *your future / твоё будущее*.

Таким образом, проведённое исследование показало, что темпоральная контекстная поляризация репрезентируется посредством хронем, лексических таймеров и семантики предложений.

5. Проксемная контекстная поляризация

Как известно, исследованию пространственных параметров посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых. К примеру, В.Г. Гак представил подробную классификацию пространств [Гак, 2000].

Е.В. Падучева предложила рассмотреть пространство через призму времени [Падучева, 2000]. Н.Н. Болдырев и М.Ю. Белау исследовали особенности «концептуализации вертикального перемещения объекта в английском языковом сознании» [Болдырев, Белау, 2003: 157-160], поскольку, по мнению Н.Н. Болдырева, «пространство является одной из основных форм концептуализации и категоризации мира, представления результатов его познания и интерпретации» [Болдырев, 2015: 30].

В работах зарубежных ученых также уделяется внимание различным типам текстового пространства. Так, например, Д. Алвэс и А. Квейрос обосновали концепцию «литературной репрезентации урбанистического пространства» [Alves, Queiros, 2013: 357-481].

М.Р. Хигонет и Дж. Темплтон представили целостную модель «структуры художественного пространства» [Higonnet, Templeton, 1994] и т.д.

Выявлено существование проксемной контекстной поляризации, под которой понимается

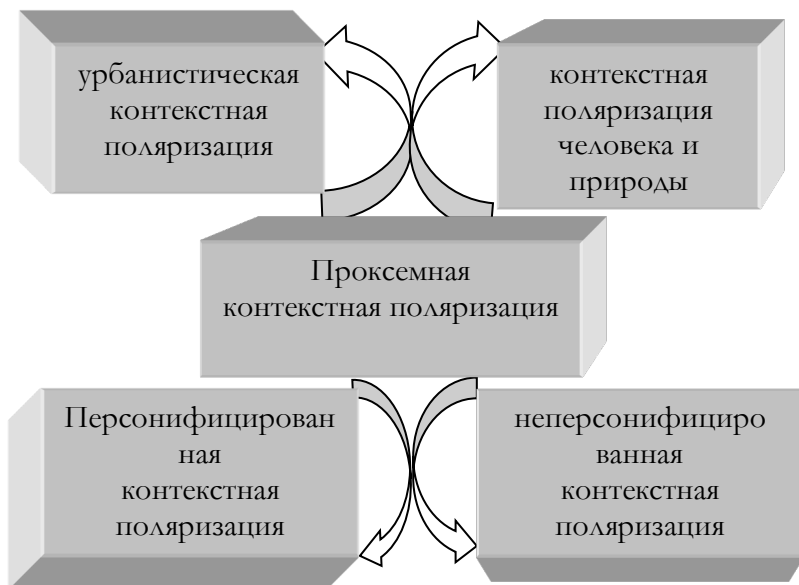
противопоставление описания двух точек художественного пространства в одном контексте. Этот тип контекстной поляризации тесно связан с местонахождением главных героев произведения. В ряде случаев писателем поляризуется местонахождение предметов в художественном пространстве.

Характеризуя художественное пространство текста, Ю.М. Лотман писал о том, что «структура пространства текста становится моделью структуры пространства вселенной, а внутренняя синтагматика элементов внутри текста – языком пространственного моделирования <....>. На фоне этих построений становятся значимыми и частные, создаваемые тем или иным текстом или группой текстов пространственные модели» [Лотман, 1998: 212-213].

Рассматривая текст как совокупность пространственных моделей, В.Г. Гак в работе «Пространство вне пространства» указывал на существование следующих типов пространства: «точка – линия – поверхность – объём» [Гак, 2000: 127].

Перечисленные типы текстового пространства могут быть выражены маркерами контекстной поляризации, что обусловлено интенцией автора литературно-художественного произведения.

Выявлено, что существует четыре подтипа проксемной поляризации, которые представлены на модели на рисунке 7.

Рисунок 7 – Модель проксемной контекстной поляризации

Представленные на модели подтипы проксемной контекстной поляризации были выявлены в нижеследующих примерах из романов Г. Джеймса.

Пример 5.1. Проксемная урбанистическая контекстная поляризация

*Brought up among ancient customs and in **picturesque cities**, he yet found plenty of local color in **the little Puritan metropolis** [James. The Europeans, ch. 1: http] / Воспитанный среди древних обычаев **в живописных городах**, он нашел великолетным местный колорит **в небольшом пуританском мегаполисе**.*

Рассматриваемый контекст был приведён при анализе социумной контекстной поляризации мировоззрения, однако, маркеры поляризации мировоззрения

одновременно предстают и маркерами урбанистической проксемной контекстной поляризации, поскольку автором романа противопоставляется множество европейских городов, репрезентированных проксемой *picturesque cities*, одному американскому мегаполису, репрезентированному проксемой *the little Puritan metropolis* / *маленький пуританский мегаполис*.

Пример 5.2. Проксемная контекстная поляризация человека и природы

In the long silences the howling of the wind and the beating of the rain were distinctly audible [James. The American, ch. 13: http] / *В долгой тишине завывание ветра и стук дождя были отчётливо слышны*.

Из контекста очевидно, что герои романа находятся в помещении, и им не нравится погода за окном, то есть вне помещения, на что указывает маркер *the howling of the wind* / *завывание ветра*. Писателем поляризуется человек и природа в художественном пространстве романа. Данный подтип проксемной контекстной поляризации человека и окружающей среды чаще всего выражен маркерами, репрезентирующими взаимосвязь **непогода** ↔ **уют**. В рассматриваемом контексте герои романа находятся в уютной гостинице, в то время как за окном завывает ветер.

Примечательно, что проксемная контекстная поляризация человека и природы чаще всего репрезентируется маркерами, выражающими противопоставление человека и природы.

Пример 5.3. Проксемная персонифицированная контекстная поляризация

Charlotte sank slowly into her chair again, and Mr. Wentworth sat staring, with a light in his face that might have been flashed back from an iceberg. He stared and stared; he said nothing. Felix fell back, with his hands still clasped [James. The Europeans, ch. 12: http] /

Шарлотта снова медленно опустилась в её кресло и мистер Уэнтуорт сидел, уставившись на него с цветом лица как светом исходящим от айсберга. Он смотрел, смотрел и ничего не говорил. Феликс сделал несколько шагов назад, всё ещё сжимая руки.

В рассматриваемом примере выявлены маркеры проксемной персонифицированной контекстной поляризации, под которой понимается поляризация местопребывания человека в художественном пространстве. Маркер *sank slowly into her chair / опустилась медленно в кресло* репрезентирует изменение местопребывания героини романа Шарлотты в пространстве комнаты по вертикальной пространственной оси, т.е. она стояла и затем села, тогда как другой маркер *fell back / сделал несколько шагов назад* репрезентирует поляризацию героя романа Феликса в пространстве, сместившегося по горизонтальной пространственной оси.

Примечательно, что в одном контексте Г. Джеймс описал одновременно поляризацию в пространстве и по вертикальной пространственной оси, и по горизонтальной пространственной оси, т.е. явление полярности в пространстве тем самым усилено. Более того, в рассматриваемом контексте выявлена и социумная гендерная контекстная поляризация: *села девушка американка ↔ сделал несколько шагов назад молодой человек, европеец.*

Пример 5.4. Проксемная неперсонифицированная контекстная поляризация

A row of small red brick houses <...> at the end opposite the hotel a tall wooden church-spire, painted white [James. The Europeans, ch. 12: http] / Ряд маленьких домов из красного кирпича, и в конце, напротив отеля, высокий деревянный шпиль церкви, выкрашенный в белый цвет.

В рассматриваемом примере выявлены маркеры проксемной неперсонифицированной контекстной

поляризации, под которой понимается поляризация месторасположения предметов в пространстве.

Определено, что здания в пространстве поляризованы следующим образом: 1) *a row of small red brick houses / ряд маленьких домов* ↔ *at the end a tall wooden church-spire / и в конце высокий деревянный шпиль церкви*, т.е. множество маленьких жилых домов противопоставляются в художественном пространстве высокому шпилю церкви, 2) *opposite the hotel a tall wooden church-spire / напротив отеля высокий шпиль церкви*, т.е. в контексте отель противопоставляется церкви, 3) противопоставление высоты шпиля церкви и высоты отеля.

Итак, рассмотрение пяти подтипов проксемной контекстной поляризации показало, что этот тип поляризации репрезентируется различными маркерами, вербализующими поляризацию по вертикальной и горизонтальной пространственным осям.

Таким образом, интерпретация контекстов из двух романов Г. Джеймса «Американец» и «Европейцы» способствовала обоснованию типологии контекстной поляризации, представляющей собой пять типов и тридцать подтипов.

Представленная типология контекстной поляризации является основой для дальнейшего углубленного изучения явления контекстной поляризации, нацеленного на выявление частотности односоставных и многосоставных маркеров контекстной поляризации, частотности одноядерных и многоядерных маркеров темпоральной контекстной поляризации, а также на интерпретацию когнитивных структур концептосферы художественного текста, построенных с посредством высокочастотных маркеров контекстной поляризации (глава II).

В исследовании под односоставными маркерами контекстной поляризации понимаются маркеры, состоящие из лексемы-ядра и лексемы-атрибутива, определяющей какое-либо свойство лексемы ядра. Под многосоставными маркерами контекстной поляризации мыслятся маркеры, состоящие из лексемы-ядра и нескольких лексем-атрибутивов, определяющих различные параметры, характеризующие лексему-ядро.

1.4. Синергия различных типов контекстной поляризации

Синергия / синергизм (от греч. Synergos – работать вместе) рассматривается с различных точек зрения. Так, И.А. Щирова подчеркивает, «осмысляя язык и текст с синергетических позиций, исследователь художественного текста акцентирует «новую жизнь» слова обыденного языка в поэтическом целом» [Щирова, 2013: 35], в частности синергируется «различная протяжённость внутри текстового пространства-времени» [Москальчук, 2016: 10].

Исследование маркеров контекстной поляризации выявило различные по структуре виды синергии, изложенные в следующих примерах.

I. Синергия 2-х типов контекстной поляризации

Пример 1.1. Синергия социумной возрастной контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации предметов одежды.

*He had looked, moreover, not only at all the pictures, but at all the copies that were going forward around them, in the hands of those innumerable **young women in irreproachable toilets*** [James. The American, ch. 1: http] / *Более того, он смотрел не только на все картины, но и на все копии, которые ходили вокруг них, в руках бесчисленных **молодых женщин в безупречных туалетах.***

В контексте выявлен маркер социальной возрастной контекстной поляризации *young women / девушки*, поскольку, как известно из сюжета романа, приехавший в Европу американец не был молод. Маркер *in irreproachable toilets / в безупречных туалетах* представляет собой маркер лингвокультурной контекстной поляризации предметов одежды.

Пример 1.2. Синергия лингвокультурной контекстной поляризации жилья и темпоральной контекстной поляризации прошлого и настоящего времени.

This latter feature of the apartment was of white marble, and in the familiar rococo style of the last century [James. The American, ch. 6: http] / *Эта последняя особенность – квартира была из белого мрамора и в стиле рококо прошлого века.*

В рассматриваемом примере выявлено, что особенностью квартиры была её отделка белым мрамором в стиле рококо, то есть интерьер квартиры поляризуется с интерьерами других квартир в культурном аспекте. Маркер *the last century / прошлый век* поляризует интерьер квартиры прошлого века и интерьер квартир, которые герой произведения посещает в настоящее время по сюжету романа.

II. Синергия 3-х типов контекстной поляризации

Пример 2.1. Социумная семейная контекстная поляризация, социумная комплексная контекстная поляризация и лингвокультурная контекстная поляризация образа жизни.

“French by her father, English by her mother. She is really more English than French, and she speaks English [James. The American, ch. 3: http] / *“Французенка по отцу, англичанка по матери. Она в действительности была больше англичанка, чем французенка и она говорила по-английски”.*

В рассматриваемом контексте репрезентированы маркеры трёх типов контекстной поляризации, поскольку

описывается семья, состоящая из представителей двух народов, англичан и французов, двух враждующих на протяжении многих веков между собой социумов. Маркер *more English than French* / **больше англичанка, чем французка** подчеркивает комплексность полярности двух народов, чьи традиции воплотились в разном соотношении в облике героини романа. Установлено, что маркер *speaks English* / **говорит по-английски** репрезентирует культурологическую составляющую контекста.

III. Синергия 4-х типов контекстной полярности

Пример 3.1. Синергия антропоцентрической контекстной полярности мировосприятия, лингвокультурной контекстной полярности образа жизни, проксемной персонифицированной контекстной полярности, темпоральной контекстной полярности конкретной временной точки и бесконечности времени.

It was since she had come to live in Europe that she had begun to take the matter philosophically [James. The American, ch. 3: <http>] / **С тех пор как она приехала жить в Европу, она начала смотреть на всё по-философски.**

В рассматриваемом контексте выявлена синергия 4-х типов полярности, а именно:

1. Антропоцентрическая контекстная полярность мировосприятия выражена маркером *she had begun to take the matter philosophically* / **она начала смотреть на всё по-философски**. Следовательно, мировосприятие героини изменилось после приезда в Европу.

2. Лингвокультурная контекстная полярность образа жизни выражена маркером *to live in Europe* / **жить в Европе**, то есть жить среди иных традиций и обычаев, чем прежде.

3. Проксемная персонифицированная контекстная полярность выражена маркером *she had come in Europe* /

она приехала в Европу, то есть маркер передает изменение местопребывания в пространстве.

4. Темпоральная контекстная поляризация конкретной временной точки и бесконечности времени выражена маркером *since / с тех пор*.

Определено, что синергия четырёх вышерассмотренных типов контекстной поляризации усиливает поляриность мировосприятия двух социумов, европейского и американского несмотря на то, что маркеры непосредственно социумной контекстной поляризации в рассматриваемом примере отсутствуют.

Пример 3.2. Синергия социумной поведенческой контекстной поляризации, социумной возрастной контекстной поляризации, проксемной персонифицированной контекстной поляризации и темпоральной контекстной поляризации

At last he rose abruptly, put on his hat, and approached the young lady [James. The American, ch. 1: <http>] / *Наконец он резко поднялся, надел шляпу и подошел к молодой леди.*

В рассматриваемом примере предложение-маркер репрезентирует все четыре типа контекстной поляризации. Писатель описывает поведение главного героя, обусловленное тем, что он - американец, то есть герой произведения прибыл из другого социума, поэтому резко встаёт, надевает шляпу и подходит к девушке. Тот факт, что герой не молод способствует репрезентации социумной возрастной контекстной поляризации, маркированной словосочетанием *the young lady / молодая женщина*. Герой романа подошел, т.е. изменилось его местонахождение в пространстве, что маркирует проксемную персонифицированную поляризацию. Он *наконец* встал, т.е. лексема *наконец* репрезентирует темпоральную контекстную поляризацию конкретной временной точки и бесконечности

времени, т.к. неизвестно, сколько времени он провёл сидя.

III. Синергия 5-и типов контекстной поляризации

Пример. *Brought up among ancient customs and in picturesque cities, he yet found plenty of local color in the little Puritan metropolis* [James. The Europeans, ch. 1: http] / *Воспитанный среди древних обычаев в живописных городах, он нашел великолепным местный колорит в небольшом пуританском мегаполисе.*

Рассматриваемый контекст был приведён при анализе социумной контекстной поляризации мировоззрения и урбанистической проксемной контекстной поляризации. Однако, в контексте заложена синергия пяти типов контекстной поляризации, поэтому невозможно не рассмотреть контекст ещё раз: 1) социумная контекстной поляризации – древняя европейская мораль противопоставляется пуританской морали, 2) проксемная неперсонифицированная контекстная поляризация - множество европейских городов противопоставляется одному американскому мегаполису, 3) темпоральная контекстная поляризация – сравниваются древние города и современный на момент повествования город, 4) лингвокультурная контекстная поляризация – сравниваются города Европы и город Америки, 5) социумная религиозная контекстная поляризация – поляризуется пуританский взгляд на веру и непуританский взгляд на веру.

Таким образом, рассмотрение архитектоники романов Г. Джеймса «Американец» и «Европейцы» выявило синергию маркеров нескольких типов контекстной поляризации, а именно двух типов, трёх типов и пяти типов, что подчеркивает многогранность построения поляриности информации в архитектониках концептосфер романов.

Выводы по первой главе

В современном языкознании теория текста не исчерпала потенциала к дальнейшему развитию методологической базы, выводящей текстовые исследования на новый интерпретативный уровень.

Одним из таких направлений развития методологической базы теории текста представляется рассмотрение этого исследовательского конструкта в виде формата знания в его корреляции с текстовыми мирами, как производными от текстовых форматов знания.

Рассмотрение художественного текста в виде концептосферы как совокупности художественных концептов как форматов художественного знания способствует исследованию текста как формата-проекции мировидения писателя, поскольку в отдельно взятом тексте репрезентируется только часть индивидуально-авторской концептосферы писателя как часть национальной концептосферы.

Исследование архитектоники номинативных полей художественных концептов показало, что часть номинантов репрезентируют полярность информации, то есть они являются маркерами контекстной поляризации. Под контекстной поляризацией понимается противопоставление описываемых в рамках контекста явлений. Маркеры контекстной поляризации представляют собой речевые единицы, репрезентирующие противоположные смысловые явления в рамках контекста, интерпретация которых осуществляется посредством алгоритма моделирования и интерпретации когнитивных конструктов, репрезентирующих контекстную поляризацию (автор С.Н. Гламазда), который, в сочетании с методом когнитивно-герменевтического исследования концептосферы художественного текста (автор Е.А. Огнева), выявил наличие пяти типов и тридцать

подтипов контекстной поляризации, что позволило представить полученные данные в виде следующей типологии:

I. Антропоцентрическая контекстная поляризация:

1) антропоцентрическая контекстная поляризация деятельности, 2) антропоцентрическая контекстная поляризация мнений, 3) антропоцентрическая контекстная поляризация человека внешнего и человека внутреннего, 4) антропоцентрическая контекстная поляризация предположений и реальности, 5) антропоцентрическая контекстная поляризация мировосприятия, 6) антропоцентрическая контекстная поляризация образа жизни, 7) антропоцентрическая контекстная поляризация поведения, 8) антропоцентрическая контекстная поляризация знания.

II. Социумная контекстная поляризация: 1) социумная гендерная контекстная поляризация, 2) социумная возрастная контекстная поляризация, 3) социумная мировоззренческая контекстная поляризация, 4) социумная контекстная поляризация внешности, 5) социумная поведенческая контекстная поляризация, 6) социумная религиозная контекстная поляризация, 7) социумная семейная контекстная поляризация, 8) социумная комплексная контекстная поляризация, 9) социумная контекстная поляризация образа жизни.

III. Лингвокультурная контекстная поляризация: 1) лингвокультурная контекстная поляризация традиций, 2) лингвокультурная контекстная поляризация образа жизни, 3) лингвокультурная контекстная поляризация жилья, 4) лингвокультурная контекстная поляризация предметов одежды, 5) лингвокультурная контекстная поляризация приёма пищи.

IV. Проксемная контекстная поляризация: 1) проксемная урбанистическая контекстная поляризация, 2) проксемная контекстная поляризация человека и природы, 3)

проксемная персонифицированная контекстная поляризация, 4) проксемная неперсонифицированная контекстная поляризация.

V. Темпоральная контекстная поляризация: 1) темпоральная контекстная поляризация одномоментности и временной пролонгированности, 2) темпоральная контекстная поляризация конкретной временной точки и бесконечности времени, 3) темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего, 4) темпоральная контекстная поляризация настоящего и будущего.

Наряду с типологией контекстной поляризации было обосновано явление синергии нескольких типов контекстной поляризации.

Типологизация явления контекстной поляризации рассмотрена в виде таксономических и графических моделей пяти типов конструктов, репрезентирующих полярные контекстные явления в концептосфере художественного текста, что подготовило основу для интерпретации когнитивных конструктов контекстной поляризации, реализованной в архитектонике концептосферы романа Г. Джеймса «Европейцы».

ГЛАВА II. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНСТРУКТОВ КОНТЕКСТНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ КАК ФОРМАТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗНАНИЯ

2.1. Текстовая поляризация как отличительный признак идиостиля Г. Джеймса

Рассмотрение и интерпретация явления контекстной поляризации в концептосфере отдельно взятого художественного текста приводит к мысли о возможности репрезентации контекстной поляризации в текстовом мире писателя, т.е. в концептосфере его творчества, поскольку «исходный смысл, закладываемый в текст его автором, передаётся через значения используемых слов» [Залевская, 2002: 71].

В свете этого значим тот факт, что отличительной чертой художественного текста является то, что он включает в себя «не только семантическую и художественную или эстетическую информацию» [Домашнев, Шишкина, Гончарова, 1989: 22]. Эта информация реализуется в пределах художественной структуры конкретного художественного текста как компонента текстового мира писателя. Этот тезис коррелирует с мнением А.В. Кузнецовой, подчеркивающей, что «смысл создания художественного текста <...> состоит в реализации в особой языковой форме семантического пространства <...> как воплощения мотивов, намерений и интенций его автора» [Кузнецова, 2011: 155],

Очевидно, что контекстная поляризация широко представлена в текстовом мире Г. Джеймса (1843-1916гг.). Г. Джеймс, известный американский писатель, с тридцати лет жил в Европе и за год до смерти принял британское подданство. Эта особенность его жизненного пути

существенна для понимания того факта, что «анализ литературного творчества писателя позволяет не только сделать выводы о концептосфере автора, но помогает на этой основе лучше понять концептосферу того народа, представителем которого выступает автор» [Попова, Шубина, 2010: 11].

Г. Джеймс написал 20 романов, 112 рассказов и 12 пьес. Наиболее популярные романы Г. Джеймса – это «Американец» / “The American” (1877), «Европейцы» / “The Europeans” (1878), «Площадь Вашингтона» / “Washington square” (1880), «Женский портрет» / “The Portrait of a Lady” (1881), «Бостонцы» / “The Bostonians” (1886), «Крылья голубки» / “The Wings of the Dove” (1902) и другие.

Лейтмотивом творчества писателя было описание отличий между жителями Нового Света и Старого Света, описание различий их традиций, миропонимания, мировоззрения.

Исходя из тематической направленности созданного Г. Джеймсом текстового мира, логично предположить наличие значительного количества контекстных поляризованных конструкторов в концептосфере его творчества, поскольку каждое произведение писателя – это «синергия многовекторных аспектов бытия народа <...>, целостное когнитивно-дискурсивное образование линейного характера, все компоненты которого в совокупности репрезентируют коммуникативную интенцию писателя в виде единой иерархически организованной ядерно-периферийной структуры» [Огнева, 2014: 152]. В этой ядерно-периферийной структуре «линейное следование языковой материи текста во времени сочетается с её относительно индивидуальной локализацией в пространстве» [Москальчук, 2006: 73].

Исследование текстов двух романов Г. Джеймса, романа «Американец» и романа «Европейцы» выявило 2209 маркеров контекстной поляризации, а именно 956 маркеров контекстной поляризации в концептосфере романа «Американец» и 1253 маркера контекстной поляризации в концептосфере романа «Европейцы».

Полученный результат обусловлен применением метода когнитивно-герменевтического исследования архитектоники концептосферы художественного текста в сочетании с интерпретативным методом, посредством которого выявлены особенности контекстной поляризации и выстроена её типология; квантитативным методом, применение которого определило частотность маркеров контекстной поляризации; методом структурного анализа, выявившим особенности построения маркеров контекстной поляризации.

Также, применен авторский алгоритм моделирования и интерпретации когнитивных конструкторов, репрезентирующих контекстную поляризацию в архитектонике концептосферы художественного текста, разработанный С.Н. Гламазда.

В данной главе представлен детальный анализ моделей контекстной поляризации в архитектонике романа «Европейцы». Примечательно, что название романа представляет собой маркер контекстной поляризации, а именно маркер социумной комплексной контекстной поляризации, поскольку номинация жителей части Света репрезентирует отличие их социума от других цивилизационных социумов.

2.2. Построение маркеров контекстной поляризации в романе Г. Джеймса «Европейцы»

2.2.1. Антропоцентрическая контекстная поляризация

Проведённый когнитивно-герменевтический анализ архитектоники концептосферы исследуемого романа «Европейцы» показал наличие всех, указанных в § 1.3., восьми подтипов антропоцентрической контекстной поляризации, а именно:

- 1) антропоцентрическая контекстная поляризация деятельности,
- 2) антропоцентрическая контекстная поляризация мнений,
- 3) антропоцентрическая контекстная поляризация человека внешнего и человека внутреннего,
- 4) антропоцентрическая контекстная поляризация предположений и реальности,
- 5) антропоцентрическая контекстная поляризация мировосприятия,
- 6) антропоцентрическая контекстная поляризация образа жизни,
- 7) антропоцентрическая контекстная поляризация поведения,
- 8) антропоцентрическая контекстная поляризация знания.

В результате проведенного исследования была определена различная частотность маркеров всех подтипов антропоцентрической контекстной поляризации, что отражено в таблице 1.

Таблица 1 – Частотность подтипов антропоцентрической контекстной поляризации

№ п/п	Подтипы антропоцентрической контекстной поляризации	Количество контекстов	% соотношение
1.	поляризация деятельности	35	12,8
2.	поляризация мнений	32	11,8
3.	поляризация человека внешнего и внутреннего	25	9,2
4.	поляризация предположений и реальности	28	10,3
5.	поляризация мировосприятия	30	10,5
6.	поляризация образа жизни	38	13,9
7.	поляризация поведения	51	18,7
8.	поляризация знания	35	12,8
Итого:		274	100

Очевидно, что из 274 маркеров преобладают маркеры контекстной поляризации поведения.

Далее, были детально рассмотрены маркеры контекстной поляризации в аспекте построения их структуры с учётом того, что маркеры могут быть односоставными и многосоставными.

Односоставный маркер видится как «языковая структура, состоящая из ядра и одного или нескольких

компонентов (зависимых слов), характеризующих какой-либо параметр номинанта» [Огнева, 2012: 89].

Многосоставный маркер видится как «языковая структура, состоящая из ядра и нескольких зависимых слов или словосочетаний, характеризующих два и более параметра номинанта» [там же].

Безатрибутивным называется номинант, состоящий только из ядра.

1) антропоцентрическая контекстная поляризация деятельности

Пример 1.1. *While Mr. Wentworth meditated upon this anomaly his nephew was admiring him unrestrictedly* [James. The Europeans, ch. 5: <http>] / *В то время как мистер Уэнтворт размышлял над этой аномалией, его племянник безгранично восхищался им.*

В рассматриваемом контексте поляризуется деятельность американца мистера Уэнтворта и его племянника, англичанина Феликса, посредством маркеров *meditated upon this anomaly* / *размышлял над этой аномалией* и *was admiring him unrestrictedly* / *безгранично восхищался им*. Маркер *meditated upon this anomaly*, характеризующий отношение дяди к сложившейся ситуации, представляет собой односоставный номинант с ядром, выраженным глаголом прошедшего времени *meditated*. Маркер *was admiring him unrestrictedly* является также односоставным номинантом с ядром, выраженным глаголом прошедшего длительного времени. Примечательно, что наряду с антропоцентрической контекстной поляризацией деятельности в данных маркерах выявлена проксемная персонифицированная контекстная поляризация, поскольку дядя размышлял над аномалией, то есть над чем-то, обусловленным присутствием его племянника, и эта аномалия локализована в пространстве, тогда как мыслительная деятельность племянника была безгранична.

Выявлено, что маркеры антропоцентрической контекстной поляризации деятельности среднечастотны в концептосфере романа, тогда как следующий тип контекстной поляризации высокочастотен, поэтому проанализировано несколько контекстов.

2) антропоцентрическая контекстная поляризация мнений

Пример 2.1. *“I hope,” declared Felix, looking at her, “that you would have been disappointed.” She looked at him a little, and shook her head. “No-no!”* [James. The Europeans, ch. 3: [http](http://)] / *“Я надеюсь”, произнёс Феликс, смотря на неё, “что Вы были бы расстроены”. Она взглянула на него и покачала головой: “Нет-нет”.*

Были выявлены следующие маркеры контекстной поляризации мнений: *would have been disappointed* / *Вы были бы расстроены* ↔ *No-no!* / *Нет-нет*. Контекстная поляризация заключается не только в явном отрицании Гертрудой того, что сказал Феликс, но и в поляризации самого предположения Феликса как такового и ответа как результата осмысления услышанного предположения.

Маркер *would have been disappointed* односоставный, тогда как маркер *No-no!* безатрибутивный.

Пример 2.2. *“I think sitting for one's portrait is only one of the various forms of idleness,” said Mr. Wentworth. “Their name is legion.”*

“My dear sir,” cried Felix, “you can't be said to be idle when you are making a man work so!” [James. The Europeans, ch. 5: [http](http://)] / *“Полагаю, сидеть для портрета это одна из форм праздности”, сказал мистер Уэнтворт: “Имя им легион”. “Мой дорогой дядя”, сказал Феликс: “Вы не можете сказать, что праздны, когда Вы созданы так много работать”.*

В данном контексте в качестве маркеров контекстной поляризации рассматриваются целые предложения, основная мысль которых *праздность* ↔ *непраздность* героев произведения. Примечательно, что в речи мистера

Уэнтуорта выявлен библеизм “*Their name is legion*” / “ТМя им легион”, являющийся гиперонимом к маркеру поляризации *idleness* / *праздность*.

Пример 2.3. “*Your daughters are very handsome, sir.*” Charlotte ***blushed quickly***; she had ***never*** yet heard her personal appearance alluded to in a loud, expressive voice. Gertrude looked away – not at Felix; she ***was extremely pleased***. ***It was not the compliment that pleased her***; she did not believe it [James. The Europeans, ch. 3: http] / “Ваши дочери очень красивы, мистер”. Шарлотта **покраснела мгновенно**; она никогда ещё не слышала, чтобы о её внешности отзывались вслух таким экспрессивным голосом. Гертруда посмотрела в сторону, не на Феликса, она была **чрезвычайно довольна**. “**Это не был комплимент, который ей понравился**, она в него не верила.

Данный контекст примечателен тем, что в нем поляризуются не только мнения двух сестёр о словах баронессы Евгении посредством маркеров *blushed quickly* / *мгновенно покраснела* и *was extremely pleased* / *чрезвычайно довольна*, но и поляризуются два мнения одной из сестёр о словах баронессы, т.е. Гертруда была чрезвычайно довольна и в то же время комплимент ей не понравился; далее в романе говорится о том, что она не могла бы сказать о причинах её удовлетворения тем, что она не верила словам баронессы. Маркер *blushed quickly* односоставный, как и маркер *was extremely pleased*.

В контексте выявлен одноядерный маркер темпоральной контекстной поляризации прошлого и настоящего – хронема *never* / *никогда*.

Пример 2.4. “*She certainly expressed a willingness to come,*” said Mr. Wentworth. “***That was only politeness,***” Gertrude rejoined [James. The Europeans, ch. 4: http] / “Она безусловно **выразила желание приехать**”, сказал мистер Уэнтуорт. “**Это было только вежливостью**”, проговорила Гертруда.

В данном контексте поляризация мнений основана на этикетных компонентах поведения, которые, в силу возраста (возрастная поляризация), интерпретируются отцом и дочерью полярно, посредством односоставных маркеров *expressed a willingness to come* / *выразила желание приехать* и *was only politeness* / *было только вежливостью*.

Пример 2.5. ... *said Lizzie Acton: "She had pink stockings; she was very wicked."* "*She was a soubrette,*" Gertrude announced [James. *The Europeans*, ch. 4: [http](http://)] / *Лизи Эктон сказала: "У неё розовые чулки и она очень злая". "Она была субреткой", сообщила Гертруда.*

Данный контекст примечателен тем, что в нём поляризуются мнения двух молодых девушек, но маркеры полярны не только по содержанию, но, в том числе, и по форме представления мысли. Так, маркер "*She had pink stockings; she was very wicked.*" / "*У неё розовые чулки и она очень злая*" представляет собой двусоставный номинант, т.е. описывается одежда и характер, тогда как второй маркер полярности *She was a soubrette* / *Она была субреткой* односоставен и включает в свой состав лингвокультурема *субретка*, т.е. горничная, поверенная в любовных делах своей госпожи. В контексте сопряжены два типа контекстной поляризации: антропоцентрическая контекстная поляризация мнений и лингвокультурная контекстная поляризация предметов одежды, что усиливает полярность мнений.

3) антропоцентрическая контекстная поляризация человека внешнего и человека внутреннего

Особым видом контекстной поляризации в рассматриваемом романе является поляризация человека внешнего и внутреннего, поскольку в отличие от других типов контекстной поляризации в данном случае в описании кратком или развёрнутом обязательно присутствует ядерное поляризующее слово или словосочетание.

Пример 3.1. *When she desired to please she was to him, as to everyone else, the most charming woman in the world. Then he forgot that she was ever anything else; that she was sometimes hard and perverse; that he was occasionally afraid of her* [James. The Europeans, ch. 2: [http](#)] / *Когда она хотела угодить ему или кому бы то ни было, она была самая очаровательная женщина в мире. Он забывал, что она была ещё чем-то, что иногда она была несносна, что он иногда боялся её.*

В рассматриваемом контексте ядром поляризации является словосочетание *desired to please* / *старалась угодить*, т.е. внешнее проявление природы баронессы Евгении не соответствовало её внутреннему содержанию.

В контексте также выявлены маркеры темпоральной контекстной поляризации конкретной временной точки и бесконечности времени, одноядерные маркеры: *when* / *когда*, *sometimes* / *иногда*, *occasionally* / *иногда*.

Пример 3.2. *Mr. Wentworth's manner was pregnant, on the contrary, with a sense of grand responsibility, of the solemnity of the occasion, of its being difficult to show sufficient deference to a lady **at once so distinguished and so unhappy*** [James. The Europeans, ch. 2: [http](#)] / *Манеры мистера Уэнтворта были полны, напротив, чувства большой ответственности, осознания торжественности случая и сложности оказания внимания даме одновременно **такой выдающейся и такой несчастной**.*

Ядром поляризации в данном описании является противопоставление *so distinguished* ↔ *so unhappy* / *такой выдающейся и такой несчастной*, объединённое посредством словосочетания *at once*, где лексема *distinguished* маркирует человека внешнего, а лексема *unhappy* маркирует человека внутреннего.

В отличие от выше рассмотренного примера в данном контексте поляризация усиливается лексическим таймером *at once*, представляющим собой одноядерный маркер темпоральной контекстной поляризации

одномоментности и временной пролонгированности.

Пример 3.3. *The Baroness took her uncle's hand, and stood looking at him with her ugly face and her beautiful smile* [James. The Europeans, ch. 3: [http](#)] / Баронесса взяла руку дяди стояла и смотрел на него с ужасным выражением лица и великоленной улыбкой.

В данном контексте ужасное выражение лица баронессы – это проявление её внутреннего человека, тогда как её улыбка – это внешняя оболочка героини. Маркеры поляризации *ugly face* и *her beautiful smile* – это односоставные маркеры.

4) антропоцентрическая контекстная поляризация предположений и реальности

Пример 4.1. *“They must be Puritans to their finger-tips; anything but gay!” “No, they are not gay,” Felix admitted. “They are sober; they are even severe”* [James. The Europeans, ch. 2: [http](#)] / “Они должно быть пуритане до кончиков ногтей, ничего кроме веселья!” “Нет, они не весёлые”, признал Феликс. “Они трезвые и даже серьёзные”.

В рассматриваемом контексте баронесса Евгения высказывает предположение о своих американских родственниках, в основе которого заложено устойчивое, характерное для времени и общества, в котором она живёт, восприятие пуритан как религиозного движения, сторонники которого всегда веселы.

Примечательно, что такое восприятие, такое мнение о пуританах, было присуще в первые времена их появления, что было обусловлено поведением представителей некоторых пуританских течений. Однако пуритане, переехавшие в Новую Англию, были напротив серьёзны, трудолюбивы и вдумчивы. Вкладывая в речь баронессы Евгении сравнение пуританства и веселья, Г. Джеймс подчеркивает клишированность мировосприятия его героини, поскольку

её брат Феликс опровергает предположение сестры, сообщая о том, что их американские родственники не веселы, то есть предположение и реальность поляризованы.

Более того, в данном контексте заложена антропоцентрическая контекстная поляризация мировосприятия брата и сестры в сочетании с социумной гендерной контекстной поляризацией, поскольку, несмотря на то, что, в широком смысле слова, и баронесса Евгения, и её брат Феликс принадлежат к одному социуму, европейскому, тем не менее, их микросоциумы различны: Феликс – молодой начинающий художник, баронесса Евгения – супруга германского наследного принца.

Пример 4.2. *It seemed to him that he ought to find them in his own experience, as a man of the world and an almost public character; but they were not there, and he was ashamed to confess to himself much more to reveal to Eugenia by interrogations possibly too innocent – the unfurnished condition of this repository* [James. The Europeans, ch. 5: [http](http://)] / **Ему казалось, что он должен найти их (доводы) в собственном опыте как человек мира и открытого характера, но их там не было, и ему было стыдно признаться самому себе в необходимости расспрашивать Евгению, чтобы узнать обо всём.**

В рассматриваемом примере маркером контекстной поляризации является значительная по объёму часть предложения, выделенная в тексте полужирным шрифтом.

Г. Джеймс, посредством описания сомнений главы американского семейства, который, исходя из его статуса, должен знать всё, как ему казалось, поскольку он был человеком мира, выражает полярность предположений и реальности. Эта полярность семантически усиливается одноставным номинантом *a man of the world* / человек мира.

Пример 4.3. *He had arranged in his mind a little speech; but now it quite faded away* [James. The Europeans, ch. 3: [http](http://)] / **Он**

утроил в своём уме небольшую речь, но теперь это совершенно исчезло.

В рассматриваемом примере маркерами контекстной поляризации выступают две части одного целого предложения. Маркер предположения действий *He had arranged in his mind a little speech* представляет собой двусоставный маркер, тогда как маркер *it quite faded away* односоставен. Более того, в контексте выявлена темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего, поскольку мистер Уэнтуорт подготовил речь в прошлом, до момента встречи, и молчит в настоящем, то есть в момент встречи.

5) антропоцентрическая контекстная поляризация мировосприятия

Пример. 5.1. ... *she had never been in the midst of so peculiarly intense a stillness* [James. The Europeans, ch. 4: [http](http://...)] / ... *она никогда не была среди столь необычной интенсивной тишины.*

В рассматриваемом примере подчеркивается осознание главной героиней, баронессой Евгенией, того факта, что, приехав в Америку, она оказалась вдали от шума светских европейских вечеров, оказалась в тишине. Поляризация мировосприятия баронессой Евгенией окружающего мира в Европе и окружающего мира в Америке усиливается двусоставным маркером *peculiarly intense a stillness* / *необыкновенная интенсивная тишина*. В данном контексте выявлена одноядерная хронема *never* / *никогда*, которая, будучи маркером темпоральной контекстной поляризации прошлого и настоящего, усиливает поляризацию мировосприятия баронессы Евгении.

6) антропоцентрическая контекстная поляризация образа жизни

Пример 6.1. *But the great thing that Felix enjoyed was having found a family – sitting in the midst of gentle, generous people whom he might call by their first names* [James. The Europeans, ch.

4: http] / Но самое главное, чем **наслаждался** Феликс **было обретение семьи** – сидеть среди благородных, добрых людей, которых он мог называть по имени.

В рассматриваемом примере маркер поляризации образа жизни героя романа Феликса в Европе и в Америке, где он обрёл семью, - это односоставный маркер *having found a family* / *было обретение семьи*, который имеет уточняющие компоненты, поясняющие, что значит обрести семью. Этот маркер имеет уточняющие компоненты, которые поляризуют новый образ жизни Феликса в Америке и его образ жизни в Европе. Уточняющие компоненты заложены в двусоставном маркере *sitting in the midst of gentle, generous people names* / *сидеть среди благородных, добрых людей*, а также в односоставном маркере *whom he might call by their first* / *которых он мог называть по имени*.

Г. Джеймс подчеркивает, что его герой *enjoyed* / *наслаждался*, то есть данное слово представляет собой маркер антропоцентрической контекстной поляризации мировосприятия героя романа до посещения американских родственников и в момент их посещения.

Наряду с антропоцентрической контекстной поляризацией образа жизни и мировосприятия Феликса, два маркера репрезентируют социумную контекстную поляризацию поведения: 1) *благородные, добрые люди*, 2) *называть по имени*. Эти два маркера показывают тот факт, что Феликс обращает внимание на отличие американцев от европейцев.

В примере выявлена проксемная персонифицированная контекстная поляризация, выраженная односоставным маркером *sitting in the midst* / *сидеть среди*.

Пример 6.2. ... *he had never before found himself in contact so unrestricted with young unmarried ladies. He was*

extremely fond of the society of ladies, and it was new to him that it might be enjoyed in just this manner [James. The Europeans, ch. 4: http] / ... он никогда прежде не общался так непринуждённо с молодыми незамужними девушками. Он очень любил женское общество, и для него было новым то, что можно наслаждаться таким общением.

В рассматриваемом контексте образ жизни главного героя, Феликса, поляризуется в маркере-предложении *he had never before found himself in contact so unrestricted with young unmarried ladies* / он никогда прежде не общался так непринуждённо с молодыми незамужними девушками. Также в маркере синергично включены другие два типа контекстной поляризации: социумная гендерная контекстная поляризация, выраженная двусоставным маркером *young unmarried ladies* / молодые незамужние женщины и темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего, выраженная двудерной хронемой *never before* / никогда прежде.

Односоставный маркер *it was new to him* / для него было новым репрезентирует и антропоцентрическую контекстную поляризацию образа жизни, и антропоцентрическую контекстную поляризацию мировосприятия, и темпоральную контекстную поляризацию прошлого и настоящего, выраженную лексемой *new* / новый, сопряженную с антропоцентрической контекстной поляризацией мировосприятия, выраженной односоставным номинантом *enjoyed in just this manner* / наслаждаться таким общением. Данный маркер поляризации усиливается в сопряжении с маркером темпоральной поляризации *never before* / никогда прежде, разграничивающим прошлое и настоящее героя романа, и с маркером антропоцентрической контекстной поляризации поведения *found himself in contact so unrestricted with young unmarried ladies* / не общался так непринуждённо с молодыми незамужними девушками.

7) антропоцентрическая контекстная поляризация поведения

В романе «Европейцы» выявлено два типа контекстной поляризации поведения, а именно антропоцентрическая контекстная поляризация поведения и социумная контекстная поляризация поведения, которая будет рассмотрена ниже.

Выявлено, что в рассматриваемом романе превалирует второй тип, то есть социумная контекстная поляризация поведения, тем не менее, маркеры антропоцентрической контекстной поляризации поведения способствуют детальному описанию характеров героев и, в итоге, именно этот тип контекстной поляризации предопределяет развязку сюжетной линии романа, а именно невозможность для баронессы Евгении и её брата Феликса проживания в Америке, и неизбежность их возвращения в Европу.

Пример 7.1. *On this occasion he found that Mr. Brand had come to pay his respects to the charming stranger; but after Acton's arrival the young theologian said nothing* [James. The Europeans, ch. 4: <http>] / *В связи с этим он обнаружил, что мистер Брэнд пришёл высказать уважение к такой очаровательной иностранке, но после прихода Эктона молодой богослов не сказал ничего.*

В рассматриваемом контексте выявлена, во-первых, поляризация поведения двух молодых людей, мистера Бренда и Эктона, во-вторых, выявлена поляризация поведения одного из героев, мистера Бренда, который как сказано в номинанте *had come to pay his respects to the charming stranger* / *пришёл высказать уважение такой очаровательной иностранке.* Вследствие прихода второго молодого человека мистер Брэнд ничего не сказал баронессе. Сложившаяся ситуация отражена в двусоставном маркере *but after Acton's arrival the young theologian said nothing* / *но после прихода Эктона молодой богослов не сказал ничего.* В рассматриваемом маркере

антропоцентрической контекстной поляризации поведения выявлен маркер темпоральной контекстной поляризации прошлого и настоящего – это одноядерная хронема *after / после*.

8) антропоцентрическая контекстная поляризация знания

Пример 8.1. *He had never known anything more charming than the attention they paid to what he said* [James. The Europeans, ch. 4: http] / **Он никогда не знал ничего более очаровательного, чем внимание, с которым они слушали то, что он говорил.**

В рассматриваемом примере односоставный маркер *he had never known anything more / Он никогда не знал ничего более очаровательного* репрезентирует поляризацию знания/незнания героем ситуации, однако этот маркер сопрягает в себе и антропоцентрическую контекстную поляризацию мировосприятия, поскольку герой романа Феликс иначе начал смотреть на мир после знакомства с американскими родственниками.

В структуре исследуемого маркера выявлен маркер темпоральной контекстной поляризации прошлого и настоящего – это одноядерная хронема *never / никогда*. Рассматриваемый маркер сопряжен с маркером социумной контекстной поляризацией поведения *the attention they paid to what he said / внимание, с которым они слушали то, что он говорил*, то есть Феликс оказался в ином социуме, чем находился прежде, проживая в Европе, и в его сознании два социума поляризовались.

Таким образом, анализ вышеприведённых контекстов наряду с результатами интерпретации структуры маркеров, не включённых в качестве примеров, но выявленных в архитектонике романа Г. Джеймса «Европейцы», показал неоднородность репрезентированных маркеров

антропоцентрической контекстной поляризации в каждом из восьми подтипов, а именно превалирование односоставных маркеров – 206 номинантов над двусоставными маркерами – 61 номинант и наличие семи безатрибутивных номинантов.

В целом, проведенное когнитивно-герменевтическое исследование материала романа выявило 274 маркера антропоцентрической контекстной поляризации. Было установлено, что маркеры антропоцентрической контекстной поляризации сопряжены чаще всего с маркерами темпоральной контекстной поляризации, среди которых превалируют одноядерные хронемы.

2.2.2. Социумная контекстная поляризация

Рассмотрение текста романа Г. Джеймса «Европейцы» выявило наличие маркеров контекстной поляризации, входящих в состав девяти подтипов социумной контекстной поляризации, смоделированных в § 1.3, в соответствии со следующим перечнем: 1) социумная гендерная контекстная поляризация, 2) социумная возрастная контекстная поляризация, 3) социумная мировоззренческая контекстная поляризация, 4) социумная контекстная поляризация внешности, 5) социумная поведенческая контекстная поляризация, 6) социумная религиозная контекстная поляризация, 7) социумная семейная контекстная поляризация, 8) социумная комплексная контекстная поляризация, 9) социумная контекстная поляризация образа жизни.

Выявленная частотность маркеров социумной контекстной поляризации в архитектонике романа «Европейцы» Г. Джеймса отражена в таблице 2.

Таблица 2 – Частотность подтипов социумной контекстной поляризации

№ п/п	Подтипы социумной контекстной поляризации	Количество контекстов	% соотношение
1.	гендерная поляризация	15	2,8
2.	возрастная поляризация	12	1,8
3.	мировоззренческая поляризация	35	10,1
4.	поляризация внешности	45	13,6
5.	поведенческая поляризация	70	22,5
6.	религиозная поляризация	28	7,5

Продолжение таблицы 2

№ п/п	Подтипы социумной контекстной поляризации	Количество контекстов	% соотношение
7.	семейная поляризация	81	26,4
8.	комплексная поляризация	39	10,3
9.	социумная поляризация образа жизни	19	4,3
Итого:		344	100

Очевидно, что в архитектонике исследуемого произведения из 344 номинантов высокочастотными являются маркеры, репрезентирующие социумную поведенческую контекстную поляризацию и социумную семейную контекстную поляризацию, тогда как маркеры социумной гендерной контекстной поляризации и социумной возрастной контекстной поляризации низкочастотны.

Структура маркеров социумной поляризации наглядно отражена в следующих контекстах романа.

1) социумная гендерная контекстная поляризация

She saw that he had come back in the highest possible spirits; but this fact, to her own mind, was not a reason for rejoicing [James. The Europeans, ch. 3: [http](http://)] / *Она увидела, что он вернулся в самом приподнятом состоянии духа, но этот факт по её собственному мнению не был причиной для радости.*

В рассматриваемом контексте выявлены односоставные маркеры социумной гендерной контекстной поляризации: *she saw* / она увидела ↔ *he had come back* / он вернулся. Эти маркеры сопряжены с односоставными маркерами социумной мировоззренческой контекстной поляризации *he in the highest possible spirits* / он в самом приподнятом состоянии духа ↔ *to her own mind, was not a reason for rejoicing* / по её собственному мнению не был причиной для радости. Содержание маркеров показывает, что баронесса Евгения не воспринимает с радостью приподнятое настроение своего брата Феликса.

2) социумная возрастная контекстная поляризация

Пример. 2.1. *an uncle is always wiser than a nephew* [James. The Europeans, ch. 7: [http](http://)] / *дядя был всегда умнее, чем его племянник.*

В рассматриваемом контексте безатрибутивные маркеры *an uncle* / дядя ↔ *a nephew* / племянник маркируют возрастную поляризацию представителей двух социумов, американского и европейского. Эти же маркеры репрезентируют социумную семейную контекстную поляризацию, поскольку, как уже было указано, дядя и племянник относятся к разным социумам. Более того, результатом сравнения описания дяди и племянника является безатрибутивный маркер социумной мировоззренческой контекстной поляризации – слово *wiser* / умнее.

Следовательно, выявлена синергия трёх подтипов семейной контекстной поляризации: возрастной, гендерной, семейной в лексемах *an uncle* / дядя ↔ *a nephew* / племянник в сопряжении с социумной мировоззренческой контекстной поляризацией.

3) социумная мировоззренческая контекстная поляризация

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что данный подтип социумной контекстной поляризации высокочастотен в концептосфере рассматриваемого романа, поэтому будет приведено и проанализировано значительное количество контекстов, в отличие, например, от социумной возрастной контекстной поляризации, при которой поляризация заключается только в значительной разнице в возрасте дяди-американца и племянников-европейцев.

Далее следуют примеры социумной мировоззренческой контекстной поляризации.

Пример 3.1. *Brought up among ancient customs and in picturesque cities, he yet found plenty of local color in the little Puritan metropolis* [James. The Europeans, ch. 1: http] / *Воспитанный среди древних обычаев в живописных городах, он нашёл много местного колорита в маленьком пуританском мегаполисе.*

Рассмотрение данного контекста выявило двусоставные маркеры социумной мировоззренческой контекстной поляризации, соотносящиеся с мировоззрением европейца Феликса и его американских родственников: *brought up among ancient customs and in picturesque cities / воспитанный среди древних обычаев в живописных городах* ↔ *plenty of local color in the little Puritan metropolis / много местного колорита в маленьком пуританском мегаполисе*. Как известно, пуритане придерживались и придерживаются в воспитании детей строгого образа жизни, что полярно принципам воспитания «среди древних обычаев». Примечательно, что компонент рассматриваемого маркера *brought up / воспитанный* усиливает мировоззренческую поляризацию двух социумов, в одном из которых Феликс был воспитан, а в другом социуме оказался, будучи взрослым. Различие двух социумов удивило Феликса.

Наряду с социумной мировоззренческой поляризацией в данном контексте выявлена проксемная контекстная поляризация *picturesque cities / живописные города* ↔ *the little Puritan metropolis / маленький пуританский мегаполис*, а именно урбанистический подтип проксемной поляризации, при которой *множество городов* противопоставляется *одному мегаполису*. Более того, выявлена и лингвокультурная поляризация – множество *европейских* городов противопоставляется *одному американскому* мегаполису.

Такая синергия двух типов контекстной поляризации: лингвокультурной контекстной поляризации и проксемной контекстной поляризации, наряду с сопряжением с социумной контекстной поляризацией, в целом, усиливает поляризацию представителей двух социумов, европейского и американского, однако, противоположное привлекает главного героя романа, поэтому Феликс находит много удивительного в местном колорите.

Пример 3.2. “*And is there nothing,*” asked the Baroness, “*between these extremes – this mysterious ecclesiastic and that intemperate youth?*” [James. The Europeans, ch. 3: http] / “*И ничего нет*”, спросила Баронесса “*между этими крайностями – этот таинственный церковнослужитель и эта несдержанная молодежь*”.

В рассматриваемом примере выявлены односоставные маркеры социумной мировоззренческой контекстной поляризации: *this mysterious ecclesiastic* / *этот таинственный церковнослужитель* ↔ *that intemperate youth* / *эта несдержанная молодежь*, полярность которых усиливается характеристикой, данной баронессой Евгенией посредством номинанта *these extremes* / *эти крайности*. Очевидно, что баронесса Евгения преднамеренно поляризует коммуникативный социум, сложившийся в доме её дяди, и привычный для нее европейский социум.

Пример 3.3. *The idea that his niece should be a German Baroness, married “morganatically” to a Prince, had already given him much to think about. Was it right, was it just, was it acceptable?* [James. The Europeans, ch. 3: http] / *идея о том, что его племянница немецкая баронесса, вышедшая замуж «морганически» за принца, дала ему повод много думать об этом. Правильно ли это, так ли это, приемлемо ли это?*

В данном контексте социумная мировоззренческая контекстная поляризация выражена в осмыслении действия баронессы Евгении её дядей, мысли которого репрезентированы посредством трёх односоставных маркеров: *was it right* / *правильно ли это*, *was it just* / *так ли это*, *was it acceptable* / *приемлемо ли это*. Очевидно, что сам факт «морганического» брака баронессы Евгении и немецкого принца, свершившийся, но не всеми приветствуемый в Европе, в Америке, у главы пуританской семьи, дяди баронессы, вызывает вопросы и отторжение.

Пример 3.4. *“they had spent their lives in Europe. But they were very patriotic. And so are we”* [James. The Europeans, ch. 2: http] / *Они провели свою жизнь в Европе. Но они были патриотами. И мы тоже.*

Данный контекст примечателен тем, что социумная мировоззренческая контекстная поляризация обусловлена экономическим аспектом, поскольку родители главного героя Феликса вынуждены были жить и работать в чужой для них стране, в Италии, на о. Сицилия, но оставались патриотами своей Родины, то есть патриотами Америки. Поляризация репрезентирована односоставными маркерами *lives in Europe* / *жили в Европе* ↔ *they were very patriotic* / *они были патриотами*.

Выявлено, что односоставный маркер *and so are we* / *и мы тоже* усиливает поляризацию, поскольку дети эмигрантов из Америки, рождённые в Европе, были патриотами Америки. Социумную контекстную поляризацию усиливает проксемная неперсонифицированная контекстная поляризация двух частей Света: Старого Света и Нового Света, выраженная безатрибутивными маркерами *Europe* / *Европа* ↔ *America* / *Америка*.

Пример 3.5. *She perceived immediately that her American relatives thought and talked very little about money; and this of itself made an impression upon Eugenia's imagination* [James. The Europeans, ch. 4: http] / *Она немедленно заметила, что её американские родственники очень мало думают и говорят о деньгах, это само по себе оказало на Евгению впечатление.*

В данном контексте писателем подчеркивается полярность мировоззрения баронессы Евгении и её американских родственников в отношении денег в двусоставном номинанте *her American relatives thought and talked very little about money* / *её американские родственники очень мало думают и говорят*

о деньгах. Контекстная поляризация усиливается описанием отношения героини к новому для неё мировоззренческому стилю, что выражено в односоставном номинанте *made an impression upon Eugenia's imagination / что удивило баронессу Евгению*.

Пример 3.6. *“I only wish she would speak French; it would seem more in keeping It must be quite the style that we have heard about, that we have read about--the style of conversation of Madame de Stael, of Madame Recamier”* [James. The Europeans, ch. 4: http] / *“Я желаю только, чтобы она говорила по-французски. Должно быть, это совершенно тот стиль, о котором мы читали – стиль беседы мадам де Сталь и мадам Рекамье”*.

В рассматриваемом контексте один из героев романа, американец мистер Бренд, сравнивая свои знания о Европе, в частности о Франции, с предполагаемым стилем беседы баронессы Евгении, заранее восхищается возможностью увидеть воочию и услышать стиль мадам де Сталь и мадам Рекамье.

Очевидно, что он поляризует американский и европейский коммуникативные стили, то есть поляризует американское и европейское мировоззрение на образованность женщин, на умение их организовать литературные интеллектуальные салоны, на умение женщин поддерживать интеллектуальные беседы.

Из истории Франции известно, что баронесса Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн была хозяйкой блестящего литературного салона в Париже в начале XIX века, также она была французской писательницей, литературным критиком. Мадам Рекамье, Жанна Франсуаза Жюли Аделаида Бернар в начале XIX века была хозяйкой знаменитого по всей Европе литературно-поэтического салона, который стал интеллектуальным центром Парижа.

Примечательно, что имя мадам Рекамье было символом хорошего вкуса и образованности.

4) социумная контекстная поляризация внешности

Пример 4.1. “*The men in this country don’t seem at all handsome*”.

“*The women are very pretty,*” her brother declared [James. The Europeans, ch. 1: [http](http://)] / (Евгения): “Мужчины в этой стране кажутся совсем не красивыми”. “Женщины – очень миленькие”, продекларировал её брат.

В примере выявлена контекстная поляризация внешности представителей двух социумов: европейского и американского, высказанная словами европейцев, героев романа, репрезентированная односоставными маркерами поляризации: *the men <...> don’t seem at all handsome* ↔ *the women are very pretty*.

Баронесса Евгения, говоря о внешности встреченных ею на новом континенте *американских* мужчин, сравнивает их с *европейскими* мужчинами. Сравнение выгодно в пользу последних. В это же время её брат Феликс сравнивает внешность американских женщин и европейских женщин в пользу первых, называя американок *very pretty* / *очень миленькие*. Наряду с контекстной поляризацией внешности в примере выявлена социумная гендерная контекстная поляризация, которая репрезентируется безатрибутивными маркерами: *the men* / *мужчины* ↔ *the women* / *женщины*. Примечательно, что Г. Джеймс акцентирует внимание на том, что сравниваются не только американские и европейские мужчины и женщины, но и само сравнение проводят герои романа, женщина и мужчина.

Итак, в данном контексте сопряжено два типа социумной контекстной поляризации: социумной контекстной

поляризации внешности и социумной гендерной контекстной поляризации.

Пример 4.2. *Gertrude looked at him from head to foot. Yes, he was remarkably handsome; but his smile was almost a grimace* [James. The Europeans, ch. 2: http] / *Гертруда посмотрела на него с ног до головы. Да, он был удивительно красив, но его улыбка была почти гримасой.*

Данный контекст примечателен тем, что поляризуется наличие красоты человека внешнего, в целом (с ног до головы), и отсутствие красоты человека внутреннего, отсутствие красоты его эмоций, т.е. его улыбки, что репрезентировано односоставными маркерами *он был удивительно красив ↔ но его улыбка была почти гримасой*. Г. Джеймс намеренно поляризует человека внешнего и человека внутреннего, т.е. красоту человека внешнего противопоставляет отсутствию красоты в человеке внутреннем, героя его произведения, чтобы уже с первых страниц романа показать читателю полярированность не только на уровне миров, европейского и американского, но и полярированность в самом человеке, которая заложена в нём вне зависимости от пребывания в том или ином социуме. Эта полярированность приобретена в процессе воспитания в «древних традициях».

Пример 4.3. *Charlotte thought her very strange-looking and singularly dressed* [James. The Europeans, ch. 3: http] / *Шарлотта подумала, что она очень странно выглядит и странно одета.*

В данном контексте отражено восприятие американкой Шарлоттой внешнего облика её кузины, европейки баронессы Евгении, которую Шарлотта сравнивает с американскими женщинами, поляризуя их внешний облик. Односоставный маркер *very strange-looking* / *очень странно выглядит* имплицитно поляризует и человека внутреннего. Примечательно, что в данном контексте выявлен маркер

лингвокультурологической контекстной поляризации предметов одежды *singularly dressed* / *странно одета*.

5) социумная поведенческая контекстная поляризация

Пример 5.1. *“I hoped we had left seriousness in Europe”* [James. The Europeans, ch. 1: http] / *Я надеялся, что мы оставили серьёзность в Европе.*

В данном контексте один из героев романа, Феликс, противопоставляет европейские нормы поведения, репрезентированные безатрибутивным маркером *seriousness* / *серьёзность*, и американские, последние в реплике подразумеваются, т.е. имплицитны, поскольку автор романа подчеркивает, что его герои оставили прежние нормы поведения в Европе, откуда они приехали.

Следует подчеркнуть тот факт, что в архитектонике романа, в целом, высока частотность имплицитной составляющей в конструкциях, репрезентирующих как социумную контекстную поляризацию, так и иные типы и подтипы контекстной поляризации.

Пример 5.2. *They are of a pensive cast; they take things hard. I think there is something the matter with them; they have some melancholy memory or some depressing expectation. It's not the epicurean temperament* [James. The Europeans, ch. 3: http] / *Они задумчивы, они воспринимают всё с трудом. Полагаю, есть какая-то причина того, что они имеют некие меланхолические воспоминания или какое-то удручающее ожидание. Это не эпикурейский темперамент.*

В данном контексте Феликс, рассказывая сестре, баронессе Евгении, о его впечатлении об американских родственниках, прибегает к двойному сравнению в рамках одного подтипа контекстной поляризации:

а) социумная контекстная поляризация поведения американских родственников по сравнению с

привычными для европейцев нормами поведения, репрезентированными в двусоставном номинанте *They are of a pen-sive cast; they take things hard / Они задумчивы, они воспринимают всё с трудом;*

б) поляризация поведения американских родственников и типажа поведения, репрезентированного односоставным номинантом *эпикурейский темперамент*, коррелирующим с учением древнегреческого философа Эпикура. Эпикурец – это человек, живущий в своё удовольствие, симпатичный, но эгоцентричный и приземлённый. Феликс подчеркивает, что его американские родственники не имеют эпикурейский темперамент.

Поскольку отсылка идёт к древнему Эпикуру, то имплицитно заложена темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего.

Пример 5.3. *“The men in this country”, said the Baroness, “are evidently very obliging”* [James. The Europeans, ch. 4: http] / *“Мужчины в этой стране, проговорила баронесса, “очень любезны”.*

В данном контексте выявлен маркер контекстной поляризации, сопряжённый с ядром – лексемой *мужчины*, в односоставном номинанте *The men in this country very obliging / Мужчины в этой стране очень любезны*, то есть баронесса Евгения сравнивает европейских мужчин и американских в пользу последних. Также выявлен маркер, указывающих на пространственную неперсонифицированную контекстную поляризацию – *in this country / в этой стране*, поскольку, являясь проксемой, он поляризует две страны, расположенные в двух частях Света, Америку и Европу.

Пример 5.4. *“Now I suppose that's what is called conversation,” he said; “real conversation”* [James. The Europeans, ch. 4: http] / *“Теперь я знаю, что называется беседой”, сказал он “настоящей беседой”.*

В рассматриваемом контексте мистер Брэнд, произнося определение “*real conversation*” / “*настоящая беседа*”, сравнил, поляризуя, поведение своих соотечественников американцев и баронессы Евгении. Маркеры поляризации в данном случае – это односоставные номинанты.

Более того, в контексте выявлена одноядерная хронема *now / сейчас*, которая маркирует темпоральную контекстную поляризацию прошлого и настоящего, поскольку герой романа намеренно подчеркивает, что его мнение о поведении европейки, баронессы Евгении, во время беседы изменилось. Имплицитно, он сравнивает стиль общения американских светских дам с увиденным стилем общения европейской светской дамы, баронессы Евгении.

Пример 5.5. *Gertrude was silent a moment, in deference to her father's speech* [James. The Europeans, ch. 4: http] / *Гертруда молчала в отличие от неё отец говорил.*

В рассматриваемом контексте поляризация деятельности выражена номинантами, маркирующими коммуникативную ситуацию *Gertrude was silent a moment / Гертруда молчала* ↔ *her father's speech / отец говорил*. Наряду с поляризацией деятельности выявлена синергия социумной возрастной и гендерной поляризации, репрезентированных в номинантах *Gertrude / Гертруда* ↔ *her father / её отец*.

б) социумная контекстная религиозная поляризация

Пример 6.1. *The young girl listened to the church-bell; but she was not dressed for church* [James. The Europeans, ch. 1: http] / *Девушка услышала церковный колокол, но она была не одета для церкви.*

В рассматриваемом контексте выявлена социумная контекстная религиозная поляризация, выраженная односоставными маркерами *the church-bell / церковный колокол* ↔

not dressed for church / *не одета для церкви*, поскольку, как известно, звук церковного колокола возвещает всей общине о скором начале церковной службы, т.е. подразумевается, что вся община приходит на службу, однако, тот факт, что героиня романа ещё «не одета для церкви» говорит о том, что она не стремится в этот день в церковь. Автор романа поляризует религиозность общины и нерелигиозность героини романа. В данном контексте выявлена лингвокультурная контекстная поляризация предметов одежды, поскольку писатель, употребляя номинант *not dressed for church* / *не одета для церкви*, подчеркивает, что у американцев в XIX века, как и в других странах, была повседневная одежда, а была одежда для посещения церковной службы.

7) социумная семейная контекстная поляризация

Одним из высокочастотных подтипов социумной поляризации является социумная семейная контекстная поляризация, что обусловлено тем, что, как известно, социум одной семьи, зачастую, противоположен социуму другой семьи, и далее, *n*-количество полярных семейных социумов, подразделённых по их параметрам, объединяется и образует общий социум в рамках отдельно взятой страны.

В связи с высокой частотностью именно этого подтипа в параграфе будет рассмотрено значительное количество контекстов.

Пример 7.1. *Your father's family didn't like her husband. They called him a foreigner; but he was not. My poor father was born in Sicily, but his parents were Americans*” [James. The Europeans, ch. 1: <http>] / *Семья твоего отца не любила её мужа. Они называли его иностранцем, но он им не был. Мой бедный отец родился на Сицилии, но его родители были американцы.*

В данном контексте поляризуется отношение семьи девушки к её избраннику, выраженное односоставным

маркером *your father's family didn't like her husband* / семья твоего отца не любила её мужа. Социумная семейная контекстная поляризация выражена односоставными маркерами *father was born in Sicily* / отец был рождён на Сицилии ↔ *but his parents were Americans* / но его родители были американцы. Указание на то, что сын американцев-эмигрантов рождён на о. Сицилия подразумевает под собой различие в стиле поведения в его семье и семье его жены. Маркер социумной семейной контекстной поляризации сопряжен с проксемной персонифицированной контекстной поляризацией, выраженной односоставными проксемами: *Sicily* / Сицилия ↔ *America* / Америка.

Пример 7.2. “Turn me from the door!” Felix exclaimed. “They took me to their hearts; they killed the fatted calf.” [James. The Europeans, ch. 3: <http>] / “Прогнать меня с порога!”, воскликнул Феликс “Они приняли меня радушно, они закололи откормленного телёнка”.

В рассматриваемом контексте поляризуются предполагаемые баронессой Евгенией действия семьи мистера Уэнтуорта по отношению к приехавшему из Европы племяннику Феликсу и реальные, описываемые самим Феликсом события, репрезентированные односоставными маркерами *turn me from the door* / прогнать меня с порога ↔ *they took me to their hearts* / они приняли меня радушно. Примечательно, что маркер *they took me to their hearts* / они приняли меня радушно дублируется посредством цитаты из Библии, из Нового Завета *killed the fatted calf* / заколоть откормленного телёнка. Выявленная отсылка к Библии – это отсылка к притче о блудном сыне, каким воспринимает себя Феликс как потомок американцев-эмигрантов. Знаменательно, что упомянутая притча о блудном сыне также содержит в своём тексте семейную контекстную поляризацию.

Пример 7.3. *The arrival of Felix and his sister was a satisfaction, but it was a singularly joyless and inelastic satisfaction* [James.

The Europeans, ch. 4: <http>] / Прибытие Феликса и его сестры было удовольствием, но исключительно безрадостным удовольствием.

В рассматриваемом контексте поляризация семейных отношений репрезентирует отношение американской семьи к их родственникам, приехавшим из Европы, союз *but* и дубликация лексемы *satisfaction* / удовольствие, которая употреблена во втором случае с отрицательной коннотативной нагрузкой, репрезентированной односоставным маркером *inelastic satisfaction* / безрадостное удовольствие, усиливает контекстную поляризацию.

Пример 7.4. *Мистер Уэнтуорт “You must keep watch. Indeed, we must all be careful. This is a great change; we are to be exposed to peculiar influences. I don't say they are bad. I don't judge them in advance. But they may perhaps make it necessary that we should exercise a great deal of wisdom and self-control. It will be a different tone”* [James. The Europeans, ch. 4: <http>] / **“Мы должны быть бдительны. Действительно, мы должны быть осторожны. Это значительное изменение, мы будем подвержены специфическому влиянию. Я не говорю, что они плохие. Я не сужу их заранее. Но они могут, возможно, создать необходимость того, чтобы мы проявили великое дело мудрости и самоконтроля. Это будет другой тон”.**

Рассматриваемый контекст примечателен значительным количеством маркеров поляризации, репрезентирующих отношение американцев к приехавшим из Европы родственникам: 1) односоставный маркер *you must keep watch* / мы должны быть бдительны, 2) односоставный маркер *we must all be careful* / мы должны быть осторожны, 3) односоставный маркер *to be exposed to peculiar influences* / быть подверженными специфическому влиянию. Выявлены маркеры социальной мировоззренческой контекстной поляризации, которыми *Мистер Уэнтуорт* пытается оправдаться в глазах семьи

после сказанных слов о необходимом стиле общения с родственниками-европейцами, что выражено двумя односоставными маркерами: 1) *I don't say they are bad* / Я не говорю, что они плохие, 2) *I don't judge them in advance* / Я не сужу их заранее и одним двусоставным маркером *But they may perhaps make it necessary that we should exercise a great deal of wisdom and self-control* / Но они могут, возможно, создать необходимость того, чтобы мы проявили великое дело мудрости и самоконтроля.

Также выявлен односоставный маркер социумной контекстной поляризации поведения *will be a different tone* / это будет другой тон, который номинирует следствие из причины, выраженное номинантом *to be exposed to peculiar influences* / быть подверженными специфическому влиянию.

Пример 7.5. *She had been only twenty when she went abroad, never to return, making in foreign parts a willful and undesirable marriage* [James. The Europeans, ch. 5: [http](http://)] / Ей было около двадцати лет, когда она уехала за границу, никогда не возвращалась и вступила в своевольный нежелательный брак с иностранцем.

В данном контексте социумная семейная контекстная поляризация маркируется трёхсоставным номинантом *making in foreign parts a willful and undesirable marriage* / вступила в своевольный нежелательный брак с иностранцем.

Указанный тип поляризации усиливается двумя маркерами проксемной персонифицированной поляризации: маркером деления пространства на две локальные части, т.е. односоставным номинантом (*she went*) *abroad* / (уехала) за границу, и односоставным маркером проксемной динамической поляризации, репрезентирующим перемещение в пространстве: *went* / уехала ↔ *never to return* / никогда не возвращалась. Выявлен маркер темпоральной контекстной поляризации временной точки и бесконечности – это одноядерная хронема *never* / никогда.

Пример 7.6. *Now that his nephew and niece had come before him, he perceived that they were **the fruit of influences and circumstances very different** from those under which his own familiar progeny had reached a vaguely-qualified maturity* [James. The Europeans, ch. 5: http] / *Теперь, когда его племянник и племянница предстали перед ним, он увидел, что они были **плодами иного влияния**, чем то, под которым выросли его дети.*

В рассматриваемом контексте поляризуется результат воспитательного воздействия европейского социума, репрезентированный односоставным маркером *the fruit of influences and circumstances very different* / *плодами иного влияния*, и результат семейного американского воспитания, репрезентированный односоставным маркером *his own familiar progeny had reached a vaguely-qualified maturity* / *под которым выросли его дети.*

Очевидно, что именно лексема *плоды* усиливает поляризацию американского и европейского влияния на умы подрастающего поколения, поскольку обозначает результат, который уже нельзя исправить.

8. Комплексная социумная контекстная поляризация

Исследование социумной контекстной поляризации выявили наличие особого подтипа маркеров, заключающих в себе большое количество поляризующих параметров. Такой подтип предлагается обозначить как комплексная социумная поляризация.

Пример 8.1. *She had never in her life spoken to **a foreigner*** [James. The Europeans, ch. 1: http] / *Она никогда в своей жизни не говорила **с иностранцем**.*

Прежде всего, значим тот факт, что в семантике лексемы *иностранец*, вне контекста её употребления, заложена именно комплексная поляризация, включающая в себя различные параметры, поскольку *иностранец* ведёт себя иначе,

чем житель страны, в которую он прибыл. Мимика и жесты отличаются, он иначе одет. Он говорит на иностранном языке или говорит с акцентом на языке общения. Всё перечисленное свидетельствует о комплексной многопараметральной поляризации, заложенной в семантике лексемы *иностранец*.

Наряду с односоставным маркером *иностранец* выявлена темпоральная контекстная поляризация, репрезентированная хронемой *never*, которая входит в состав маркера социумной контекстной поведенческой поляризации: *had never in her life spoken to...* / *никогда не говорила (с иностранцем)*.

Пример 8.2. “*You are a foreigner of some sort*” [James. The Europeans, ch. 2: [http](http://)] / *Вы какой-то (необычный) иностранец*.

В рассматриваемом контексте тоже выявлена лексема «иностранец», подробно рассмотренная в предыдущем примере, поэтому отметим лишь тот факт, что словосочетание *of some sort* / *какой-то*, говорящее о необычности, указывает на наличие сопряжения социумной комплексной контекстной поляризации и социумной поведенческой контекстной поляризации.

Пример 8.3. ... *with a constant sense of the lady's foreignness* [James. The Europeans, ch. 4: [http](http://)] / *с постоянным чувством присутствия иностранки*.

Маркер *foreignness* / *иностранка* также, как и маркер *foreigner* / *иностранец* в семантике содержит большое количество отличительных параметров, поляризующих человека-иностранца или иностранку и жителя страны, в которую приехали иностранцы, что описано в рассматриваемом контексте.

Пример 8.4. *He was paralyzed and bewildered by her foreignness. She spoke, somehow, a different language. There was something strange in her words* [James. The Europeans, ch. 5: [http](http://)] / *Он (мистер Уэнтурт) был парализован и сбит с толку её*

чуждостью. Она говорила, как будто на другом языке. Было что-то странное в её словах.

В данном примере выявлено три маркера социумной контекстной поляризации, два из которых усиливают и раскрывают первый комплексный маркер *her foreignness* / её чуждость, в котором также, как и в семантике маркера *иностранец* заложена наивысшая степень поляризации. Уточнение *was paralyzed and bewildered* / был парализован и сбит с толку показывает ответную реакцию коммуниканта, т.е. дяди-американца. Маркер *a different language* / на другом языке по семантике представляет собой синергию социумных и лингвокультурных параметров, поскольку, как известно, язык – это явление и социальное, и культурное. Одноставный маркер *strange in her words* / что-то странное в её словах по семантике объединяет и уточняет первые два маркера.

9) социумная контекстная поляризация образа жизни

В процессе описания различных социумных полярных явлений Г. Джеймс применил описание поляризации в образе жизни американцев и европейцев. Примечательно, что весь текст романа представляет собой модель поляризации образа жизни американцев и европейцев, тем не менее, писатель дополнительно сконцентрировал эту поляризацию в нескольких контекстах.

Пример 9.1. “*You know there is a great deal of misery in the world,*” said his model. “*I have seen a little of it,*” the young man rejoined. “*But it was all over there – beyond the sea. I don't see any here. This is a paradise*” [James. The Europeans, ch. 5: http] / “**Вы знаете, что существует большая проблема нищеты в мире**”, сказала его модель. “**Я видел её мало**”, произнёс молодой человек. “**Но всё это было за морем. Здесь я этого не вижу. “Это рай”**”.

В рассматриваемом контексте поляризация образа

жизни репрезентирована односоставными маркерами “*there is a great deal of misery in the world,*” said his model / “*существует большая проблема нищеты в мире*”, сказала его модель ↔. “*I have seen a little of it,*” the young man rejoined / “*Я видел её мало*”, произнёс молодой человек. Американка ставит проблемный вопрос о нищете в мире, тогда как европеец Феликс ей противоречит, говоря, что мало видел нищеты.

Выявленная контекстная поляризация синергична социумной гендерной контекстной поляризации: беседуют девушка из Америки и молодой человек из Европы. Далее, выявлено, что Феликс поляризует нищету как образ жизни людей, которых он видел нищими в Европе, и благополучие, как образ жизни, который он увидел в Америке. В качестве маркера поляризации выявлен номинант религиозного дискурса *This is a paradise* / *Это рай*.

Примечательно, что поляризуется не только два образа жизни: американский и европейский, но поляризуется весь мир и Америка посредством двух односоставных проксем: 1) *in the world* / *в мире*, 2) *beyond the sea* / *за морем* и безатрибутивной проксемой *here* / *здесь*.

Пример 9.2. *Felix had spent a good deal of his life in looking into courts, with a perhaps slightly tattered pair of elbows resting upon the ledge of a high-perched window, and the thin smoke of a cigarette rising into an atmosphere in which street-cries died away and the vibration of chimes from ancient belfries became sensible. He had never known anything so infinitely rural as these New England fields; and he took a great fancy to all their pastoral roughnesses* [James. The Europeans, ch. 4: [http](http://)] / *Феликс провел значительную часть своей жизни, изучая дворы и слегка протерев локти, опираясь на уступы высоких окон и тонкий дым сигарет, поднимался в атмосфере стихающих шумных улиц и вибрирующего звука колокола на древних колокольнях. Он никогда ничего не знал о столь бесконечных сельских полях как эти поля в Новой Англии, и он был в восторге от их пастушьей грубоватости.*

В данном объёмном контексте представлено детальное описание образа жизни в Европе, репрезентированного посредством следующих маркеров: 1) односоставного маркера *in looking into courts* / *изучая дворы*, 2) двусоставного маркера *with a perhaps slightly tattered pair of elbows resting upon the ledge of a high-perched window* / *слегка протерев локти, опираясь на уступы высоких окон*, 3) трёхсоставного маркера *the thin smoke of a cigarette rising into an atmosphere in which street-cries died away and the vibration of chimes from ancient belfries became sensible* / *тонкий дым сигарет, поднимался в атмосфере стихающих шумных улиц и вибрирующего звука колокола на древних колокольнях*.

Примечательно, что в третьем маркере выявлена синергия социумной контекстной поляризации образа жизни с проксемной персонифицированной контекстной поляризацией, репрезентированной динамичной односоставной проксемой *rising* / *поднимающийся* и проксемным словосочетанием *into an atmosphere in which street-cries died away and the vibration of chimes from ancient belfries became sensible* / *в атмосфере стихающих шумных улиц и вибрирующего звука колокола на древних колокольнях*.

Выявлена синергия социумной контекстной поляризации образа жизни с лингвокультурной контекстной поляризацией традиций в номинанте *the vibration of chimes from ancient belfries became sensible* / *вибрирующего звука колокола на древних колокольнях*. Определена темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего, выраженная одноядерным маркером – лексическим таймером: *Felix had spent a good deal of his life* / *Феликс провел значительную часть своей жизни* и одноядерной хронемой *never* / *никогда*.

В данном контексте поляризуется урбанистическая Европа и сельское очарование Новой Англии, т.е. Америки. В целом, в тексте романа топоним *New England* / *Новая Англия* употреблён 6 раз, топоним *America* / *Америка*

употреблён 5 раз и топоним *North America / Северная Америка* – 3 раза. Синонимичные топонимы, маркирующие Америку, употреблены 14 раз, тогда как топоним *England / Англия* упоминается всего 2 раза.

Таким образом, выявлено структурное различие маркеров социумной контекстной поляризации в каждом из девяти подтипов, а именно среди 344 маркеров, выявленных в архитектонике романа «Европейцы», преобладают односоставные маркеры – 280 номинантов, двусоставных маркеров – 42, трёхсоставных маркеров – 7 и безатрибутивных маркеров – 15.

Рассмотренные контексты репрезентируют широкую палитру сопряжения маркеров социумной контекстной поляризации и маркеров, реализующих другие типы и подтипы контекстной поляризации, сопряжённые с маркерами социумной контекстной поляризации.

2.2.3. Лингвокультурная контекстная поляризация

Интерпретация архитектоники концептосферы романа «Европейцы» показывает наличие лингвокультурной составляющей, что обусловлено структурой идиостиля Г. Джеймса. Проведённые ранее научные изыскания подчеркивают значимость «культурного контекста в структуре художественного текста» [Borkowski, 2013: <http>], поэтому явление лингвокультурной контекстной поляризации при-сутствует архитектонике романа «Европейцы», в котором выявлено пять подтипов лингвокультурной контекстной поляризации, а именно: 1) лингвокультурная контекстная поляризация традиций, 2) лингвокультурная контекстная поляризация образа жизни, 3) лингвокультурная контекстная поляризация описания жилья, 4) лингвокультурная контекстная поляризация предметов одежды, 5)

лингвокультурная контекстная поляризация приёма пищи.

Исследование показало, что в архитектонике концептосферы романа «Европейцы» 188 маркеров лингвокультурной контекстной поляризации; частотность подтипов различна, что отражено в таблице 3.

Таблица 3 – Частотность подтипов лингвокультурной контекстной поляризации

№ п/п	Подтипы лингвокультурной контекстной поляризации	Количество контекстов	% соотношение
1.	поляризация традиций	45	25,2
2.	поляризация образа жизни	42	23,2
3.	поляризация жилья	34	17,3
4.	поляризация предметов одежды	35	18,3
5.	поляризация приёма пищи	32	16
Итого:		188	100

В целом, в концептосфере романа «Европейцы» из выявленных 188 маркеров лингвокультурной контекстной поляризации преобладают маркеры контекстной поляризации традиций и маркеры контекстной поляризации образа жизни; менее частотными маркерами лингвокультурной контекстной поляризации выступают маркеры приёма пищи.

Репрезентанты перечисленных подтипов контекстной поляризации выявлены в следующих примерах.

1) лингвокультурная контекстная поляризация традиций

Пример 1.1. *It was the hour at which ladies should come out for an airing and roll past a hedge of pedestrians, holding their parasols askance. Here, however, Eugenia observed no indications of this custom, the absence of which was more anomalous as there was a charming avenue of remarkably graceful, arching elms in the most convenient contiguity to a large, cheerful street, in which, evidently, among the more prosperous members of the bourgeoisie, a great deal of pedestrianism went forward* [James. The Europeans, ch. 1: <http>] / **Это был час, в который дамам следовало выходить на свежий воздух и прогуливаться среди пешеходов, держа свои зонтики от солнца под наклоном.** Здесь, однако, Евгения не обнаружилась никаких признаков этого обычая, отсутствие которого было более аномальным, поскольку имелась очаровательная аллея удивительно изящных извилистых вязов в наиболее удобном соседстве с большой, веселой улицей, на которой, очевидно, среди более зажиточных членов буржуазии, проходило много пешеходов.

В рассматриваемом объёмном контексте репрезентирована поляризация времяпрепровождения светских дам Европы, которое выражено трёхсоставным маркером *ladies should come out for an airing and roll past a hedge of pedestrians, holding their parasols askance* / **дамам следовало выходить на свежий воздух и прогуливаться среди пешеходов, держа свои зонтики от солнца под наклоном**, и светских дам Америки, у которых не было данного обычая.

Контекстная поляризация, отражающая диссонанс мировосприятия главной героини, которое было характерно для её времяпрепровождения в Европе, и мировосприятия ею американской действительности, усилена посредством констатации факта удивления баронессы Евгении, которое обусловлено отсутствием в Америке данного

европейского обычая, репрезентированного двусоставным маркером: *Eugenia observed no indications of this custom the absence of which was more anomalous* / Евгения не обнаружила никаких признаков этого обычая, отсутствие которого было более аномальным. Имя прилагательное *anomalous* / аномальный, употреблённое в сравнительной степени *more anomalous* / более аномальный, усиливает контекстную поляризацию обычаев Старого и Нового Света. В этом случае контекстная поляризация выражена словосочетанием *no indications of this custom* / никаких признаков этого обычая. Рассматриваемый маркер лингвокультурной контекстной поляризации сопряжён с маркером темпоральной контекстной поляризации, а именно с маркером конкретной временной точки и бесконечности времени, т.е. с одноядерной хронемой *it was the hour at which / это был час, в который*.

В контексте были выявлены лингвокультуремы, характеризующие традиционное поведение женщин в Европе: (1) *ladies should come out for an airing* / дамам следовало выйти на свежий воздух, (2) *ladies roll past a hedge of pedestrians* / дамы проходили среди прохожих, (3) *holding their parasols askance* / держа их зонтика от солнца под наклоном. Примечательно, что «наряду с лингвокультуремами, в качестве маркеров контекстной лингвокультурной поляризации могут выступать: (а) проксемы, обладающие высокой семантической плотностью, (б) хронемы в качестве ядра обычая, соотносённого с конкретной временной точкой» [Гламазда, 2019а: 162].

Рассматриваемый контекст поясняет одну из причин, почему баронесса Евгения не смогла остаться жить в Америке, где всё ей было чуждо.

2) лингвокультурная контекстная поляризация образа жизни

Пример 2.1. *"I am sure they will have **different hours**. She*

will do all kinds of little things differently. When we go over there it will be like going to Europe. She will have a boudoir. She will invite us to dinner – very late. She will breakfast in her room” [James. The Europeans, ch. 4: [http](http://)]/ “Я уверена, что они будут иметь **различные часы**. Она будет **делать все мелочи иначе**. Когда мы будем их навещать, **это будет как, съездить в Европу**. У неё будет **будуар**. Она пригласит нас **на ужин очень поздно**. Она будет **завтракать в своей комнате**”.

В рассматриваемом примере лингвокультурная контекстная поляризация образа жизни репрезентирована пятью различными по свойствам маркерами, такими как: 1) одноядерная хронема *different hours / различные часы*, которая синергирует как лингвокультурный аспект контекстной поляризации, так и темпоральную контекстную поляризацию; 2) односоставный маркер *do all kinds little things differently / делать все мелочи иначе*, который репрезентирует поляризацию всех предполагаемых действий баронессы Евгении, которые будут отличаться от привычных для американских женщин действий; 3) односоставный маркер *will be like going to Europe / это будет как, съездить в Европу*, которая синергирует лингвокультурный аспект поляризации и проксемную персонифицированную контекстную поляризацию, связанную с упоминанием топонима *Европа*; 4) односоставный маркер *have a boudoir / иметь будуар*, который, будучи лингвокультуремой, а именно словом из французского языка, называющим женские комнаты в доме в XVIII-XIX веках, репрезентирует реалию французской культуры, распространившуюся позже и в других странах; 5) односоставный маркер *breakfast in her room / завтракать в своей комнате*, который репрезентирует в общем перечне маркеров контекста один из компонентов образа жизни баронессы Евгении, а именно характерный для неё образ приёма пищи.

Лингвокультурные особенности приёма пищи выделены в лингвокультурный подтип поляризации, описываемый в п. 5 раздела о лингвокультурных подтипах контекстной поляризации.

Пример 2.2. “*What is life, indeed, without curtains?*” she secretly asked herself [James. The Europeans, ch. 4: [http](#)] / “Что такое жизнь действительно без шторок”, спросила она саму себя.

В данном контексте, в отличие от вышерассмотренного контекста, в краткой фразе поляризуется лингвокультурный аспект образа жизни, который вела баронесса Евгения в Европе, и тот образ жизни, с которым она столкнулась в Америке, а именно открытость окружающих её людей.

Примечательно, что в односоставном метафоричном маркере лингвокультурной поляризации образа жизни *is life, indeed, without curtains* / *жизнь действительно без шторок* синергично представлен маркер лингвокультурной контекстной поляризации жилья.

3) лингвокультурная контекстная поляризация описания жилья

Пример 3.1. “*It will be a foreign house*” [James. The Europeans, ch. 4: [http](#)] / “Это будет **иностранный дом**”.

В данном контексте односоставный маркер *a foreign house* / *иностранный дом* имеет высокую семантическую плотность, поскольку лексема *foreign* комплексно поляризует два мира. В разделе «социумная контекстная поляризация», в § 2.2., в результате рассмотрения лексемы *foreigner* / *иностранец*, было установлено, что номинант отражает социумную комплексную контекстную поляризацию.

Следовательно, односоставный маркер *a foreign house* отражает комплексный лингвокультурный аспект обустройства быта, а именно жилья, которое отличается от жилья американцев.

Пример 3.2. *There were India shawls suspended, curtain-wise, in the parlor door, and curious fabrics, corresponding to Gertrude's metaphysical vision of an opera-cloak, tumbled about in the sitting-places. There were pink silk blinds in the windows, by which the room was strangely bedimmed; and along the chimney-piece was disposed a remarkable band of velvet, covered with coarse, dirty-looking lace* [James. The Europeans, ch. 4: http] / *в дверях гостиной висели индийские шали, подвешенные в виде занавеса и забавные ткани в соответствии с метафизическим видением Гертруды в виде оперного занавеса, разложенного на места для сидения. Были розовые шелковые жалюзи на окнах, благодаря которым комната казалась странной, и вдоль каминной трубы лежал замечательный бархат, покрытый крупной, грязно выглядящей тесьмой.*

Примечательно, что данный контекст представляет собой детальное описание убранства комнаты, состоящее из шести маркеров, среди которых двусоставный маркер *India shawls suspended, curtain-wise* / *висели индийские шали, подвешенные в виде занавеса* представляет собой сопряжение лингвокультурной контекстной поляризации и проксемной неперсонифицированной контекстной поляризации *Америка ↔ Индия*.

Второй односоставный маркер *curious fabrics* / *забавные ткани* имеет уточнение, а именно описание видения убранства комнаты глазами Гертруды *an opera-cloak, tumbled about in the sitting-places* / *в виде оперного занавеса, разложенного на места для сидения*. Это уточнение интерпретируется как восприятие, обусловленное метафизическим видением героини романа Гертруды, т.е. во втором маркере выявлена синергия лингвокультурной контекстной поляризации и социумной контекстной поляризации мировидения, поскольку Гертруда, оказавшись в доме баронессы Евгении, вообразила себе, что шторы похожи на занавес. Подобное

мировосприятие обусловлено тем, что героиня поляризует интерьер домов в Америке и интерьер домов в Европе, где она никогда не была, поэтому европейский интерьер в её воображении вырисовывается как сказочный мир.

Третий двусоставный маркер *pink silk blinds* / *розовые шелковые жалюзи* поляризует лингвокультурный аспект интерьера в свете того, что героиня романа Гертруда воспринимает комнату с розовыми шелковыми жалюзи странной, т.е. поляризует ожидаемое пространство комнаты и увиденное реальное пространство комнаты. В данном маркере заложена синергия лингвокультурной поляризации и проксемной неперсонифицированной контекстной поляризации. Четвёртый односоставный маркер репрезентирован лингвокультуремой *the chimney-piece* / *каминная труба*. На первый взгляд обычная лингвокультурема приобретает статус поляризованной в контекстном сочетании с пятым и шестым маркерами, описанными далее по тексту. Пятым односоставный маркер контекстной поляризации *remarkable band of velvet* / *замечательный бархат* подразумевает, что Гертруда видела и другие типы бархата, менее замечательные.

Шестой двусоставный маркер *covered with coarse, dirty-looking lace* / *крупная, грязно выглядящая тесьма* поляризует внутреннее убранство комнаты замечательным бархатом и грязно выглядящей тесьмой.

4) лингвокультурная контекстная поляризация предметов одежды

Пример 4.1. *The Baroness had brought with her to the New World a copious provision of the element of costume; and the two Miss Wentworths, when they came over to see her, were somewhat bewildered by the obtrusive distribution of her wardrobe* [James. The Europeans, ch. 4: [http](http://)] / *Баронесса привезла с собой в Новый Свет обилие элементов костюма и обе Уэнтуорт, когда они*

навестили её, были несколько сбиты с толку навязчивым сочетанием её гардероба.

В рассматриваемом контексте поляризуется описание предметов одежды как значимого компонента быта. Односоставный маркер *a copious provision of the element of costume* / *обилие элементов костюма* коррелирует с маркером проксемной персонифицированной контекстной поляризации топонимом *the New World* / *Новый Свет*, поскольку баронесса привезла вещи с собой. В аспекте проксемной персонифицированной контекстной поляризации очевидно, что наличие Нового Света подразумевает его отличие от Старого Света. Примечательно, что в данном контексте поляризационные маркеры реализованы в тандеме причинно-следственной связи, а именно причина выражена маркером лингвокультурной контекстной поляризации *a copious provision of the element of costume* / *обилие элементов костюма*, а следствие выражено односоставным маркером социумной контекстной поляризации мировосприятия *were somewhat bewildered* / *были несколько сбиты с толку*.

5) лингвокультурная контекстная поляризация приёма пищи

Пример 5.1. *“It’s very clean! No splendors, no gilding, no troops of servants; rather straight-backed chairs. But you might eat off the floors, and you can sit down on the stairs”* [James. The Europeans, ch. 3: <http://>] / *“Очень чисто! Никаких великолепий, никакой позолоты, нет многочисленных слуг, довольно прямые стулья. Но ты можешь есть и сидя на полу или на лестнице”*.

В данном контексте выявлен двусоставный маркер лингвокультурной поляризации, отражающий приём пищи *But you might eat off the floors, and you can sit down on the stairs* / *Но ты можешь есть и сидя на полу или на лестнице*. В исследуемом маркере выявлена синергия лингвокультурной

контекстной поляризации и проксемной персонифицированной поляризации, репрезентирующей места приёма пищи в Америке на полу и на лестнице в отличие от привычного для Феликса места приёма пищи в Европе за столом. Выявлен второй маркер лингвокультурной поляризации приёма пищи односоставный номинант *no troops of servants / нет многочисленных слуг*. Одновременно, в контексте репрезентирована лингвокультурная поляризация жилья, т.е. поляризация американского интерьера, который поразил Феликса, и привычного ему европейского интерьера, репрезентированного тремя односоставными лингвокультурными *No splendors, no gilding <> rather straight-backed chairs / Никаких великолепий, никакой позолоты <...> довольно прямые стулья*.

Таким образом, анализ 188 маркеров лингвокультурной контекстной поляризации показал, во-первых, структурное различие маркеров лингвокультурной контекстной поляризации в каждом из пяти подтипов, во-вторых, превалирование односоставных маркеров – 134 номинанта над двусоставными маркерами – 35 номинантов и наличие 18 безатрибутивных маркеров.

2.2.4. Темпоральная контекстная поляризация

Маркеры темпоральной контекстной поляризации более частотные по сравнению с маркерами проксемной контекстной поляризации, тем не менее, в общей поляризационной модели текста они менее частотны, чем маркеры антропоцентрической контекстной поляризации, социальной контекстной поляризации, лингвокультурной контекстной поляризации.

Примечательно, что чаще всего маркеры темпоральной контекстной поляризации синергичны другим типам

поляризации. В архитектонике романа «Европейцы» были выявлены все четыре подтипа темпоральной контекстной поляризации, изложенные в авторской типологии в §1.3, а именно: 1) темпоральная контекстная поляризация одномоментности и временной пролонгированности, 2) темпоральная контекстная поляризация конкретной временной точки и бесконечности времени, 3) темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего, 4) темпоральная контекстная поляризация настоящего и будущего.

Выявлено, что из 299 темпоральных маркеров наиболее частотными оказались маркеры поляризации прошлого и настоящего и маркеры поляризации настоящего и будущего, что отражено в таблице 4.

Таблица 4 – Частотность подтипов темпоральной контекстной поляризации

№ п/п	Подтипы темпоральной контекстной поляризации	Количество контекстов	% соотношение
1.	поляризация одномоментности и временной пролонгированности	25	5,1
2.	поляризация конкретной временной точки и бесконечности времени	30	6,7
3.	поляризация прошлого и настоящего	144	44,8
4.	поляризация настоящего и будущего	140	43,4
Итого:		339	100

Из данной таблицы очевидно, что менее частотны в рассматриваемом тексте маркеры поляризации одномоментности и временной пролонгированности.

Подробнее структура маркеров контекстной поляризации изложена в следующих примерах.

1) темпоральная контекстная поляризация одномоментности и временной пролонгированности

Пример 1.1. *The young man was silent a few moments, driving his pencil. Then at last, "There are no such things as mistakes," he affirmed* [James. The Europeans, ch. 1: [http](http://)] / Молодой человек **несколько минут молчал**, рисуя карандашом. Наконец он **подтвердил**: «Ошибок нет».

В данном примере выявлены два маркера темпоральной контекстной поляризации – одноядерные хрономы *a few moments* / *несколько минут* ↔ *then at last* / *затем, наконец*, которые репрезентируют поляризацию одномоментности и временной пролонгированности. Эти темпоральные маркеры сопряжены с односоставными маркерами антропоцентрической контекстной поляризации деятельности: *was silent* / *молчал* ↔ *affirmed* / *подтвердил*.

Пример 1.2. *the calendar should happen to indicate that the blessed vernal season is already six weeks old* [James. The Europeans, ch. 1. [http](http://)] / **календарь указывал** на то, что **благословенному весеннему сезону уже шесть недель**.

В рассматриваемом примере выявлен односоставный лексический таймер *the calendar indicate* / *календарь указывал*, поляризующий конкретный день и временную пролонгированность, репрезентированную двуядерной хронемой *already six weeks old* / *уже шесть недель*.

Примечательно, что двуядерная хронема дублируется двусоставным лексическим таймером *the blessed vernal season* / *благословенный весенний сезон*.

2) темпоральная контекстная поляризация конкретной временной точки и бесконечности времени

Пример 2.1. *It was **the first time** that he had mentioned Silberstadt to her* [James. The Europeans, ch. 6: http] / **Впервые** он напомнил ей о Силберстаде.

В рассматриваемом примере одноядерная хронема *the first time* / *впервые* поляризует бесконечность времени общения двух героев и временную точку, когда мистер Эктон напомнил баронессе Евгении об её муже, немецком принце.

3) темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего

Пример 3.1. *“I don't know what her manner of life may **have been**,” he said; “but she certainly **never** can have enjoyed a more refined and salubrious home”* [James. The Europeans, ch. 4: http] / “Я не знаю, каков **был** её образ жизни”, сказал он, “но она конечно **никогда** не могла наслаждаться таким изысканным и целительным домом”.

В рассматриваемом примере поляризуется прошлое и настоящее время, выраженное как видо-временной формой глагола *have been* / *был*, так и одноядерной хронемой *never* / *никогда*. Примечательно, что в данном контексте темпоральная контекстная поляризация сопряжена с социумной контекстной поляризацией образа жизни.

Пример 3.2. *He had **never had any cousins*** [James. The Europeans, ch. 4: http] / У него **никогда не было никаких кузин**.

В рассматриваемом контексте одноядерная хронема *never* / *никогда* поляризует настоящее и прошлое время героя романа, тогда как односоставный маркер *any cousins* / *никаких кузин* поляризует его семейный статус, т.е. представляет собой социумную семейную контекстную поляризацию, поскольку Феликс прибыл в Америку из другого социума, из Европейского социума.

В примере выявлена синергия темпоральной контекстной поляризации событий прошлого и настоящего и социумной семейной контекстной поляризации.

4) темпоральная контекстная поляризация настоящего и будущего.

Пример 4.1. “*You will see that tomorrow we shall have a splendid day*” [James. The Europeans, ch. 3: http] / *Завтра ты увидишь, что у нас будет великолепный день.*

В данном контексте Феликс говорит своей сестре, баронессе Евгении, об отличии сегодняшнего дня от завтрашнего дня. Безатрибутивная хронема *tomorrow* / *завтра* темпорально разграничивает, то есть поляризует два мира: *мир сегодня*, который кажется баронессе Евгении безрадостным, и *мир завтра*, который описывается одноядерным маркером *a splendid day* / *великолепный день*. Этот маркер дублирует маркер *tomorrow* / *завтра*, но в отличие от него синергирует в своей структуре маркер социумной контекстной поляризации мировосприятия, т.е. завтрашний день будет *великолепным*, в отличие от сегодняшнего дня.

Таким образом, анализ архитектоники романа показал структурное различие маркеров темпоральной контекстной поляризации, каждый из которых состоит из четырёх подтипов, а именно среди 339 маркеров установлено превалирование одноядерных маркеров – 137 номинантов и безатрибутивных маркеров – 161 номинант, над двуядерными маркерами в количестве 41 номинанта.

Незначительное количество представленных в тексте примеров в рубрике темпоральной контекстной поляризации обусловлено высоким уровнем синергии данного типа контекстной поляризации и других типов поляризации, вследствие чего примеры обособленной темпоральной контекстной поляризации в романе «Европейцы» низкочастотны.

2.2.5. Проксемная контекстная поляризация

В концептосфере романа Г. Джеймса «Европейцы» маркеры проксемной контекстной поляризации менее частотны, чем маркеры антропоцентрической контекстной поляризации, социумной контекстной поляризации, лингвокультурной контекстной поляризации, тем не менее, немногочисленные контексты представляют собой значимый материал в общей контекстной модели поляризации в связи с тем, что выявлена высокая частотность синергии маркеров проксемной контекстной поляризации и других типов.

Когнитивно-герменевтический анализ материала выявил маркеры следующих подтипов проксемной контекстной поляризации:

- 1) проксемная урбанистическая контекстная поляризация,
- 2) проксемная контекстная поляризация человека и природы,
- 3) проксемная персонифицированная контекстная поляризация,
- 4) проксемная неперсонифицированная контекстная поляризация.

Исследование проксемной контекстной поляризации показало, что из 108 маркеров, выявленных в концептосфере исследуемого романа, наиболее частотными являются маркеры персонифицированной контекстной поляризации в количестве 46 номинантов, что отражено в таблице 5.

Таблица 5 – Частотность подтипов проксемной контекстной поляризации

№ п/п	Подтипы проксемной контекстной поляризации	Количество контекстов	% соотношение
1.	урбанистическая поляризация	15	11,3
2.	поляризация человека и природы	10	5,7
3.	персонифицированная поляризация	46	46,6
4.	неперсонифицированная поляризация	37	36,4
Итого:		108	100

Очевидно, что маркеры контекстной поляризации человека и природы низкочастотны. Структура маркеров проксемной контекстной поляризации представлена в следующих контекстах.

1) проксемная урбанистическая контекстная поляризация

Пример. 1.1. *“What I should like to know,” he said, smiling, “is just what has brought Madame Recamier to live in that place!”* [James. The Europeans, ch. 4: http] / *“Чтобы я хотел узнать”, сказал он, улыбаясь: “это то, что принесло мадам Рекамье жить в этом месте”.*

В рассматриваемом контексте словами одного из героев романа Эктона поляризуются две точки в персонифицированном пространстве: Европа и Америка, а именно Париж и американская усадьба мистера Уэнтуорта, вследствие упоминания имени мадам Рекамье, известной

светской дамы, создавшей в Париже литературный салон (подробнее о мадам Рекамье в § 1.3.). Это имя употреблено применительно к образу баронессы Евгении, приехавшей из Европы в поместье своего американского дяди. Установлено, что поляризация двух персонифицированных пространств выражена имплицитно и имеет статус урбанистической, поскольку подразумевается пространство Парижа, крупнейшего города Европы, и пространство американской сельской усадьбы.

2) проксемная контекстная поляризация человека и природы

Установлено, что примеры данного типа поляризации низкочастотны в исследуемом романе, тем не менее, они дополняют общую модель поляризации в архитектонике романа. Особенностью маркеров данного типа поляризации является репрезентация ими закономерности такой взаимосвязи природы и человека как *непогода ↔ уют*.

Пример 2.1. ... *refreshment of a dull, moist snow-ball. If, while the air is thickened by this frosty drizzle <...> in the chimney-place was a red-hot fire which emitted a small blue flame* [James. The Europeans, ch. 4: http] / ... *свежесть тусклого, влажного снегопада. В то время как воздух сгущался от этого морозного морозящего дождя <...> в камине был раскаленный огонь, который испускал синее пламя.*

В рассматриваемом примере непогода репрезентирована трехсоставными маркерами 1) *refreshment of a dull, moist snow-fall* / *свежесть тусклого, влажного снегопада* и 2) *the air is thickened by this frosty drizzle* / *воздух сгущался от этого морозного морозящего дождя*. Уют передан трёхсоставным маркером *in the chimney-place was a red-hot fire which emitted a small blue flame* / *в камине жаркий огонь с языками голубого пламени*. Следовательно, выявлена поляризация, во-первых, температуры: *frosty drizzle* / *холодный дождь* ↔ *a red-hot fire* / *жаркий огонь*, во-вторых,

цвета *dull snow* / тусклый снег ↔ *a red-hot fire + a small blue flame* / ярко-красный огонь + голубое пламя, в-третьих, выявлена поляризация двух стихий, а именно стихии воды (снег на улице) и стихии огня (пламя в камине).

Пример. 2.2. ... *sounds of strange insects which, though they are supposed to be, all over the world, a part of the magic of summer nights, seemed to the Baroness to have beneath these western skies an incomparable resonance* [James. The Europeans, ch. 5: http] / ... звук странных насекомых, которые и должны быть во всём мире частью магических летних ночей, казались Баронессе под этими западным небом **несравненным резонансом**.

В данном примере контекстная поляризация природы и человека репрезентирована односоставным номинантом *an incomparable resonance* / несравненный резонанс. Именно резонанс испытывает баронесса Евгения от соприкосновения с природой западной летней ночи, репрезентированной односоставным маркером *sounds of strange insects* / звук странных насекомых, что одновременно указывает на антропоцентрическую контекстную поляризацию мировосприятия главной героини романа.

Наряду с синергией двух вышеуказанных типов контекстной поляризации в примере репрезентирована проксемная персонифицированная контекстная поляризация, поскольку писатель подчеркивает тот факт, что баронесса находится в западном полушарии, что выражено односоставным маркером *these western skies* / это западное небо, хотя вся её предыдущая жизнь прошла в восточном полушарии.

Описание, выраженное номинантом *seemed to the Baroness <...> an incomparable resonance* / казались Баронессе под этими западным небом несравненным резонансом, маркирует, что западный мир природы воспринимается баронессой резонансно по отношению к европейскому миру природы, откуда она прибыла.

3) проксемная персонифицированная контекстная поляризация

Пример 3.1. *Instead of coming to the West we seem to have gone to the East* [James. The Europeans, ch. 1: [http](#)] / *Вместо приезда на Запад, кажется мы приехали на Восток.*

В рассматриваемом контексте выявленные маркеры проксемной персонифицированной контекстной поляризации заложены писателем в речь главного героя романа, художника Феликса, *Instead of coming to the West / Вместо приезда на Запад* ↔ *we seem to have gone to the East / кажется мы приехали на Восток*. Поляризуются части Света, репрезентированные безатрибутивными проксемами: *the West / Запад* ↔ *the East / Восток*. Более того, выявлен маркер перемещения в пространстве *coming to / приезд на*, т.е. данное художественное пространство динамично.

Необходимо подчеркнуть, что проксемы *the West / Запад* ↔ *the East / Восток* синергируют также и другие типы контекстной поляризации, а именно, во-первых, лингвокультурную контекстную поляризацию предметов одежды, поскольку Феликс, увидя прохожих на улицах Бостона, делает вывод о том, что они похожи на жителей Востока, т.к. их одежда очень пёстрая; во-вторых, социумную поведенческую контекстную поляризацию, поскольку одежда – это один из компонентов социумного поведения.

Пример 3.2. *“I am sure you find it very strange that I should have settled down in this out-of-way part of the world”* [James. The Europeans, ch. 4: [http](#)] / *“Я уверена, что Вы находите очень странным, что мне следует обосноваться в этой отдаленной части мира!”*

В рассматриваемом контексте поляризация репрезентирована в речи баронессы Евгении, которая называет американский континент следующим образом *out-of-the-way part of the world / эта отдаленная часть мира*, имплицитно

сравнивая это место с Европой, откуда она уехала. Наряду с проксемной персонифицированной контекстной поляризацией в рассматриваемом маркере выявлена синергия всех типов лингвокультурной контекстной поляризации, поскольку маркер *отдаленная часть мира* имплицитно содержит отсылку к поляризации Американских традиций с Европейскими традициями, к поляризации образа жизни, поляризации жилья, поляризации предметов одежды и поляризации приёма пищи. Вышеописанные особенности формы синергии типов контекстной поляризации иллюстрируют одну из черт концептосферы романа, а именно низкую частотность обособленного употребления проксемной контекстной поляризации в тексте.

4) проксемная неперсонифицированная контекстная поляризация

Пример 4.1. ... *the afternoon was waning; in the western sky the great picture of a New England sunset, painted in crimson and silver, painted in crimson and silver; and the stony pastures* [James. The Europeans, ch. 6: <http>] / ... *день угасал, на западном небе огромная картина заката в Новой Англии, окрашенная в малиновый и серебристый была подвешена в зените.*

Рассматриваемый пример представляет собой проксемную неперсонифицированную контекстную поляризацию природы Европы, привычной для главных героев, и природы *Новой Англии*, а именно заката в Новой Англии, репрезентированного трёхсоставным маркером *the great picture of a New England sunset painted in crimson and silver painted in crimson and silver* / *огромная картина заката в Новой Англии, окрашенная в малиновый и серебристый была подвешена в зените*, в котором говорится об огромных размерах картины заката, о цвете и местоположении заката в пространстве. Более того, односоставный маркер *the western sky* / *западное небо* также репрезентирует проксемную неперсонифицированную

контекстную поляризацию.

Итак, исследование архитектоники романа «Европейцы» выявило структурное различие маркеров проксемной контекстной поляризации в каждом из четырех подтипов, и установило среди 108 маркеров высокую частотность односоставных маркеров в количестве 83 номинантов и низкую частотность двусоставных маркеров в количестве 14 номинантов, трёхсоставных маркеров в количестве 4 номинантов и 7 безатрибутивных маркеров.

Интерпретация архитектоники романа «Европейцы» показала, что маркеры проксемной контекстной поляризации зачастую сопряжены с маркерами других типов поляризации или синергированы в маркеры других типов поляризации, поэтому обособленных примеров проксемной контекстной поляризации выявлено незначительное количество по отношению к общему количеству выявленных в романе маркеров контекстной поляризации.

Таким образом, детальное рассмотрение структуры маркеров пяти типов и тридцати подтипов контекстной поляризации в архитектонике концептосферы романа Г. Джеймса «Европейцы» создало предпосылки для рассмотрения этого явления в рамках отдельно взятых когнитивных конструкторов, то есть в рамках моделей номинативных полей художественных концептов концептосферы романа, поэтому следующий этап исследовательской работы посвящён изучению явления контекстной поляризации в номинативных полях статичного когнитивного конструктора, художественного концепта «Гостиница в Бостоне» [§ 2.3.], и динамичных когнитивных конструкторов, когнитивных сцен: «Семейный разговор», «Стиль поведения», «Образ жизни», «Американский стиль жизни» [§ 2.3.], репрезентированных в концептосфере романа “The Europeans”.

2.3. Контекстная поляризация в моделях художественных концептов в романе Г. Джеймса «Европейцы»

2.3.1. Контекстная поляризация в модели художественного концепта «Гостиница в Бостоне»

Бостон, основанный 7 сентября 1630 года, до середины XVIII века был крупнейшим городом Новой Англии. В городе были открыты первая английская школа в Америке и первый колледж – Гарвард. С течением времени Бостон уступил статус крупнейшего города Америки в пользу Нью-Йорка. В 1872 году в Бостоне произошел большой пожар, нанесший значительный ущерб, и с начала XX века город постепенно начал приходить в упадок.

В исследуемом романе Г. Джеймса «Европейцы» г. Бостон играет значительную роль как место, где происходит ряд знаменательных событий романа, в частности, упоминается гостиница в Бостоне, где поселяются приехавшие из Европы баронесса Евгения и её младший брат Феликс, следовательно, прежде всего, значимо рассмотрение номинативного поля художественного концепта «Гостиница в Бостоне» как «одного из концептов, формирующих архитектуру концептосферы исследуемого произведения» [Гламазда, 2018: 321].

Когнитивно-герменевтический анализ материала выявил, что в номинативном поле художественного концепта «Гостиница в Бостоне», описанной в первой главе романа, репрезентированы все пять типов и значительное количество подтипов контекстной поляризации, выявленных в целом в концептосфере исследуемого художественного произведения.

Описание гостиницы очень объёмно, поэтому при характеристике типов контекстной поляризации в работе процитированы только необходимые маркеры.

1. Антропоцентрическая контекстная поляризация

Данный тип антропоцентрической контекстной поляризации репрезентирован в рассматриваемой модели художественного концепта «Гостиница в Бостоне» следующими подтипами:

1) контекстная поляризация деятельности, репрезентированная маркерами *in front of the fire, at a table, sat a young man* / *перед камином, за столом, сидел молодой человек* ↔ *a lady who stood looking out of one of the windows* / *леди, которая стояла и смотрела из окна*;

2) контекстная поляризация мнения, репрезентированная несколькими маркерами: односоставными маркерами: *so hideous as that fire* / *столь же отвратительное, как этот огонь* ↔ *fire is very pretty* / *огонь очень прелестный*. Баронесса Евгения находит огонь, горящий в камине гостиницы, отвратительным, тогда как её брат Феликс отзывается полярно об огне, называя его прелестным.

Находясь в гостинице и не выходя из неё, баронесса Евгения, обозревая улицу через окно номера, отзывается об Америке следующим образом: *this dreadful country* / *эта ужасная страна*, тогда как её брат Феликс говорит об Америке полярно мнению своей сестры, что репрезентировано двумя двусоставными маркерами: маркером *this comical country, this delightful country!* / *эта смешная восхитительная страна* и маркером “*a most curious and interesting country*” / “*самая необычная и интересная страна*”.

Примечательно, что посредством поляризации мнений брата и сестры об Америке, в которую прибыли баронесса Евгения и Феликс, репрезентируется антагонизм двух

частей света: Старого Света и Нового Света, актуальный для времени написания романа, для второй половины XIX века.

2. Социумная контекстная поляризации

Согласно сюжету романа, главные герои, баронесса Евгения и Феликс, с одной стороны, относятся к одному европейскому социуму, поэтому они поляризуются с американским социумом, а с другой стороны, они принадлежат к разным сосуществующим в Европе социумам, а именно к социуму творческой молодежи, т.к. Феликс художник, и к социуму двора наследного принца Германии, за которым была замужем баронесса Евгения.

Было выявлено, что практически по всем высказываниям в гостинице в Бостоне и, в целом, в любом обществе, где оказывалась баронесса Евгения, её поступки и мысли полярны мыслям и поступкам её собеседников. Так, Г. Джеймс описывает находящуюся в гостинице Бостона баронессу Евгению следующим образом: *She had stood there for half an hour – stood there, that is, at intervals; for from time to time she turned back into the room and measured its length with a restless step / Она стояла там полчаса - стояла там, то есть с перерывами; время от времени она возвращалась обратно в комнату и беспокойным шагом измеряла ее длину.* То есть поведение баронессы характеризуется как недовольство сложившейся ситуацией, что синергируется с образом её перемещения в пространстве комнаты в гостинице, а именно хождение от окна по пространству комнаты и обратно к окну, в то время как её брат спокойно сидит у камина и рисует: *in front of the fire, at a table, sat a young man / перед камином, за столом, сидел молодой человек ↔ a lady who stood looking out of one of the windows / женщина, которая стояла и смотрела из окна лучшего отеля.*

Наряду с поляризацией поведения баронессы Евгении и её брата, выявлена социумная гендерная

поляризация, репрезентированная безатрибутивными маркерами: *a lady* / женщина ↔ *a young man* / мужчина, в которых синергично заложена социумная возрастная поляризация, сопряженная с социумной возрастной поляризацией, поскольку баронессе было около 30 лет и она была замужем, в то время как её брат был очень молод.

3. Лингвокультурная контекстная поляризация

В номинативном поле художественного концепта «Гостиница в Бостоне» выявлены лингвокультурные полярные маркеры, описывающие саму гостиницу следующим образом: *a gloomy-looking inn* / мрачная гостиница ↔ *best hotel in the ancient city of Boston* / лучшая гостиница в старинном Бостоне.

Номинант *the ancient city of Boston* / старинный Бостон представляет собой односоставный топоним-лингвокультуреми. Примечательно, что старинным Бостон могли назвать только жители Америки, поскольку по сравнению с европейскими городами, которые посетили и в которых проживали баронесса Евгения и Феликс, Бостон не мог быть старинным.

4. Темпоральная контекстная поляризация

В номинативном поле художественного концепта «Гостиница в Бостоне», выявлено два подтипа темпоральной контекстной поляризации: 1) контекстная поляризация настоящего и прошлого, 2) контекстная поляризация настоящего и будущего.

Установлено, что контекстная поляризация настоящего и прошлого репрезентирована трехсоставным номинантом и двусоставными номинантами *Those little blue tongues, dancing on top of the crimson embers* / голубые язычки, танцующие над малиновыми углями ↔ *They are like a fire in an alchemist's laboratory* / Они были как огонь в лаборатории алхимика. Номинант *those little blue tongues, dancing on top of the crimson embers* характеризует

цвет язычков пламени (голубые), параметры их движения и временную пролонгированность (танцующие язычки пламени), их месторасположение (над малиновыми углями), что говорит о трёхсоставности номинанта, тогда как полярный маркер *they are like a fire in an alchemist's laboratory* двусоставен, поскольку выявлено противопоставление язычков пламени и огня, т.е. частного и общего, а также указывается местонахождение огня – *в лаборатории у алхимика*. Именно проксема *в лаборатории у алхимика* одновременно является и лексическим таймером, поскольку очевидно, что она указывает на средние века, период поиска философского камня, т.е. выявлена синергия пространственной и темпоральной контекстной поляризации.

Маркер *an alchemist's laboratory* / *лаборатория алхимика* представляет собой лингвокультурему, то есть выявлена синергия трёх типов контекстной поляризации: темпоральной контекстной поляризации, проксемной контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации.

Темпоральная поляризация настоящего и будущего репрезентирована маркерами *"It's the darkest day of my life"* / *"это самый чёрный день в моей жизни"* ↔ *"wait till tomorrow"* / *"подожди до завтра"*. Маркер контекстной поляризации *"It's the darkest day of my life"* представляет собой двуядерную хронему, поскольку упоминаются две темпоральные лексемы: *день и жизнь*. Маркер контекстной поляризации *"wait till tomorrow"* двусоставный, поскольку в семантике и в форме глагола *подожди* заложен темпоральный аспект; глагол сопряжён с одноядерной хронемой *tomorrow* / *завтра*.

Рассмотренные маркеры дублируются двумя другими темпоральными маркерами, одноядерными хронемами *today* / *сегодня* ↔ *tomorrow* / *завтра*, в сопряжении с антропоцентрической контекстной поляризацией мнения: *"If*

there is any doubt about it today ↔ there certainly will be none tomorrow” / “Если сегодня в этом есть сомнения” ↔ “то завтра их точно не будет”, поскольку герой романа Феликс уверен, что его сестра изменит своё мнение. Наряду с указанным сопряжением двух типов контекстной поляризации, очевиден и третий тип, а именно социумная гендерная контекстная поляризация, т.к. баронесса Евгения видит будущее в черных красках, тогда как её брат Феликс видит в будущем возможность улучшения жизненных обстоятельств, в которых они оказались, приехав в Америку.

5. Проксемная контекстная поляризация

В рассматриваемой модели художественного концепта «Гостинца в Бостоне», прежде всего, название представляет собой проксемму. Установлено, что проксемная персонифицированная контекстная поляризация описывает месторасположение героев романа в пространстве гостиничного номера в Бостоне, где они поселились, приехав из Европы. Выявлена поляризация их местонахождения, репрезентированная двусоставным номинантом *a lady who stood looking out of one of the windows* / женщина, которая стояла и смотрела из окна и трёхсоставным номинантом *in front of the fire, at a table, sat a young man* / перед камином, за столом, сидел молодой человек. В первом номинанте *a lady who stood looking out of one of the windows* указано, что женщина стоит, и далее уточняется, что стоит она у окна, поэтому номинант двусоставный. Во втором номинанте *in front of the fire, at a table, sat a young man* уточняется, что молодой человек сидит, а именно сидит перед камином, у стола, поэтому этот номинант трёхсоставный.

Более того, в пространстве гостиничного номера поляризуются камин и окно. Очевидно, камин символизирует собой сердце дома, тогда как окно символизирует границу дома, домашнего очага и внешнего мира. Выявлено,

что баронесса Евгения стоит у окна – *a lady who stood* / *женщина стоит*, что репрезентирует вертикальную пространственную ось, тогда как её брат Феликс сидит: *sat a young man* / *мужчина сидит*, т.е. репрезентирована точка в пространстве. Выявлена поляризация местонахождения в пространстве гостиничного номера *stood* / *стояла* ↔ *sat* / *сидит*. Определена контекстная поляризация по схеме **динамика** ↔ **статика**. Динамику репрезентирует перемещение героини романа, баронессы Евгении, в пространстве гостиничного номера: *stood* / *стояла* → *turned back into the room* / *вернулась в комнату* → *measured its length with a restless step* / *измеряла её, не останавливаясь*. Перемещение баронессы Евгении по гостиничному номеру также выражено номинантом *the lady brushed past him in her walk* / *женщина проходила мимо него*.

Этот номинант подчеркивает взаиморасположение героев в художественном пространстве, поскольку баронесса проходит мимо Феликса, что в целом усиливает динамику в рассматриваемом контексте. Статика репрезентирована описанием нахождения героя романа в одной пространственной точке в номере гостиницы, а именно у камина. Определена многогранная проксемная контекстная поляризация местонахождения двух героев романа в пространстве гостиничного номера.

Таким образом, в результате проведения когнитивно-герменевтического анализа архитектоники номинативного поля художественного концепта «Гостиница в Бостоне» были выявлены маркеры всех пяти типов контекстной поляризации, часть из которых синергична или сопряжена друг с другом, что способствует формированию целостной поляризационной модели номинативного поля статичного когнитивного конструкта, художественного концепта «Гостиница в Бостоне».

2.4. Контекстная поляризация в модели когнитивной сцены как конструкте знания

Исследование концептосферы художественного произведения Г. Джеймса «Европейцы» выявило наличие как статичных когнитивных конструктов художественного знания (художественный концепт «Гостиница в Бостоне»), так и динамичных когнитивных конструктов художественного знания. Одним из таких конструктов видится когнитивная сцена, архитектура которой представляет собой «комплексный многовекторный конструкт, все компоненты которого в разной степени обеспечивают динамику всей структуры» [Огнева, Кузьминых, 2014: 5].

В соответствии с концепцией текстовой репрезентации когнитивной сцены, в состав модели когнитивной сцены входят следующие терминалы: 1) информативный терминал, 2) адресат, 3) адресант, 4) фоновый терминал [Огнева, Кузьминых, 2014]. Примечательно, что в ряде когнитивных сцен фоновый терминал может отсутствовать, поскольку он состоит из различных описаний, в том числе и маркеров невербального кода, сопровождающих высказывания героев художественного произведения. Наличие или отсутствие фонового терминала обусловлено параметрами концептосферы художественного произведения, то есть интенцией писателя.

Номинанты, составляющие информативный терминал и «отражающие структуру коммуникативного акта, могут определять типологические свойства текста» [Гольшикина, 2018: 466], в нашем случае – это свойство полярности в текстовой архитектонике.

2.4.1. Контекстная поляризация в модели когнитивной сцены «Семейный разговор»

Исследование архитектуры когнитивной сцены «Семейный разговор» выявило, прежде всего, социумную семейную контекстную поляризацию, которая прослеживается в содержании большинства коммуникативных импульсов, формирующих информативный импульс рассматриваемой когнитивной сцены. Было выявлено, что второй особенностью данного исследовательского динамического конструкта художественного знания предстаёт сопряжение пяти типов контекстной поляризации на фоне превалирования как социумной поведенческой контекстной поляризации, так и лингвокультурной контекстной поляризации.

В исследуемом динамичном конструкте, когнитивной сцене «Семейный разговор» [James. The Europeans, ch. 12: [http](http://)], выявлено восемь содержательных частей. Эти части в процессе интерпретации архитектуры когнитивной сцены были распределены на отдельные примеры, подразделяющие модель сцены на восемь частей, которые обусловлены тематически, а именно: 1) начало разговора, 2) ответ мистера Уэнтуорта, 3) отношение Шарлотты и мистера Уэнтуорта к поведению Феликса, 4) обращение Феликса к Шарлотте, 5) ответ Шарлотты Феликсу, 6) повторное обращение Феликса к Шарлотте, 7) повторное обращение Феликса к мистеру Уэнтуорту с просьбой о руке его дочери, 8) замешательство мистера Уэнтуорта.

Когнитивно-герменевтический анализ материала показал, что архитектура рассматриваемой когнитивной сцены представляет собой четырёхтерминальный конструкт в соответствии с классификацией текстовых когнитивных сцен [Огнева, Кузьминых, 2012: [http](http://)].

В исследовании приняты следующие условные обозначения для компонентов архитектуры когнитивной сцены:

КИ-1 – это коммуникативный импульс, формируемый героем исследуемого романа, художником Феликсом;

КИ-2 – коммуникативный импульс, формируемый героем романа, главой американского семейства, в гости к которому прибыли европейские родственники, мистером Уэнтуортом;

КИ-3 – коммуникативный импульс, формируемый героиней романа Шарлоттой, дочерью мистера Уэнтуорта, кухней европейца Феликса;

ФТ-1 – фоновый терминал, сопровождающий фразы художника Феликса; для удобства интерпретации индекс 1 включён и в условное обозначение коммуникативного импульса, т.е. в коммуникативный импульс Феликса **КИ-1**, сопряжен с фоновым терминалом **ФТ-1**;

ФТ-2 – фоновый терминал, сопровождающий фразы мистера Уэнтуорта; индекс 2 совпадает с индексом, обозначающим коммуникативный импульс мистера Уэнтуорта **КИ-2**;

ФТ-3 – фоновый терминал, сопровождающий фразы Шарлотты; индекс 3 совпадает с индексом, обозначающим коммуникативные импульсы Шарлотты **КИ-3**.

Наряду с вышперечисленными условными обозначениями приняты вторые индексы, которые обозначают очерёдность следования коммуникативных импульсов в разворачивании модели когнитивной сцены и фоновых терминалов, коррелирующих с коммуникативными импульсами каждого из трёх участников семейного разговора, которые поочерёдно выступают в роли адресата или в роли адресанта.

Итак, в соответствии с вышперечисленными

восемью частями разговора были проанализированы компоненты первого этапа, формирующие начало семейного разговора.

Пример 1. Синергия лингвокультурной контекстной поляризации традиций, социумной контекстной поведенческой поляризации, проксемной персонифицированной контекстной поляризации и темпоральной контекстной поляризации

КИ-1.1 *“I ought to have brought a bouquet,”* **ФТ-1.1.** *said Felix, laughing. “In France they always do”* [James. *The Europeans*, ch. 12: <http>] / *“Я должен был принести букет”,* сказал Феликс, улыбаясь. *“Во Франции так всегда делают”*.

Исследование выявило, что первый коммуникативный импульс, исходящий от главного героя, молодого художника Феликса, представляет собой маркер лингвокультурной контекстной поляризации традиций. Поляризуется отсутствие букета и необходимость букета в подобной ситуации во Франции, т.е. Феликс упоминает о традиции приносить букет во Франции, на встречу с родителями девушки, когда просят руки будущей супруги. Тот факт, что Феликс пришёл без букета маркирует то, что он знает отличие традиций Америки и Европы, однако полученное в Европе воспитание и впитывание европейских традиций оказывает влияние на интерпретацию ситуации, на сожаление об отсутствии подобной традиции принесения букета в американском социуме, поэтому в фоновом термине выявлена кинема *laughing / улыбаясь*, выражающая отношение Феликса к сложившейся ситуации.

Определена синергия четырёх типов и пяти подтипов контекстной поляризации, а именно 1) лингвокультурной контекстной поляризации традиций, 2) социумной поведенческой контекстной поляризации, наряду с социумной семейной контекстной поляризацией, 3) проксемной

персонифицированной контекстной поляризацией в односоставном маркере *“In France they always do”* / *“Во Франции так всегда делают”*, где упоминается топоним Франция, 4) темпоральной контекстной поляризации одномоментности и временной пролонгированности, репрезентированной одной ядерной хронемой *always / всегда*, т.е. дарение букета – это одномоментное действие, которое во французском социуме совершается различными людьми постоянно, т.е. подчеркивается пролонгированность социумного поведения. Отсылка к традициям Франции поляризует этикет Нового Света и Старого Света, воплотившийся в поведении Феликса.

Вторая часть когнитивной сцены – это ответ мистера Уэнтуорта его племяннику Феликсу.

Пример 2. Синергия лингвокультурной контекстной поляризации традиций, социумной поведенческой контекстной поляризации, проксемной персонифицированной контекстной поляризации и темпоральной контекстной поляризации

КИ-2.1 *“We are not in France,”* **ФТ-2.1** *observed Mr. Wentworth, gravely, while Charlotte earnestly gazed at him* / *“Мы не во Франции”, заметил мистер Уэнтуорт серьёзно, в то время как Шарлотта серьёзно смотрела на него.*

Вторая часть рассматриваемой когнитивной сцены сопрягает первый исходящий коммуникативный импульс, сформированный героем романа мистером Уэнтуортом, с первым коммуникативным импульсом Феликса, проанализированным выше. Коммуникативный импульс мистера Уэнтуорта сопровождается фоновым терминалом.

Когнитивно-герменевтический анализ односоставного маркера *“We are not in France”* / *“Мы не во Франции”* выявил синергию четырёх типов контекстной поляризации, а

именно пяти подтипов, посредством чего превалирует социумная контекстная поляризация.

Во-первых, определена лингвокультурная контекстная поляризация традиций, поскольку мистер Уэнтуорт подчеркивает, что американские традиции отличаются от французских традиций.

Во-вторых, определена социумная поведенческая контекстная поляризация и социумная семейная контекстная поляризация, поскольку мистер Уэнтуорт подчеркивает, что его племянник, молодой художник Феликс, должен вести себя в соответствии с принятыми в американском социуме нормами поведения, а не в соответствии с принятыми нормами поведения в далеком французском социуме.

В-третьих, выявлена проксемная персонифицированная контекстная поляризация, поскольку мистер Уэнтуорт напоминает Феликсу о географическом расстоянии между Америкой и Францией, которое преодолели его гости, приехавшие из Европы.

В-четвёртых, определена темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего, поскольку мистер Уэнтуорт напоминает, что Франция осталась в прошлом, а сейчас, в момент разговора, они находятся в Америке.

В фоновом терминале, сопряженном с вышерассмотренным коммуникативным импульсом, выявлена синергия социумной поведенческой контекстной поляризации и социумной семейной контекстной поляризации, поскольку мистер Уэнтуорт, дядя-американец, смотрел *серьёзно* на своего племянника-европейца, в то время как его дочь Шарлотта смотрела серьёзно на своего отца.

Рассматриваемый маркер контекстной поляризации коррелирует с оценочным компонентом *luckily* / *к счастью*, который выявлен в следующем коммуникативном импульсе, исходящем от Феликса.

КИ-1.2. “No, luckily, we are not in France, where I am afraid I should have a harder time of it / Нет, к счастью мы не во Франции, где мне было бы сложнее.

В данном коммуникативном импульсе выявлена синергия социумной поведенческой контекстной поляризации и социумной семейной контекстной поляризации, поскольку Феликс подчеркивает, что во Франции ему было бы сложнее в подобной ситуации, что говорит также о лингвокультурной контекстной поляризации традиций, синергичной двум подтипам социумной контекстной поляризации. Более того, упоминание о Франции свидетельствует о проксемной персонифицированной контекстной поляризации и темпоральной контекстной поляризации, поскольку Феликс находится и ведёт разговор в Америке, а не во Франции.

Во второй части когнитивной сцены выявлено не только обращение мистера Уэнтуорта к Феликсу и ответ Феликса, но и обращение Феликса к своей кухне, Шарлотте.

КИ-1.3. “My dear Charlotte, have you rendered me that delightful service?” / “Моя дорогая Шарлотта, ты окажешь мне эту восхитительную услугу?”

В данном коммуникативном импульсе, исходящем от Феликса, выявлена синергия социумной поведенческой контекстной поляризации и социумной семейной контекстной поляризации, поскольку Феликс обращается к кухне за помощью, но он не может быть уверен, что получит помощь от кухни, поэтому приукрашивает свою речь маркером “that delightful service?”/ “эту восхитительную услугу”.

Итак, в архитектонике второй части когнитивной сцены выявлены: во-первых, синергия четырёх типов контекстной поляризации: лингвокультурной контекстной поляризации, социумной контекстной поляризации,

проксемной контекстной поляризации и темпоральной контекстной поляризации, с превалированием двух типов социумной контекстной поляризации, во-вторых, в фоновом терминале и в третьем коммуникативном импульсе выявлена синергия двух подтипов социумной контекстной поляризации, что говорит о превалировании социумной контекстной поляризации во второй части когнитивной сцены.

Третья часть когнитивной сцены отражает отношение Шарлотты и мистера Уэнтуорта к поведению Феликса.

Пример 3. Синергия социумной поведенческой контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризация

ФТ-1.1 *And Felix bent toward her as if some one had been presenting him* / И Феликс поклонился к ней, как будто кто-то представлял его ей. **ФТ-3.1** *Charlotte looked at him with almost frightened eyes* / Шарлотта посмотрела на него испуганными глазами.

Третья часть когнитивной сцены начинается с двух фоновых терминалов, информация этих терминалов полярна, т.е. в фоновом терминале **Ф.Т.-1.1.** сопряженном с коммуникативным импульсом Феликса, заложена кинема как маркер невербального кода *bent toward her* / *поклонился ей*, репрезентирующая поклон Феликса; фоновый терминал **ФТ-3.1.** сопряжен с коммуникативным импульсом Шарлотты *looked at him with almost frightened eyes* / *посмотрела на него испуганными глазами*. Действие Шарлотты контекстуально поляризуется с действием, которое предполагал Феликс в связи с его поклоном. Феликс не ожидал увидеть испуг Шарлотты.

Установлено, что третий фоновый терминал характеризует именно то, как дядя Феликса понял информацию, которая была заложена в поклоне племянника. Выявлено, что реакция Шарлотты и мистера Уэнтуорта на поклон

Феликса полярны.

ФТ-2.2. *and Mr. Wentworth thought this might be the beginning of a discussion / и мистер Уэнтуорт подумал, что должно быть это начало дискуссии.*

В данной части когнитивной сцены определён второй коммуникативный импульс, исходящий от мистера Уэнтуорта.

КИ-2.2 *“What is the bouquet for?” / “Для чего букет?”*

ФТ-2.2. *he inquired, by way of turning it off / он спросил, как будто это ему было неприятно.*

Установлено, что маркер *“What is the bouquet for?” / “Для чего букет?”* репрезентирует синергию лингвокультурной контекстной поляризации и социумной поведенческой контекстной поляризации. Синергия усилена одноставным маркером фонового терминала *by way of turning it off / как будто это ему было неприятно.*

Была выявлена социумная поведенческая контекстная поляризация и лингвокультурная контекстная поляризация традиций, выраженная посредством указания на различие информации фонового терминала, отражающего чувства мистера Уэнтуорта, и информации фонового терминала, репрезентирующего поведение его племянника Феликса: **ФТ-1.2** *Felix gazed at him, smiling / Феликс смотрел на него с улыбкой.* В фоновом терминале улыбка племянника поляризуется с серьёзностью его дяди, мистера Уэнтуорта.

Далее, лингвокультурная контекстная поляризация традиций усилена посредством употребления французской фразы в англоязычном коммуникативном потоке: **КИ-1.4.** *“Pour la demande!” / “Чтобы сделать предложение”.* Примечательно, что иноязычное вкрапление применяется «как стилистический приём или даже как стратегия текстопождения» [Белоглазова, 2018: 469].

Следовательно, фоновый терминал **ФТ-1.3**, отражающий чувства Феликса, полярен коммуникативному импульсу, в котором был выражен вопрос «*для чего букет?*».

Итак, в третьей части рассматриваемой когнитивной сцены выявлена синергия двух типов контекстной поляризации: социумной контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации, применённая Г. Джеймсом дважды.

В процессе исследования установлено, что четвёртая часть когнитивной сцены посвящена обращению Феликса к Шарлотте.

Пример 4. Социумная поведенческая контекстная поляризация

ФТ-1.4 *Presently he turned to Charlotte again / В данный момент он повернулся к Шарлотте снова.* **КИ-1.5.** *“My good Charlotte, my admirable Charlotte,; he murmured, “you have not played me false you have not sided against me?” / “Моя хорошая Шарлотта, моя обожаемая Шарлотта”, он прошептал, “ты не обманула меня, ты не приняла сторону против меня?”*

Четвёртая часть когнитивной сцены, как было установлено, состоит из двух терминалов, фонового и информативного, в которых репрезентирована социумная поведенческая контекстная поляризация, вследствие того, что Феликс просил руки дочери у своего дяди, мистера Уэнтуорта, но обращался с просьбой о поддержке к дочери мистера Уэнтуорта, т.е. к сестре девушки, чьей руки он просил, хотя в соответствии с этикетом Феликс должен был обращаться только к своему дяде, мистеру Уэнтуорту.

Пятая часть когнитивной сцены посвящена ответу Шарлотты её кузену Феликсу.

Пример 5. Синергия социумной поведенческой контекстной поляризации, социумной семейной

контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации традиций

Было выявлено, что вышеизложенная в четырёх частях когнитивной сцены социумная поведенческая контекстная поляризация усиливается в пятой части когнитивной сцены, благодаря сочетанию информации фонового и информативного терминалов.

ФТ-3.2 *Charlotte got up, trembling extremely, though imperceptibly.* **КИ-3.1** *“You must speak to my father yourself,” she said. “I think you are clever enough”* / Шарлотта встала, дрожа чрезвычайно, хотя и незаметно. “Вы должны говорить с моим отцом сами”, сказала она, “Я думаю, Вы достаточно умны”.

В содержание коммуникативного импульса “*You must speak to my father yourself*” / “Вы должны говорить с моим отцом сами” репрезентируется синергия социумной поведенческой контекстной поляризации, социумной семейной контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации традиций, поскольку Шарлотта напоминает Феликсу о необходимости просить руки её сестры у отца девушки.

Шестая часть когнитивной сцены отражает повторное обращение Феликса к Шарлотте.

Пример 6. Социумная поведенческая контекстная поляризация и проксемная персонифицированная контекстная поляризация

ФТ-1.4 *But Felix, rising too, begged her to remain* / Но Феликс, поднявшись, умолял её остаться. **КИ-1.6.** *“I can speak better to an audience!” he declared* / “Я могу лучше говорить на аудиторию”, объявил он.

Очевидно, что повторное обращение Феликса к его кухне маркирует социумную поведенческую контекстную поляризацию, сопряжённую с проксемной персонифицированной контекстной поляризацией, поскольку, молодой

человек встал со своего места, что говорит о высоком уровне его волнения в момент разговора.

Седьмая часть когнитивной сцены отражает повторное обращение Феликса к мистеру Уэнтуорту с просьбой о руке его дочери.

Пример 7. Социумная поведенческая контекстная поляризация

КИ-2.3 *“I hope it is nothing disagreeable,” said Mr. Wentworth [ibid] / “Я надеюсь, ничего неприятного”, сказал мистер Уэнтуорт.*

КИ-1.7. *“It’s something delightful, for me!” / “Это что-то восхитительное для меня”. ФТ-1.5* *And Felix, laying down his hat, clasped his hands a little between his knees / И Феликс, положив шляпу, немного сжал ладони коленями.*

КИ-1.8. *“My dear uncle,” he said, “I desire, very earnestly, to marry your daughter Gertrude” / “Мой дорогой дядя”, сказал он, “Я желаю, очень искренне, жениться на Вашей дочери Гертруде”.*

Выявлено, что содержание трех коммуникативных импульсов, которые исходят от мистера Уэнтуорта и его племянника Феликса, это содержание полярно, т.е. выявлена социумная поведенческая контекстная поляризация, поскольку мистер Уэнтуорт насторожен. Настороженность дяди поляризуется с ожиданием Феликса, т.е. очевидна антропоцентрическая контекстная поляризация предположений и реальности, поскольку вышеприведённые коммуникативные импульсы Феликса не достигли желаемого результата. Писатель дублирует предложение Феликса, сказанное на французском языке, просьбой о руке дочери мистера Уэнтуорта на английском языке. Все вышепересмотренные примеры, составляющие семь последовательных частей когнитивной сцены, равны 1867 печатным знакам без пробелов. Далее, по тексту романа, следует 386 печатных знака без пробелов, которые не репрезентируют

контекстную поляризацию, поэтому не анализируются в исследовании. Но, завершающая, восьмая, часть когнитивной сцены поляризована, как и семь предыдущих. Восьмая часть когнитивной сцены отражает замешательство мистера Уэнтуорта.

Пример 8. Синергия социумной поведенческой контекстной поляризации и социумной семейной контекстной поляризации

КИ-2.4. “*This is very abrupt,*” said Mr. Wentworth, at last / “*Это очень круто*”, сказал мистер Уэнтуорт.

КИ-1.9. “*Have you never suspected it, dear uncle?*” Felix inquired. “*Well, that proves how discreet I have been. Yes, I thought you would n't like it*” / “*Вы никогда не подозревали дядя?*”, спросил Феликс, “*Это доказывает насколько осторожен я был. Да, я думал, Вам это не понравится*”.

КИ-2.5. “*It is very serious, Felix,*” said Mr. Wentworth / “*Это очень серьёзно, Феликс*”, сказал мистер Уэнтуорт.

КИ-1.10. “*You think it's an abuse of hospitality!*” exclaimed Felix, smiling again / “*Вы полагаете, что это злоупотребление гостеприимством?*”, воскликнул Феликс.

КИ-2.6. “*Of hospitality? – an abuse?*” his uncle repeated very slowly / “*Гостеприимством? Злоупотребление?*”, его дядя повторил очень медленно.

Определено, что восьмая, завершающая, часть когнитивной сцены состоит из пяти коммуникативных импульсов. Информация каждого импульса полярна к информации последующего импульса. Установлено наличие сочетания пяти коммуникативных импульсов, которые репрезентируют синергию социумной поведенческой контекстной поляризации и социумной семейной контекстной поляризации. Эта синергия тезисно выражена безатрибутивными маркерами *abrupt* / *круто*, *serious* / *серьёзно* ↔ *an abuse of hospitality?* *злоупотребление гостеприимством?*

Результаты проведенного исследования архитектуры когнитивной сцены «Семейный разговор» отражены в таблице 6.

Таблица 6 – Сопряжение компонентов когнитивной сцены и типов контекстной поляризации

№ п/п	Части когнитивной сцены	Компонент модели сцены	Тип поляризации
1.	Начало разговора.	КИ-1.1 ФТ-1.1.	Синергия лингвокультурной контекстной поляризации традиций, социумной контекстной поведенческой поляризации, проксемной персонифицированной контекстной поляризации и темпоральной контекстной поляризации.
2.	Ответ мистера Уэнтуорта.	КИ-2.1. ФТ-2.1. КИ-1.2. КИ-1.3.	Синергия контекстной поляризации лингвокультурной традиций, социумной контекстной поведенческой поляризации, проксемной персонифицированной контекстной поляризации и темпоральной контекстной поляризации.
3.	Отношение Шарлотты и	ФТ-1.1; ФТ-3.1.	Синергия социумной поведенческой

	мистера Уэнтурта к поведению Феликса.	ФТ-2.2; КИ-2.2. ФТ-2.3; ФТ-1.2. КИ-1.4; ФТ-1.3.	контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризация.
4.	Обращение Феликса к Шарлотте.	ФТ-1.4. КИ-1.5.	Социумная поведенческая контекстная поляризация.
5.	Ответ Шарлотты Феликсу.	ФТ-3.2. КИ-3.1.	Синергия социумной поведенческой контекстной поляризации, социумной семейной контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации традиций
6.	Повторное обращение Феликса к Шарлотте.	ФТ-1.4. КИ-1.6.	Социумная поведенческая контекстная поляризация и проксемная персонифицированная контекстная поляризация.
7.	Повторное обращение Феликса к мистру Уэнтурту о руке дочери.	КИ-2.3. КИ-1.7. ФТ-1.5. КИ-1.8.	Социумная поведенческая контекстная поляризация.
8.	Замешательство мистера Уэнтурта.	КИ-2.4; КИ-1.9. КИ-2.5; КИ-1.10 КИ-2.6.	Синергия социумной поведенческой контекстной поляризации и социумной семейной контекстной поляризации.

В таблице изложена структура исследуемой когнитивной сцены «Семейный разговор», которая представляет собой совокупность восьми смысловых частей, репрезентирующих как информационные терминалы, так и фоновые терминалы, то есть это четырёхтерминальная когнитивная сцена.

Очевидно, что в структуре когнитивной сцены превалируют коммуникативные импульсы, формируемые молодым художником Феликсом, т.е. всего десять коммуникативных импульсов: **КИ-1.1. – КИ-1.10.**

Отличительной чертой архитектоники когнитивной сцены «Семейный разговор» стала репрезентация контекстной поляризации преимущественно в структурах коммуникативных импульсов, однако, в фоновых терминалах также выявлены маркеры контекстной поляризации.

Второй отличительной чертой архитектоники когнитивной сцены «Семейный разговор» является тот факт, что в первых двух частях сцены выявлена синергия четырёх и трёх типов маркеров контекстной поляризации, тогда как в последующих частях выявлена синергия двух типов контекстной поляризации и синергии двух подтипов одного типа маркеров поляризации.

Третьей отличительной чертой архитектоники когнитивной сцены «Семейный разговор» является синергия социумной поведенческой контекстной поляризации и социумной семейной контекстной поляризации.

Четвёртой характерной чертой архитектоники когнитивной сцены «Семейный разговор» стало превалирование маркеров социумной поведенческой контекстной поляризации наряду с маркерами лингвокультурной контекстной поляризации.

Пятой характерной чертой архитектоники когнитивной сцены «Семейный разговор» является высокая

частотность маркеров социумной поведенческой контекстной поляризации и социумной семейной контекстной поляризации в фоновом терминале, тогда как в информативном терминале превалируют маркеры лингвокультурной контекстной поляризации в синергии с маркерами социумной поведенческой контекстной поляризации и социумной семейной контекстной поляризации.

Данные таблицы иллюстрируют наличие различных типов контекстной поляризации в коммуникативных импульсах и фоновых терминалах в одной из самых объёмных когнитивных сцен в концептосфере исследуемого романа Г. Джеймса «Европейцы».

2.4.2. Специфика контекстной поляризации в когнитивной сцене «Стиль поведения»

Рассматриваемая когнитивная сцена «Стиль поведения» представляет собой четырёхтерминальную когнитивную сцену, состоящую из шести коммуникативных импульсов и двух фоновых терминалов.

Пример 1. Синергия социумной контекстной поляризации поведения, социумной комплексной контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни

КИ-1.1. *“You Americans have such odd ways!” the Baroness declared. “You never ask anything outright; there seem to be so many things you can't talk about.” / “У вас, американцев, такие странные манеры”, произнесла баронесса. “Вы никогда ничего не спрашиваете прямо, кажется, что существует так много того, о чём вы не говорите”.*

В данном коммуникативном импульсе, исходящем от баронессы, в односоставном маркере *You Americans have such odd ways!* / *“У вас, американцев, такие странные манеры”*

выявлена синергия социумной контекстной поляризации поведения, социумной комплексной контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни, поскольку баронесса Евгения даёт оценку американским манерам, т.е. характеризует культурологически поведение жителей страны, куда она приехала в гости. Сравнивая американцев с жителями Европы, откуда она приехала, баронесса даёт оценку американцам, выраженную лексемой «странные».

Пример 2. Синергия социумной поведенческой контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации традиций в сопряжении с социумной комплексной контекстной поляризацией и темпоральной контекстной поляризацией прошлого и настоящего

КИ-2.1. *“We Americans are very polite,” said Acton,*
ФТ-2.1. *whose national consciousness had been complicated by a residence in foreign lands, and who yet disliked to hear Americans abused.*
КИ-2.2. *“We don't like to tread upon people's toes,” he said.*
“But I should like very much to hear about your marriage. Now tell me how it came about.” / **КИ-2.1.** *“Мы, американцы, очень вежливы”,* сказал Эктон, **ФТ-2.1.** *чьё национальное сознание было осложнено проживанием в чужих странах, но который не любил слышать, когда оскорбляли американцев.* **КИ-2.2.** *“Мы не любим наступать людям на ноги”,* сказал он. *“Но мне бы очень хотелось услышать о Вашем замужестве. Теперь расскажите мне как это произошло”.*

Рассматриваемая вторая часть когнитивной сцены объёмна и состоит из четырёх тематически тесно взаимосвязанных коммуникативных импульсов и двух фоновых терминалов. Выявлен односоставный маркер социумной поведенческой контекстной поляризации *“We Americans are very polite”* / *мы, американцы, очень вежливы*, который

синергируется с лингвокультурной контекстной поляризацией традиций. В целом, посредством этого маркера поляризуются слова мистера Эктона и баронессы Евгении. В фоновом термине выявлена социумная мировоззренческая контекстная поляризация в двусоставном маркере *national consciousness had been complicated by a residence in foreign lands / национальное сознание было осложнено проживанием в чужих странах*, т.е. мистер Эктон был американцем, но его мировоззрение отличалось от мировоззрения других американцев, поскольку он много путешествовал по миру и, следовательно, подвергся влиянию других социумов, влиянию их мировоззрения.

Более того, в структуре этого же фонового термина выявлен односоставный маркер *disliked to hear Americans abused / не любил слышать, когда оскорбляли американцев*, в котором заложена социумная комплексная контекстная поляризация, репрезентированная лексемой *Americans / американцы*. Именно этот нюанс мировоззрения мистера Эктона поляризует его слова и слова баронессы Евгении.

Примечательно, что в структуре коммуникативного импульса **К-2.2.** маркер социумной поведенческой контекстной поляризации выражен фразеологическим оборотом *“We don't like to tread upon people's toes” / “Мы не любим наступать людям на ноги”*.

В коммуникативном импульсе, исходящем от Эктона, выявлена темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего *Now / сейчас ↔ it came about / это произошло*, выраженная одной ядерной хронемой *Now / сейчас* и односоставным лексическим таймером *it came about / это произошло*.

Пример 3. Синергия социумной гендерной контекстной поляризации и социумной поведенческой контекстной поляризации в сопряжении с

антропоцентрической контекстной поляризацией поведения + темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего в сопряжении с социумной возрастной контекстной поляризацией

КИ-1.2. *“The Prince fell in love with me,” replied the Baroness simply. “He pressed his suit very hard. At first he didn't wish me to marry him; on the contrary. But on that basis I refused to listen to him. So he offered me marriage – in so far as he might. I was young, and I confess I was rather flattered. But if it were to be done again now, I certainly should not accept him.”* / “Принц полюбил меня”, произнесла баронесса спокойно, **“он пошел против своей семьи. Сначала, он наоборот не желал, чтобы я вышла за него. В связи с этим я отказалась его слушать.** Таким образом, он предложил мне выйти за него замуж. Я была молода и, признаюсь, очень польщена. Но, если бы это было сделано снова сейчас, я конечно бы не приняла его”.

В данном объёмном коммуникативном импульсе, исходящем от баронессы Евгении, выявлено три типа и пять подтипов контекстной поляризации, а именно: антропоцентрическая контекстная поляризация поведения, выраженная фразеологизмом *He pressed his suit very hard* / *он пошел против своей семьи*, то есть поступок немецкого принца не был одобрен его семьёй. Выявлена синергия социумной гендерной контекстной поляризации и социумной поведенческой контекстной поляризации в двусоставном маркере: *At first he didn't wish me to marry him; on the contrary. But on that basis I refused to listen to him* / *он наоборот не желал, чтобы я вышла за него. В связи с этим я отказалась его слушать*, характеризующем поведение принца и поведение баронессы Евгении, когда принц сделал ей предложение.

В рассматриваемом коммуникативном импульсе определена антропоцентрическая контекстная поляризация поведения баронессы Евгении, репрезентированная в

двусоставном маркере *But if it were to be done again now, I certainly should not accept him* / Но, если бы это было сделано снова сейчас, я конечно бы не приняла его". В этом маркере выявлена также темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего, выраженная одноядерной хронемой *now / сейчас* и видо-временной формой глагола *I certainly should not accept him / я конечно бы не приняла его*. Установлено наличие социумной возрастной контекстной поляризации, выраженной вило-временной формой глагола *was young / была молода*.

Таким образом, в архитектонике рассматриваемой когнитивной сцены «Стиль поведения» выявлены следующие типы контекстной поляризации:

во-первых, синергия социумной контекстной поляризации поведения, социумной комплексной контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни,

во-вторых, синергия социумной поведенческой контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации традиций в сопряжении с социумной комплексной контекстной поляризацией и темпоральной контекстной поляризацией прошлого и настоящего,

в-третьих, синергия социумной гендерной контекстной поляризации и социумной поведенческой контекстной поляризации в сопряжении с антропоцентрической контекстной поляризацией поведения + темпоральной контекстной поляризацией прошлого и настоящего в сопряжении с социумной возрастной контекстной поляризацией.

2.4.3. Контекстная поляризация в четырёхтерминальной когнитивной сцене «Образ жизни»

Рассматриваемая когнитивная сцена «Образ жизни» представляет собой четырёхтерминальную когнитивную сцену, состоящую из пяти коммуникативных импульсов и двух фоновых терминалов.

Пример 1. Социумная мировоззренческая контекстная поляризация

КИ-1.1. “*And is there nothing,*” asked the Baroness, “*between these extremes – this mysterious ecclesiastic and that intemperate youth?*” [James. The Europeans, ch. 3: http] / “*И ничего нет*”, спросила Баронесса “*между этими крайностями – этот таинственный церковнослужитель и эта несдержанная молодежь?*”

В первом коммуникативном импульсе выявлена репрезентация социумной мировоззренческой контекстной поляризации, репрезентированной односоставными маркерами *this mysterious ecclesiastic* / *этот таинственный церковнослужитель* ↔ *that intemperate youth* / *эта несдержанная молодежь*.

Употребление баронессой Евгенией односоставного маркера оценки *these extremes* / *этими крайностями* усиливает поляризацию образа бытия представителей двух социальных американских групп.

Примечательно, что поляризация реализована и в построении фразы баронессы Евгении, которая задаёт вопрос, т.е. поляризует информацию в собственном мировосприятии образа бытия. Эта поляризация сформирована под влиянием европейских традиций, отличающихся от новой услышанной модели бытия в доме её американских родственников.

Пример 2. Синергия лингвокультурной контекстной поляризации традиций и социумной контекстной поляризации образа жизни в сопряжении с антропоцентрической контекстной поляризацией мнения

КИ-2.1. *“Oh, yes, there is Mr. Acton. I think,” ФТ-1.1. said the young man, with a nod at his sister, “that you will like Mr. Acton” / “О, есть мистер Эктон, полагаю”, сказал молодой человек, кивнув головой своей сестре, “тебе понравится мистер Эктон”.*

КИ-1.2. *“Remember that I am very fastidious,” said the Baroness. “Has he very good manners?” / “Помни, что я очень привередлива”, сказала баронесса “У него хорошие манеры?”*

В рассматриваемом коммуникативном импульсе, исходящем от Феликса, и в ответном импульсе баронессы Евгении выявлена антропоцентрическая контекстная поляризация мнения Феликса и мнения его сестры относительно молодого американца мистера Эктона.

Этот тип контекстной поляризации сопряжен с лингвокультурной контекстной поляризацией традиций, репрезентированной в вопросе баронессы Евгении: *“Has he very good manners?” / “У него хорошие манеры?”*. Заданный вопрос предполагает, что у молодого американца, в отличие от молодых европейцев, среди которых проходило время баронессы в Европе, хорошие манеры могут отсутствовать. Феликс, напротив, не сомневается в хороших манерах мистера Эктона и хвалит его, то есть и в этом случае выявлена антропоцентрическая поляризация мнений. В рассматриваемом маркере *“Has he very good manners?” / “У него хорошие манеры?”* выявлена синергия лингвокультурной контекстной поляризации традиций и социумной контекстной поляризации образа жизни, который подразумевает следование определённому набору манер поведения

как лингвокультурных маркеров социума.

Пример 3. Синергия лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни и проксемной персонифицированной контекстной поляризации в сочетании с синергией антропоцентрической контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни

КИ-2.2. “*He will have them with you. He is a man of the world; he has been to China*” / “*Он проявит их к тебе. Он человек мира, был в Китае*”. **ФТ-2.1.** *Madame Munster gave a little laugh.*

КИ-1.3. “*A man of the Chinese world! He must be very interesting.*” / **Мадам Манстер слегка засмеялась.** “*Человек из китайского мира. Должно быть, он очень интересен*”.

В рассматриваемом примере лингвокультурная контекстная поляризация образа жизни репрезентирована в коммуникативных импульсах, исходящих от Феликса и баронессы Евгении, выраженных посредством односоставных маркеров *He is a man of the world* / *Он человек мира* ↔ *A man of the Chinese world* / *Человек из китайского мира*. Этот тип поляризации синергичен проксемной персонифицированной контекстной поляризации, поскольку китайский мир противопоставляется в романе всему миру. Примечательно, что информация фонового терминала полярна информации коммуникативного импульса, исходящего от Феликса, и выражена маркером невербального кода, односоставной кинемой *Madame Munster gave a little laugh* / **Мадам Манстер слегка засмеялась**. Выявлена синергия антропоцентрической контекстной поляризации мнений баронессы и её брата и лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни европейца и жителя Китая.

Таким образом, в рассматриваемой четырёхтерминальной когнитивной сцене «Образ жизни» выявлены следующие типы контекстной поляризации:

во-первых, социумная мировоззренческая контекстная поляризация;

во-вторых, синергия лингвокультурной контекстной поляризации традиций и социумной контекстной поляризации образа жизни в сопряжении с антропоцентрической контекстной поляризацией мнения;

в-третьих, синергия лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни и проксемной персонифицированной контекстной поляризации в сочетании с синергией антропоцентрической контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни.

2.4.4. Контекстная поляризация в лингвосоциокультурной трёхтерминальной когнитивной сцене «Американский стиль жизни»

Прежде всего, следует отметить, что архитектоника когнитивной сцены состоит только из пяти коммуникативных импульсов, терминала-адресата, терминала-адресанта, т.е. отсутствует фоновый терминал, поэтому сцена представляет собой формат трёхтерминальной когнитивной сцены.

Пример 1. Синергия социумной гендерной контекстной поляризации, социумной возрастной контекстной поляризации и социумной мировоззренческой контекстной поляризации

КИ-1.1. *“My dear sister,” said Felix, “the inhabitants are charming”* / *“Моя дорогая сестра”*, сказал Феликс, *“жители очаровательны”*.

КИ-2.1. *“In what style?”* / *“В каком стиле?”*

Когнитивно-герменевтический анализ коммуникативных импульсов когнитивной сцены выявил, прежде

всего, синергию социумной гендерной контекстной поляризации и социумной возрастной контекстной поляризации, поскольку репрезентирован разговор брата и сестры, которые, с одной стороны, относятся к одному европейскому социуму, как было сказано выше, но, с другой стороны, они представители различных европейских социумов. Исходя из этого, герои романа по-разному оценивают то, что видят вокруг, поэтому в коммуникативных импульсах заложена социумная мировоззренческая контекстная поляризация, репрезентированная односоставными маркерами “*the inhabitants are charming*” / “*жители очаровательны*” ↔ “*In what style?*” / “*В каком стиле?*”.

Примечательно, что вопрос баронессы Евгении “*In what style?*” / “*В каком стиле?*” маркирует лингвокультурную контекстную поляризацию традиций Европы, откуда она приехала, и традиций Америки, о которых она ещё многое не знает.

Пример 2. Синергия социумной семейной контекстной поляризации, лингвокультурной контекстной поляризации традиций и темпоральной контекстной поляризации прошлого и настоящего

КИ-1.2. “*In a style of their own. How shall I describe it? It's primitive; it's patriarchal; it's the ton of the golden age*” / “*В их собственном стиле. Как я опишу их? Это примитивно, патриархально, в тонах золотого века*”.

Во втором коммуникативном импульсе Феликса выявлена социумная семейная контекстная поляризация, синергичная лингвокультурной контекстной поляризации традиций. Эта синергия репрезентирована тремя односоставными маркерами: *It's primitive* / *Это примитивно*, *it's patriarchal* / *патриархально*, *it's the ton of the golden age* / *в тонах золотого века*”. Последние два маркера, лексический таймер *it's patriarchal* / *патриархально* и одноядерная хронема *it's the ton*

of the golden age / в тонах золотого века, одновременно репрезентируют темпоральную контекстную поляризацию прошлого и настоящего.

Пример 3. Синергия лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни и лингвокультурной контекстной поляризации жилья

КИ-2.2. *“And have they nothing golden but their ton? Are there no symptoms of wealth?” / “У них нет ничего золотого кроме их тона? Никаких признаков богатства?”*

В коммуникативном импульсе, исходящем от баронессы Евгении, выявлена лингвокультурная контекстная поляризация образа жизни в синергии с лингвокультурной контекстной поляризацией жилья, репрезентированной односоставным маркером *“And have they nothing golden but their ton? / “У них нет ничего золотого кроме их тона? Данный маркер дублируется другим односоставным маркером *Are there no symptoms of wealth?” / Никаких признаков богатства?*”, репрезентирующим такие же подтипы лингвокультурной контекстной поляризации, как и первый маркер исследуемого коммуникативного импульса баронессы Евгении.*

Пример 4. Синергия лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни и социумной семейной контекстной поляризации

КИ-1.3. *“I should say there was **wealth without symptoms. A plain, homely way of life: nothing for show, and very little for – what shall I call it? for the senses: but a great aissance, and a lot of money, out of sight, that comes forward very quietly for subscriptions to institutions, for repairing tenements, for paying doctor's bills; perhaps even for portioning daughters**” / “следует сказать, что это богатство без признаков. Домашний образ жизни: ничего на показ и очень мало, как бы это назвать? – чувств, но отличный отдых и очень много денег, вне поля зрения, которые уходят незаметно на записи в учреждения, на*

ремонт, на оплату счетов доктора, возможно даже на приданое дочерей.

В третьем коммуникативном импульсе, исходящем от Феликса, выявлена синергия лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни и социумной семейной контекстной поляризации, репрезентированная односоставным маркером *wealth without symptoms / это богатство без признаков* и пятисоставным маркером *homely way of life: nothing for show, and very little for – what shall I call it? for the senses: but a great aisance, and a lot of money / Домашний образ жизни: ничего на показ и очень мало, как бы это назвать? – чувств, но отличный отдых и очень много денег*. Очевидно, что вернувшись от американских родственников, Феликс описывает их образ жизни, сравнивает его с собственным европейским образом жизни.

Итак, в архитектонике трёхтерминальной когнитивной сцены «Американский стиль жизни» выявлены: во-первых, синергия социумной гендерной контекстной поляризации, социумной возрастной контекстной поляризации и социумной мировоззренческой контекстной поляризации; во-вторых, синергия социумной семейной контекстной поляризации, лингвокультурной контекстной поляризации традиций и темпоральной контекстной поляризации прошлого и настоящего, в-третьих, синергия лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни и лингвокультурной контекстной поляризацией жилья, в-четвёртых, синергия лингвокультурной контекстной поляризации образа жизни и социумной семейной контекстной поляризации. В связи с превалированием социумной контекстной поляризации и лингвокультурной контекстной поляризации рассмотренная когнитивная сцена как динамичный конструкт художественного знания получила название лингвосоциокультурной когнитивной сцены.

Таким образом, исследование явления поляризации в архитектонике динамичной когнитивной структуры, в когнитивной сцене, дополняет результаты, полученные при когнитивно-герменевтическом анализе статичного когнитивного конструкта, художественного концепта «Гостиница в Бостоне», и способствует созданию комплексной модели контекстной поляризации в концептосфере рассматриваемого художественного произведения.

Обосновано, что архитектоника когнитивной сцены предопределяет возможность реализации писателем такого свойства как контекстная поляризация в большей степени, чем архитектоника текстового фрейма.

Выводы по второй главе

Рассмотрение текстового мира Г. Джеймса выявило, что одной из его отличительных черт предстаёт контекстная поляризация как противопоставление описываемых в рамках контекста явлений и событий, интерпретируемых посредством когнитивно-герменевтического анализа и применения алгоритма моделирования и интерпретации когнитивных конструктов, репрезентирующих контекстную поляризацию в архитектонике концептосферы художественного произведения Г. Джеймса «Европейцы».

Выявлено наличие в романе всех пяти типов и тридцати подтипов маркеров контекстной поляризации, изложенных в авторской типологии маркеров контекстной поляризации, представленной в первой главе.

Установлена частотность маркеров контекстной поляризации, среди которых превалируют маркеры социальной контекстной поляризации – 344 маркера, на втором месте по частотности маркеры темпоральной контекстной поляризации – 339 маркеров. На третьем месте маркеры антропоцентрической контекстной поляризации – 274 маркера, на четвёртом месте по частотности маркеры лингвокультурной контекстной поляризации – 188 маркера. Низкочастотны маркеры проксемной контекстной поляризации 108 маркеров.

Установлено, что отличительной чертой контекстной поляризации в концептосфере романа «Европейцы» предстаёт факт наличия синергичных полярных конструкций, объединяющих от двух до пяти типов контекстной поляризации в одном маркере.

Определено, что маркеры темпоральной контекстной поляризации чаще всего включены в синергичные полярные конструкции, где первично значение

антропоцентрических маркеров поляризации, социумных маркеров поляризации, лингвокультурных маркеров контекстной поляризации.

Наряду с маркерами темпоральной контекстной поляризации в синергичные конструкции включены маркеры проксемной контекстной поляризации, но они менее частотны по сравнению с маркерами темпоральной контекстной поляризации.

Рассмотрение структурного состава маркеров пяти типов и тридцати подтипов контекстной поляризации выявило, что структура репрезентантов контекстной поляризации представляет собой односоставные, многосоставные, одноядерные и многоядерные маркеры, построение которых обусловлено интенцией автора художественного произведения.

Превалирование односоставных номинантов над многосоставными и безатрибутивными, а также превалирование одноядерных хронем над многоядерными хронемами обусловлено интенцией автора, параметрами его текстового мира.

Исходя из того, что в концептосфере художественного текста сопряжены когнитивные конструкты: статичные (фреймы), динамичные (когнитивные сценарии, когнитивные сцены), статично-динамичные (когнитивные карты), проведённый анализ был нацелен на выявление когнитивных конструктов, архитекtonика которых предопределяет бóльшую частотность маркеров контекстной поляризации.

Было выявлено, что архитекtonика когнитивной сцены как динамичный когнитивный конструкт концептосферы романа Г. Джеймса «Европейцы», состоящая из информативного терминала, терминала-адресата, терминала-адресанта при наличии или отсутствии фонового

терминала, в большей степени, предрасположена к репрезентации контекстной поляризации всех пяти типов.

Определено, что в когнитивных сценах, входящих в архитектуру концептосферы исследуемого романа, реализованы такие типы контекстной поляризации как:

- 1) антропоцентрическая контекстная поляризация,
- 2) социумная контекстная поляризация,
- 3) лингвокультурная контекстная поляризация,
- 4) проксемная контекстная поляризация,
- 5) темпоральная контекстная поляризация.

Установлено, что частотность когнитивных сцен в концептосфере романа «Европейцы», включающих маркеры контекстной поляризации, превалирует над другими когнитивными конструктами.

Выявлено, что архитектура фрейма как статичного когнитивного конструкта концептосферы романа менее частотно по сравнению с архитектурой когнитивной сцены реализует явление контекстной поляризации.

Таким образом, исследование концептосферы художественного текста выявило многогранность и многоаспектность такого явления текстового формата знания как контекстная поляризация.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная теория текста не исчерпала теоретико-методологический потенциал развития, что побуждает к поискам новых интерпретативных моделей знания, в частности, подводит исследователя к рассмотрению текстового знания в виде формата в его корреляции с текстовыми мирами, что в сочетании с рассмотрением художественного текста в виде концептосферы как совокупности художественных концептов способствует исследованию текста как формата-проекции мировидения писателя, в котором репрезентируется только часть индивидуально-авторской концептосферы писателя.

Рассмотрение параметров номинативных полей художественных концептов выявило тот факт, что часть номинантов репрезентирует такое явление как полярность информации. Эти номинанты рассматриваются как маркеры контекстной поляризации, под которой понимается противопоставление описываемых в рамках контекста явлений.

Интерпретация маркеров контекстной поляризации способствовало разработке авторского алгоритма моделирования и интерпретации когнитивных конструктов, репрезентирующих контекстную поляризацию. Этот алгоритм в сочетании с методом когнитивно-герменевтического исследования концептосферы художественного текста выявил наличие пяти типов и тридцати подтипов контекстной поляризации, что позволило представить полученные данные в виде следующей типологии:

I. Антропоцентрическая контекстная поляризация:
1) антропоцентрическая контекстная поляризация деятельности, 2) антропоцентрическая контекстная поляризация мнений, 3) антропоцентрическая контекстная поляризация

человека внешнего и человека внутреннего, 4) антропоцентрическая контекстная поляризация предположений и реальности, 5) антропоцентрическая контекстная поляризация мировосприятия, 6) антропоцентрическая контекстная поляризация образа жизни, 7) антропоцентрическая контекстная поляризация поведения, 8) антропоцентрическая контекстная поляризация знания.

II. Социумная контекстная поляризация: 1) социумная гендерная контекстная поляризация, 2) социумная возрастная контекстная поляризация, 3) социумная мировоззренческая контекстная поляризация, 4) социумная контекстная поляризация внешности, 5) социумная поведенческая контекстная поляризация, 6) социумная религиозная контекстная поляризация, 7) социумная семейная контекстная поляризация, 8) социумная комплексная контекстная поляризация, 9) социумная контекстная поляризация образа жизни.

III. Лингвокультурная контекстная поляризация: 1) лингвокультурная контекстная поляризация традиций, 2) лингвокультурная контекстная поляризация образа жизни, 3) лингвокультурная контекстная поляризация жилья, 4) лингвокультурная контекстная поляризация предметов одежды, 5) лингвокультурная контекстная поляризация приёма пищи.

IV. Проксемная контекстная поляризация: 1) проксемная урбанистическая контекстная поляризация, 2) проксемная контекстная поляризация человека и природы, 3) проксемная персонифицированная контекстная поляризация, 4) проксемная неперсонифицированная контекстная поляризация.

V. Темпоральная контекстная поляризация: 1) темпоральная контекстная поляризация одномоментности и временной пролонгированности, 2) темпоральная

контекстная поляризация конкретной временной точки и бесконечности времени, 3) темпоральная контекстная поляризация прошлого и настоящего, 4) темпоральная контекстная поляризация настоящего и будущего.

Наряду с выявленными типами контекстной поляризации было определено явление синергии нескольких типов контекстной поляризации. Посредством авторского алгоритма моделирования и интерпретации когнитивных конструктов обосновано существование пяти типов полярных конструктов, репрезентирующих рассматриваемые контекстные явления в концептосфере художественного текста. Авторская типология маркеров контекстной поляризации стала основой для интерпретации конструктов контекстной поляризации, реализованной в концептосфере романа Г. Джеймса «Европейцы».

Было выявлено в концептосфере романа Г. Джеймса «Европейцы» наличие всех пяти типов и тридцати подтипов маркеров контекстной поляризации и установлена частотность маркеров каждого типа контекстной поляризации, среди которых преобладают маркеры социумной контекстной поляризации – 344 маркера, менее частотны маркеры темпоральной контекстной поляризации – 339 маркеров и маркеры антропоцентрической контекстной поляризации – 274 маркера, низкочастотны маркеры лингвокультурной контекстной поляризации – 188 маркера и маркеры проксеимной контекстной поляризации – 108 маркеров.

Определено, что отличительной чертой архитектуры концептосферы романа «Европейцы» являются синергичные полярные конструкции, объединяющие от двух до пяти типов контекстной поляризации в одном маркере.

Выявлено, что именно маркеры темпоральной контекстной поляризации чаще всего включены в синергичные полярные конструкции, где первично значение

антропоцентрических маркеров поляризации, социумных маркеров поляризации, лингвокультурных маркеров контекстной поляризации.

Установлено, что наряду с маркерами темпоральной контекстной поляризации маркеры проксемной контекстной поляризации включены в синергичные текстовые конструкции, однако, они менее частотны по сравнению с маркерами темпоральной контекстной поляризации.

Рассмотрение структурного состава маркеров пяти типов и тридцати подтипов контекстной поляризации выявило превалирование односоставных номинантов над многосоставными и безатрибутивными, а также превалирование одноядерных хронем над многоядерными хронемами, что обусловлено интенцией автора, параметрами его текстового мира.

Было выявлено, что архитектура когнитивной сцены в большей степени предрасположена к репрезентации контекстной поляризации всех пяти типов в концептосфере романа Г. Джеймса «Европейцы».

Установлено, что архитектура фрейма как статичного когнитивного конструкта концептосферы романа менее частотно по сравнению с архитектурой когнитивной сцены реализует явление контекстной поляризации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамова, Е. С. О типологизации концептов / Е. С. Абрамова // *Apriori*. Серия гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – URL: <http://apriori-journal.ru/seria1/3-2014/Abramova.pdf> (дата обращения 17.07.2019). – Текст : электронный.
2. Адмони, В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики: монография / В. Г. Адмони. – Ленинград : Наука, 1988. – 239 с. – ISBN 5-02-027865-3. – Текст : непосредственный.
3. Александрович, Н. В. Концептосфера художественного произведения в оригинале и переводе (на материале романа Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби») / Н. В. Александрович: дисс... канд. филол. н. по специальности 10.02.20. – Краснодар, 2010. – 194 с. – Текст : непосредственный.
4. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Гнозис, 2005. – 326 с. – ISBN 5-7333-0164-3. – Текст : непосредственный.
5. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с. – 150 экз. – ISBN 5-88234-802-1. – Текст : непосредственный.
6. Алефиренко, Н. Ф. Текст – дискурс – язык / Н. Ф. Алефиренко // *Русская филология. Украинский Вестник*. – Харьков. – 2007. – № 2-3 [33]. – С. 3-7. – Текст : непосредственный.
7. Алефиренко, Н. Ф. Категория имплицитности художественного текста в когнитивно-дискурсивном аспекте / Н. Ф. Алефиренко // *Гуманитарные исследования*. – 2011. – № 2. – С. 28-34. – Текст : непосредственный.
8. Алефиренко, Н. Ф. Смысл, модусные концепты и значение / Н. Ф. Алефиренко // *Вестник Челябинского*

- государственного университета. – 2013. – № 31 (322).
Филология. Искусствоведение. – Вып. 84. – С. 8–14. –
Текст : непосредственный.
9. Алефиренко, Н. Ф. «Язык» и «текст» культуры / Н. Ф. Алефиренко // *Litera*. – 2015. – № 4. – С. 50-58. – URL: http://e-notabene.ru/fil/article_18245.html (дата обращения: 01.08.2018). – Текст : электронный.
  10. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // *Русская речь. Новая серия*. – Ленинград, 1928. – Вып. 2. – С. 28-44. – Текст : непосредственный.
  11. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология* / Под ред. проф. В. П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 267-279. – Текст : непосредственный.
  12. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л. Г. Бабенко. – Москва-Екатеринбург : Академический проект, Деловая книга, 2004. – 464 с. – ISBN 5-8291-0431-8. – Текст : непосредственный.
  13. Бабенко, Л. Г. Концепт и концептосфера в аспекте моделирования / Л. Г. Бабенко // *Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов* / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им Г. Р. Державина, 2006. – С. 39-42. – Текст : непосредственный.
  14. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – Москва : Флинта, 2009. – 496 с. – ISBN 978-5-89349-402-0. – Текст : непосредственный.
  15. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка: их личностная и национальная специфика / А. П. Бабушкин. – Дисс. ... д-ра, филол. наук 1997. – 350 с. – Текст : непосредственный.
  16. Бабушкин, А. П. Картина мира и концептосфера языка / А. П. Бабушкин // *Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар.*

- симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г. В 2 ч. – Ч. 2. Тезисы докладов. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 12-13. – Текст : непосредственный.
17. Баевский, В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы / В. С. Баевский. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 339 с. – ISBN 5-7859-0229-X. – Текст : непосредственный.
  18. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 234-407. – URL: <https://philolog.petsu.ru/filolog/lit/bahhron.pdf> (дата обращения 07.10.2019). – Текст : электронный.
  19. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 444 с. – URL: <http://www.teatr-lib.ru/Library/Bahtin/esthetic/> (дата обращения 10.02.2019). – Текст : электронный.
  20. Белоглазова, Е. В. Иноязычные вкрапления как средство актуализации лингвокультурного типажа в художественном тексте / Е. В. Белоглазова // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXIV. – С. 468-471. – Текст : непосредственный.
  21. Белоусов, К. И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности / К. И. Белоусов // Вестник ОГУ. – 2010. – № 11 (117). – С. 94-97. – Текст : непосредственный.
  22. Белоусов, К. И. Некоторые наблюдения над концептуальной композицией текста / К. И. Белоусов, Е. А. Подтихова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1. – С. 62-74. – Текст : непосредственный.
  23. Белоусов, К. И. Синергетика текста: от структуры к форме: монография / К. И. Белоусов. – Москва : URSS, 2016. – 248 с. – ISBN 978-5-397-03261-2. – Текст : непосредственный.
  24. Беспалова, О. Е. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева

- в ее лексическом представлении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Ольга Евгеньевна Беспалова. – Санкт-Петербург, 2002. – 24 с. – Текст : непосредственный.
25. Блумер, Г. Общество как символическая интеракция / Г. Блумер // Современная зарубежная социальная психология. – Москва : Издательство Московского университета, 1984. – С. 173-179. – Текст : непосредственный.
  26. Болдырев, Н. Н. Концептуализация вертикального перемещения объекта в английском языковом сознании / Н. Н. Болдырев, М. Ю. Белая // Филология и культура: Материалы IV Междунар. науч. конф. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. – С. 157-160. – Текст : непосредственный.
  27. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №2. – С. 5-22. – Текст : непосредственный.
  28. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / Гл. ред. Е. С. Кубрякова, отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Москва : ИЯ РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 25-78. – Текст : непосредственный.
  29. Болдырев, Н. Н. Форматы знания в языке и методы их исследования / Н. Н. Болдырев // Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/31017230-N-n-boldyrev-formaty-znaniya-v-yazyke-i-metody-ih-issledovaniya.html> (дата обращения 15.11.2019). – Текст : электронный.
  30. Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция языка / Н. Н. Болдырев // Вестник ЧелГУ. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 31 (246). – Вып. 60. – С. 11-16. – Текст : непосредственный.
  31. Болдырев, Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе / Н. Н. Болдырев //

- Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 5-13. – Текст : непосредственный.
32. Болдырев, Н. Н. Принцип антропоцентризма в языковом конструировании пространства / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. Мин-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т Языкознания РАН, ТГУ им. Державина, РАЛК. Вып. XXIII. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сб. научных трудах / отв. ред. вып. В. З. Демьянков, отв. сек. вып. Е. М. Позднякова. – Москва : Ин-т Языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. – С. 30-39. – Текст : непосредственный.
  33. Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. - № 4. – С. 10-20. – Текст : непосредственный.
  34. Богуславская, В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция: анализ журналистских текстов: монография, 3-е изд. / В. В. Богуславская. – Москва : URSS, 2011. – 276 с. – ISBN 978-5-382-01302-2. – Текст : непосредственный.
  35. Болотнова, Н. С. Лексическая регулятивность текста и его концептосфера / Н. С. Болотнова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XXII. – С. 322-324. – Текст : непосредственный.
  36. Бузина, Е. И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста / Е. И. Бузина // Иностранные языки: лингвистические и методологические аспекты: Межвуз. сборник науч. трудов. – Вып. 44. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2019а. – С. 174-178. – Текст : непосредственный.
  37. Бузина, Е. И. Специфика темпоральной модели «Me before you» в концептосфере одноименного романа Дж. Мойес / Е. И. Бузина // Гуманитарные исследования. – 2019б. – №1 (69). – С. 56-61. – Текст : непосредственный.
  38. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И.

- Вернадский. – Москва : Айрис-Пресс. 2013. – 576 с. – ISBN 5-7836-0532-8. – Текст : непосредственный.
39. Воркачев, С. Г. Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубан. гос. технологич. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Т. 17. – Вып. 2. – Краснодар, 2003. – С. 268-276. – Текст : непосредственный.
40. Воронина, Е. А. Основные формы выражения индивидуально-авторского мировоззрения в литературном творчестве / Е. А. Воронина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2008. – № 1(9). – С. 158-163. – Текст : непосредственный.
41. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка: Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 127-134. – Текст : непосредственный.
42. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. Изд-во 4-е, стер. – Москва : URSS: КомКнига, 2006. – 137, [2] с. – (Лингвистическое наследие XX века. – ISBN 5-484-00618-X. – Текст : непосредственный.
43. Гаспарян, Г. Р. Текст как дискурсивное со-бытие / Г. Р. Гаспарян, В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4. – С. 44-51. – Текст : непосредственный.
44. Гламазда, С. Н. Контекстная поляризация в художественном концепте «Гостиница в Бостоне» (на материале романа Г. Джеймса «The Europeans») / С. Н. Гламазда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 11 (89). – Ч. 2. – С. 318-321. – Текст : электронный.
45. Гламазда, С. Н. Контекстная лингвокультурная поляризация в архитектонике художественного концепта / С. Н. Гламазда // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сб. науч. трудов. – Вып. 43. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019а. – С. 156-162. – Текст : непосредственный.

46. Гламазда, С. Н. Контекстная поляризация как феномен построения художественной модели мира / С. Н. Гламазда // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2019б. – №4 (63). – С. 232-237. – Текст : электронный.
47. Гольшшкина, А. А. Модель коммуникативного контекста как когнитивная основа текстообразования: к проблеме выявления типологической специфики текстов / А. А. Гольшшкина // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXIV. – С. 486-489. – Текст : непосредственный.
48. Гончарова, Е. А. Интерпретация литературного текста в синергетической парадигме: традиции и перспективы / Е. А. Гончарова // STUDIA LINGUISTICA XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. – СПб: Политехника-Сервис, 2008. – С. 227-236. – Текст : непосредственный.
49. Даниленко, И. А. Этапы формирования текстового мира (на примере произведения Ф.С. Фитцджеральда «Tender in the night») / И. А. Даниленко // Лингвистические горизонты: сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2017. – С. 35-39. – Текст : непосредственный.
50. Даниленко, И. А., Даниленко А. П. Архитектоника художественного дуального концепта (на материале романа Ф. С. Фитцджеральда «The Great Gatsby») / И. А. Даниленко, А. П. Даниленко // Филологический аспект. – 2017. – №. 6. – С. 122-127. – Текст : электронный.
51. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк ван. – Москва : Ленанд, 2015. – 320 с. – ISBN 978-5-9710-1387-7. – Текст : непосредственный.
52. Демьянков, В. З. Когнитивные техники трансфера знаний / В. З. Демьянков // Когнитивные исследования языка Мин-во обр. и науки РФ, РАН, Ин-т Языкознания РАН, ТГУ ун-т им. Г. Р. Державина, ТюмГУ, РАЛК. Вып. XXVI. Когнитивные технологии в теоретической и

- прикладной лингвистике: мат-лы Междунар. науч. конф. 22-24 сентября 2016 г. / отв. ред. вып. Т.В. Хвесько. – Москва : Ин-т Языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, Тюмень: Изд-тво рекламно-полиграфический центр «Айвекс», 2016. – С. 29-33. – Текст : непосредственный.
53. Домашнев, А. И. Интерпретация художественного текста: уч. пособие / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е.А. Гончарова. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1989. – 205 с. – ISBN 978-5-09-000959-1. – Текст : непосредственный.
54. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX) / М. Я. Дымарский. – Москва : URSS, 2020. – 294 с. – ISBN 978-5-0710-7897-5. – Текст : непосредственный.
55. Ефанова, М. А. Социокультурные концепты как доминанты в творчестве Ч. Диккенса / М. А. Ефанова. Дисс. магистра. – Белгород, 2019. – 77 с. – Текст : непосредственный.
56. Ерёмченко, Е. А. К вопросу о статусе понятия «художественный концепт» / Е. А. Ерёмченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». – Том. 12 (58). – 2006. – № 3. – С. 120-124. – Текст : непосредственный.
57. Жаботинская, С. А. Концептуальная модель частеречных систем: фрейм и скрипт / С. А. Жаботинская // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. – Рязань, 2000. – С. 15-21. – Текст : непосредственный.
58. Жеребило, Т. В. Лингвистический анализ текста / Т. В. Жеребило // LINGUA – UNIVERSUM. – 2019. – № 4. – С. 44-63. – Текст : непосредственный.
59. Жирова И.Г Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т.6. – № 3. – С. 85-98. – Текст : электронный.
60. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к

- проблеме концепта / А. А. Залевкая // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – С. 36-45. – Текст : непосредственный.
61. Залевская, А. А. Некоторые проблемы понимания текста / А. А. Залевская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 62-73. – Текст : непосредственный.
  62. Звягинцева, А. В. Интонационный уровень реализации концептосферы текста: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Звягинцева. – Москва. – 2008. – 19 с. – Текст : непосредственный.
  63. Звягинцева, А. В. Концептосфера текста и уровни ее реализации / А. В. Звягинцева // Вестник КГУ. – 2017. – № 2. – С. 115-120. – Текст : непосредственный.
  64. Зинченко, Я. Р. Каузально-генетическое моделирование текста в аспекте обучения общественно-политическое коммуникации на иностранном языке / Я. Р. Зинченко // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы III Междунар. конф., посвящ. 88-летию образования Белорусского гос. ун-та, 30 октября 2009 г. / Редкол.: В. Г. Шагурский и др. – Минск: Тесей, 2009. – С. 242-243. – ISBN 978-985-463-360-2. – Текст : непосредственный.
  65. Зыкова, И. В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии / И. В. Зыкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2. – С. 13-24. – Текст : непосредственный.
  66. Кайда, Л. Г. Композиционный анализ художественного текста. Теория. Методология. Алгоритмы обратной связи / Л. Г. Кайда. – Москва: Флинта, 2013. – 76 с. – ISBN 978-5-9765-1741-7. – Текст : непосредственный.
  67. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры: монография / В. И. Карасик. – Москва во: Гнозис, 2013. – 320 с. – ISBN 978-5-94244-043-5. – Текст : непосредственный.
  68. Клемёнова, Е. Н. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания / Е. Н. Клемёнова, И. А. Кудряшов //

- Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – №7. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/germenevticheskiy-analiz-teksta-kognitivnye-osnovaniya-1> (дата обращения: 10.10.2018). – Текст : электронный.
69. Кобрин, Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации / Н. А. Кобрин // Концептуальное пространство языка. – Тамбов, 2005. – С. 77-94. – Текст : непосредственный.
70. Кононова, И. Н. О типах трансформации структуры лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста / И. Н. Кононова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 1. – Т.7. – С. 138-149. – Текст : непосредственный.
71. Кошчева, Д. А. Синергия в семантике текстовых хронем / Д. А. Кошчева // Филологический аспект. – 2017. – № 10. – С. 38-43. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/sinergiya-v-semantike-tekstovykh-khro-nem.html> (дата обращения 22.11.2018). – Текст : электронный.
72. Красных, В. В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): Автореф. дисс... д-ра филол. наук 10.02.19 – теория языка / В. В. Красных. – Санкт-Петербург ; Москва, 1999. – 74 с. – Текст : непосредственный.
73. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с. – ISBN 5-942-44010-7. – Текст : непосредственный.
74. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – Т. 1. – Москва, 2001. – С. 72-81. – Текст : непосредственный.
75. Кузнецова, А. В. Художественный текст в когнитивной парадигме: семантическое пространство и концептуализация / А. В. Кузнецова // European Social Science Journal. – 2011. – № 4. – С. 155-161. – Текст : непосредственный.

76. Кучинская Е.А. Выражение концептуальной оппозиции ally (partner) – enemy (adversary) в англоязычных военно-публицистических текстах / Е.А. Кучинская, Е.Ю. Самарцева // Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 3 (47). – С. 210-223. – Текст : электронный.
77. Кушнерук, С. Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики / С. Л. Кушнерук // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1. – С. 45-51. – Текст : непосредственный.
78. Кушнерук, Л. С. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации: монография / Л. С. Кушнерук. – Москва: Флинта, 2019. – 368 с. – ISBN 978-5-9765-4066-8. – Текст : непосредственный.
79. Левин, Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 824 с. – ISBN 5-7859-0043-2. – Текст : непосредственный.
80. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От Теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. – Москва, 1997. – С. 280-289. – Текст : непосредственный.
81. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – Москва : Прогресс: Гнозис, 1992. – 270 с. – ISBN 5-01-003843-9. – Текст : непосредственный.
82. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3-х т. – Таллинн: Александрия, 1992-1993. – Т. 1. – С. 129-132. – Текст : непосредственный.
83. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Ю. М. Лотман об искусстве. – Санкт-Петербург : «Искусство-СПБ», 1998. – С. 14-285. – Текст : непосредственный.

84. Лотман, Ю. М. Чему учатся люди / Ю. М. Лотман. – Москва : Рудомино, 2010. – 416 с. – ISBN 978-5-7380-0356-1. – Текст : непосредственный.
85. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 704 с. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/Index.php (дата обращения 02.03.2019). – Текст : электронный.
86. Ляпин, С. Х. Факт в пространстве бытия [опыт концептологического понимания] / С. Х. Ляпин. – Архангельск: Изд-во Поморск. пед. ун-та, 1996. – 178 с. – Текст : непосредственный.
87. Маслакова, Т. П. Лингвосоциокультурное моделирование текста в образовательной сфере / Т. П. Маслакова // Язык, наука и техника в современном межкультурном пространстве. Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию факультета «Международный». – Ростов-на-Дону: Донской гос. тех. ун-т, 2010. – Текст : непосредственный.
88. Масленникова, Е. М. Кодовая организация художественного текста: жесткость и свобода / Е. М. Масленникова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3 (032). – С. 65-69. – Текст : непосредственный.
89. Маслова, В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста: монография / В. А. Маслова. – Витебск: ВГУ им.П.М. Машерова, 2014. – 104 с. – ISBN 978-985-517-455-5. – Текст : непосредственный.
90. Миллер, Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – №4. – С. 41-45. – Текст : непосредственный.
91. Моисеева, И. Ю. К вопросу о ядерных моделях текста [Электронный ресурс] / И. Ю. Моисеева // Десятые Ефремовские чтения: концепция современного мировоззрения: к 100-летию со дня рождения И. А. Ефремова: сб. науч. тр. / Муницип. учреждение, Вырицкий библ.

- информ. комплекс; Вырицкая поселковая б-ка им. И. А. Ефремова. – Электрон.дан. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2007. – С. 107-110. – Текст : непосредственный.
92. Москальчук, Г. Г. Структурная организация текста как аспект общей теории текста / Г. Г. Москальчук // Вестник ОГУ. – 2006. – № 1. – С. 73-81. – Текст : непосредственный.
93. Москальчук, Г. Г. Как возникают синергетические эффекты в тексте / Г. Г. Москальчук // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 2. – С. 8-16. – Текст : непосредственный.
94. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с. – URL: https://www.studmed.ru/nikitin-m-v-kurs-lingvisticheskoy-semantiki_39ef68-ea268.html (дата обращения 70.08.2019). – Текст : электронный.
95. Новосельцева, В. А. О соотношении понятий «содержание художественного концепта» и «лексическое значение художественного слова» / В. А. Новосельцева // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. – Волгоград, 22-24 мая 2003 г. В 2 ч. Ч.2. Тезисы докладов. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 26-28. – Текст : непосредственный.
96. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: монография / Е. А. Огнева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 280 с. – ISBN 978-5-906161-82-3. – Текст : непосредственный.
97. Огнева, Е. А. Типологизация и структурирование когнитивной сцены художественного текста / Е. А. Огнева, Ю. А. Кузьминых // Современные проблемы науки и образования. Филологические науки. – 2012. – № 6. [Электронный журнал]. – URL: <http://www.science-education.ru/106-7379> (дата обращения 09.07. 2019). – Текст : электронный.
98. Огнева, Е. А. Когнитивно-дискурсивное пространство текста при переводе / Е. А. Огнева // Вестник

- российского университета дружбы народов. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – №1. – С. 88-95. – Текст : непосредственный.
99. Огнева, Е. А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации: монография / Е. А. Огнева, Ю. А. Кузьминых. – М.: Эдитус, 2014. – 202 с. – ISBN 978-5-00058-059-2. – Текст : непосредственный.
100. Огнева, Е. А. Моделирование как основа исследования когнитивных скреп художественного текста / Е. А. Огнева // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р.Державина, Челябинский гос. ун-т, РААК. – Вып. XVIII : Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: мат-лы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 22-24 мая 2014 г./ отв. ред. вып. Е.И. Голованова. – Москва : Ин-т Языкознания РАН, Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2014. – С. 151-154. – Текст : непосредственный.
101. Огнева, Е. А. Технологии моделирования когнитивных структур концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 23. – С. 483-493. – Текст : непосредственный.
102. Огнева, Е. А. Маркеры контекстной поляризации в архитектонике когнитивно-сюжетной матрицы / Е. А. Огнева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 12. – Ч. 1. – С. 145-148. – URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10794> (дата обращения 12.04.2019). – Текст : электронный.
103. Огнева, Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров: монография / Е. А. Огнева. – М.: Эдитус, 2019. – 190 с. – ISBN 978-5-500149-262-7. – Текст : непосредственный.
104. Олизько, Н. С. Синергетические механизмы реализации интердискурсивных отношений / Н. С. Олизько //

- Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (022). – С. 66-73. – Текст : непосредственный.
105. Падучева, Е. В. Пространство в облици времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 187-203. – Текст : непосредственный.
106. Панасенко, Н. И. Семантическое пространство художественного текста / Н. И. Панасенко // Семантика мови і тексту: матеріали ІХ міжнародної науково-практичної конференції (26-28 вересня 2006 р.). – Івано-Франківськ: Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ, 2006. – С. 394-396. – Текст : непосредственный.
107. Пиотровский, Р. Г. Моделирование в лингвистике / Р. Г. Пиотровский // Вопросы романского и общего языкознания. – СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – С. 86-96. – Текст : непосредственный.
108. Пименова, М. В. Эквивалентные концепты / М. В. Пименова // Філологічні трактати. – 2012. – № 4. – № 1. – С. 93-99. – Текст : непосредственный.
109. Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестник КемГУ. Серия Филология. – 2013. – № 2 (54). – Т. 2. – С. 127-131. – Текст : непосредственный.
110. Плесканюк, Т. Н. Текстокогерентная словообразовательная матрица как средство формирования связности в текстах художественного стиля / Т. Н. Плесканюк // Филологический аспект. – 2015. – № 1 (1). – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/tekstokogerentnaya-slovoobrazovatel'naya-matritsa-kak-sredstvo-formirovaniya-svyaznosti-v-tekstakh-khudozhestven-nogo-stilya.html> (дата обращения: 07.02.2020). – Текст : электронный.
111. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 192 с. – URL :

- http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Ocherki_po_kognitivnoj_lingvistike_2001.pdf (дата обращения 07.06.2019). – Текст : электронный.
112. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. – 2-е изд. перераб. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. – 250 с. – 500 экз. – Текст : непосредственный.
  113. Попова, Т. Г. Художественная картина мира как концептуализированное художественное пространство / Т. Г. Попова, А.О. Шубина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. – 2010. – № 1 (177). – С. 10-11. – Текст : непосредственный.
  114. Попова, Т. Г. Художественная картина мира как концептуализированное художественное пространство / Т. Г. Попова // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. науч. тр. в 2-х т. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2013. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 95-97. – Текст : непосредственный.
  115. Прохорова, О. Н. Теоретические предпосылки исследования концептосферы / О. Н. Прохорова, С. Б. Смирнова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 6 (177). – С. 98-102. – Текст : непосредственный.
  116. Прохорова, А. В. Речевая репрезентация биполярности художественной картины мира. Автореферат дисс. ... канд. филол. н. / А. В. Прохорова. – Елец, 2018. – 26 с. – Текст : непосредственный.
  117. Прюво, Ж. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения / Ж. Прюво, А. П., Седых, А. М. Бузинова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т.4. – № 3. – С. 21-35. – URL: <http://rllinguistics.ru/journal/annotation/1480/> (дата обращения 05.04.2019). – Текст : электронный.
  118. Салмина, Л. М. Н. В. Крушевский и когнитивная логика языка / Л. М. Салмина // Николай Крушевский: научное

- наследие и современность: Материалы междунар. науч. конф. “Бодуэновские чтения”, Казань, 11-13 дек. 2001 г. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Новое знание, 2002. – С. 111-117. – Текст : непосредственный.
119. Седых, А. П. Вербалика и невербалика диалогической интеракции / А. П. Седых // Лексикография и коммуникация – 2018: сб. материалов IV Международной научной конференции / Отв. ред. А. П. Седых. – Белгород, 2018. – С. 159-164. – Текст : непосредственный.
  120. Сергеева, Е. В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте / Е. В. Сергеева // Вестник ТГПУ. Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 5(56). – С. 98-102. – Текст : непосредственный.
  121. Скрипникова, Н. Н. Текст как коммуникативно-когнитивное единство / Н. Н. Скрипникова // Язык и национальное сознание. – Вып 2. – Воронеж: ЦЧКИ, 1999. – С. 71-72. – Текст : непосредственный.
  122. Скурту, В. П. Искусство и картина мира / В. П. Скурту. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 84 с. – ISBN 5-376-00804-5. – Текст : непосредственный.
  123. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – Текст : непосредственный.
  124. Сулимов, В. А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации / В. А. Сулимов // Филологические науки. – 2006. – №1. – С. 40-47. – Текст : непосредственный.
  125. Татару, Л. В. Ритм темпоральности постмодернистского нарратива как когнитивная модель (роман М. Спартак “Расцвет мисс Джин Броди”) / Л. В. Татару // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL:

- <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7907>
(дата обращения: 03.12.2018). – Текст : электронный.
126. Ткаченко, И. Г. Художественные концепты в сказочном мире Новалиса (на материале сказки «Märchen von Atlantis») / И.Г. Ткаченко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 59-61. – Текст : электронный.
127. Тураева, З. Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика): уч. пособие / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с. – URL : <https://superlinguist.ru/lingvistika-teksta-skachat-knigi-besplatno/turaeva-z-ia-lingvistika-teksta-tekst-struktura-i-semantika.html> (дата обращения 05.02.2020). – Текст : электронный.
128. Чепелова, Т. П. История возникновения понятия «языковая картина мира» и его развитие / Т. П. Чепелов // Молодой учёный. – 2009. – № 5. – С. 119-122. – URL: <https://moluch.ru/archive/5/382/> (дата обращения 16.03.2020). – Текст : электронный.
129. Чернова, К. С. Когнитивно-герменевтический анализ доминанты «дом» в контексте художественного произведения И. Макьюэна “Atonement” / К. С. Чернова // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 4-2. – С. 355-358. – Текст : электронный.
130. Чернявская, В. Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005.– № 2. – С. 77-84. – Текст : непосредственный.
131. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие / В. Е. Чернявская. – Москва: Либроком, 2009. – 267 с. – URL : <https://superlinguist.ru/lingvistika-teksta-skachat-knigi-besplatno/cherniavs-kaia-v-e-lingvistika-teksta-polikodovost-intertekstualnost-interdiskursivnost.html> (дата обращения 03.04.2020). – Текст : электронный.
132. Шаталова, О. В. Синтаксическое моделирование текста

- публицистического текста как метод прагмалингвистики / О. В. Шаталова // Вестник ЧелГУ. Филология и искусствоведение. № 2 (256). – 2012. – Вып. 62.– С. 140-142.
133. Шарден, П. Т. де. Феномен человека / П. Т. де Шарден. – Москва : Наука, 1987. – Т. 239. – URL : http://www.odinblago.ru/fenomen_cheloveka/ (дата обращения 04.05.2019). – Текст : электронный.
  134. Шлейермахер, Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер / Пер с нем. А.Л. Вольского / Науч. ред. Н. О. Гучинская. – Санкт-Петербург : «Европейский Дом», 2004. – 242 с. – ISBN 5-8015-0176-2. – Текст : непосредственный.
  135. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. – ISBN 5-94457-082-2. – Текст : непосредственный.
  136. Щирова, И. А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века / И. А. Щирова. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУЭФ, 2000. – 210 с. – ISBN 5-7310-1233-4. – Текст : непосредственный.
  137. Щирова, И. А. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы: уч. пособие / И. А. Щирова, З. Я. Тураева. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 156 с. – Текст : непосредственный.
  138. Щирова, И. А., Гончарова И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: уч. пособие / И. А. Щирова. – Санкт-Петербург : ООО «Книжный дом», 2007. – 472 с. – ISBN 978-5-94777-099-5. – Текст : непосредственный.
  139. Щирова, И. А. Текст сквозь призму сложного / И. А. Щирова. – Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2013. – 216 с. – ISBN 978-5-906555-13-7. – Текст : непосредственный.
  140. Щирова, И. А. Текст и контекст в меняющемся мире / И. А. Щирова // Вестник Ленинградского государственного

- университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т.7. – № 1. – С. 163-171. – Текст : непосредственный.
141. Юзефович, Н. Г. Интерлингвокультурное художественное произведение как особый формат знания / Н. Г. Юзефович // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 11. – С. 235-238. – Текст : непосредственный.
  142. Юзефович, Н. Г. Картины мира: лингвокультурологический аспект / Н. Г. Юзефович // Индустрия перевода. – 2013. – № 1. – С. 363-368. – Текст : непосредственный.
  143. Alefirenko, N. F. Text and discourse: between Scylla and Charybdis od cognitive linguopoetics / N. F. Alefirenko, I. I. Chumak-Zhun, E. G. Ozerova, K. K. Stebunova // Journal of Language and Literature. – 2015. – Т. 6. – № 2. – С. 157-160. – Текст : непосредственный.
  144. Alves, D. and Queiros A.I. Studying Urban Space and Literary Representation Using GIS / D. Alves // Social Science History. – Vol. 37. Is. 04. December 2013. – P. 457-481. – URL : https://run.unl.pt/-bitstream/10362/11033/1/Alves_Queiros_2013_Studying%20urban%20space%20and%20literary%20representations%20using%20GIS%28preprint%29.pdf (дата обращения 11.07.2019). – Текст : электронный.
  145. Aumüller, M. Text type / M. Aumüller. – URL : <https://www.lhn.unihamburg.de/node/121.html> (дата обращения 02.02.2020). – Текст : электронный.
  146. Beaugrande, R. A. de. Einführung in die Textlinguistik Tübingen / R.A. Beaugrande de, W. U. Dressler. – Niemeyer, 1981. – 290 s. – Текст : непосредственный.
  147. Benthem, J. van. The Logic of Time. A Model-Theoretic Investigation into the Varieties of Temporal Ontology and Temporal Discourse. 2-d edition / J. Benthem, van // Springer science + Business media Dordrecht, 1991. – 280 p. – Текст : непосредственный.
  148. Birch, D. Language, literature and Critical Practice: Ways of Analysing Text / D. Birch. – N. Y.: The Taylor and Francis e-library, 2005. – 232 p. – URL :

- <https://www.amazon.com/Language-Literature-Critical-Practice-Analy-sing-ebook/dp/B000P2XH1M> (дата обращения 05.10.2019) – Текст : электронный.
149. Borkowski, J. What Is the Cultural Context of a Literary Text? (Review of: Rüdiger Kunow/Stephan Mussil (eds.). Text or Context / J.Borkowski // Reflections on Literary and Cultural Criticism. Würzburg: Königshausen & Neumann. – 2013. – URL: <http://www.jltonline.de/index.php/reviews/article/-view/631/1540> (дата обращения 02.11.2018). – Текст : электронный.
150. Burr, V. Social constructionism (2nd Eds.) / V. Burr. – New York, NY: Routledge, 2003. – URL: <https://pure.hud.ac.uk/en/publications/social-const-ruc-tionism-second-edition> (дата обращения 12.12.2018). – Текст : электронный.
151. Cojocar, S. B. The role of language in constructing social realities. The appreciative inquiry and reconstruction of organizational ideology / S. B. Cojocar, & C. Ciuch // Revista de Cerceture si interventie Sociala. – 2012. – 36. – P. 31-43. – Текст : непосредственный.
152. Collini, S. Introduction: Interpretation terminable and interminable // Interpretation and overinterpretation / S. Collini // Umberto Eco with Richard Porty, Jonathan Culler and Christine Brooke-Rose. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 1-21. – Текст : непосредственный.
153. Cook, G. Discourse and Literature / G. Cook. – Oxford University Press, 1994. – 285 p. – Текст : непосредственный.
154. Cramer, F. Digital Code and literary text / F. Cramer. – URL: https://netzliteratur.net/cramer/digital_code_and_literary_text.html (дата обращения 01.08.2018). – Текст : электронный.
155. Croft, W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D. A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p. – ISBN 9780511893864. – Текст : непосредственный.
156. Currie, G. Work and Text / G. Currie // Philosophy of Literature. Contemporary and Classic Readings. An Anthology.

- Oxford: Blackwell, 2007. – P. 98-106. – Текст : непосредственный.
157. Dickerson, V. C. Myths, misconceptions, and a word or two about politics (Special edition on narrative / J.L. Zimmerman & V.C. Dickerson, Eds.) // Journal of systematic therapies, 1996. – 282 p. – Текст : непосредственный.
  158. Eagleton, T. Literary Theory. An Introduction / T. Eagleton. Anniversary ed. With a new preface. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. – 234 p. – ISBN 13 : 978-0-631-20188-5. – Текст : непосредственный.
  159. Eaton, T. Literature Semantics / T. Eaton. – Cambridge Melrose Books. – 2010. – 311 p. – ISBN 13 : 978-19-7040061. – Текст : непосредственный.
  160. Galbin, A. An introduction to social constructivism / A. Galbin // Social Research Reports. – 2014. – Vol. 26. – P. 82-92. – URL: www.researchreports.ru (дата обращения 02.08.2019). – Текст : электронный.
  161. Gavins, J. Text world theory / J. Gavins. – Edinburgh University Press, 2007. – 208 p. – URL <https://books.google.ru/books?id=cd6-qBgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 10.10.2019). – Текст : электронный.
  162. Glamazda, S. N., Sorotskaya, A. P., & Verbina, O. V. Cross-cultural aspects of communicative situation / S. N. Glamazda, A. P. Sorotskaya, O. V. Verbina // Coloquium-journal. – 2018. – 10-6 (21). – P. 73-74. – Текст : непосредственный.
  163. Goodman, N. Interpretation and Identity. Can the Text Survive the World? / N. Goodman // Philosophy of Literature. Contemporary and Classic Readings / N. Goodman, K. Eldin. – Oxford: Mlackwell, 2007. – P. 93-97. – Текст : непосредственный.
  164. Higonnet, M. R. Feminist Explorations of Literary Space / M. R. Higonnet, J. Templeton // The University of Massachusetts Press, 1994. – 224 p. – ISBN 13 : 978-0870239373. – Текст : непосредственный.

165. Holland, D., Quinn N. (ed.). Cultural models in language and thought / D. Holland, N. Quinn. – Cambridge University Press, 1987. – 414 p. – ISBN 13 : 978-0521311687. – Текст : непосредственный.
166. Ilinska, I., & Ivanova O. Mental Images in literary works: in search of new meaning / I. Ilinska, O. Ivanova // Cognitive studies of language. – 2018. – Vol. 34. – Pp. 500-503. – Текст : непосредственный.
167. Jackendoff, R. Semantics and Cognition / R. Jackendoff. – Cambridge, Mass: The MIT Press, 1985. – 283 p. – ISBN 9780262600132. – Текст : электронный.
168. Jackendoff, R. Language, consciousness, culture: essays on mental structure / R. Jackendoff. – Hardcover, MIT Press, 2007. – 403 p. – ISBN 978-0-262-10119-6. – Текст : непосредственный.
169. Janssen, Th. Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology / Th. Janssen, G. Redeker. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1999. – 256 p. – Текст : непосредственный.
170. Johnson-Laird, P. N. Mental Models, Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness / P. N. Johnson-Laird. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 513 p. – Текст : непосредственный.
171. Jones, M. N. Context as an organizing. Principal of the lexicon / M. N. Jones, M. Dye, B. T. Johns. Chapter in Psychology learning and motivation. April 2017. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/314237359> (дата обращения 03.08.2019). – Текст : электронный.
172. Кнеепкенис, Е. W. W. M. Emotional and literary text comprehension / Ralf A. Zwaan // Poetics. – Vol. 23. Issues 1-2 January 1995. – P. 125-138. – Текст : непосредственный.
173. Lakoff, G. Categories and Cognitive Models: Berkeley Cognitive Science Report / G. Lakoff. Berkeley: Institute for Human Learning [U. of California], 1984. – P. 275-304. – Текст : непосредственный.

174. Levinson, J. Intention and Interpretation / J. Levinson // *Philosophy of Literature. Contemporary and Classic Reading. An Anthology.* – Oxford: Blackwell, 2007. – P. 98-106. – Текст : непосредственный.
175. Macherey, P. *A Theory of Literary production* / P. A. Macherey. – London: Routledge, 2006. – 400 p. – Текст : непосредственный.
176. McCarthy, K. S. Reading beyond the lines / K. S. McCarthy // *A critical review of cognitive approaches to literary interpretation and comprehension. Scientific study of literature.* – 2015. – 5. – P. 99-128. – URL : <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/ssol.5.1.05mcc> (дата обращения 12.03.2020). – Текст : электронный.
177. McCarthy, K. S. Constructing interpretive inferences about literary text: The role of domain-specific knowledge / K. S. McCarthy, S. R. Goldman // *Learning and Instruction.* – 2019. – 60 (1). – URL : <https://www.learn-tech-lib.org/p/208138/> (дата обращения 02.09.2019). – Текст : электронный.
178. McNamee, S. Social construction as a practical theory. Lessons for practice and reflection in psychotherapy / S. McNamee. In Pare D., Lerner G. (Eds.) // *Critical knowledge and practice in psychotherapy.* – New York, NY: Yaworth Press, 2004. – P. 9-21. – URL : <https://www.taylor-francis.com/books/e/9781315808895> (дата обращения 05.06.2019). – Текст : электронный.
179. Miall, D. S. Beyond Text Theory. Understanding Literary Response / D. S. Miall, D. Kuiken // *Discourse Processes.* – 1994. – Vol. 17. – P. 337-352. – URL : file:///Users/elenaogneva/Downloads/DM_DK_DiscProc_1994.pdf (дата обращения 08.09.2019). – Текст : электронный.
180. Moghaddas, B. The philosophy of structuralism in language and linguistics / B. Moghaddas, O. V. Dekhnich // *Scientific research. Issues of theoretical and applied linguistics.* – 2015. – 4 (6). – Pp. 24-29. – URL : <http://rllinguistics.ru/media/linguistics/2015/4/ling6.pdf> (дата обращения

- 24.11.2019). – Текст : электронный.
181. Ogneva, E. A. et al. Interpretative Model of Linguacultural Knowledge / E. A. Ogneva, I. A. Danilenko, Y. I. Kireeva, A. A. Kutsenko. – URL: <http://medwelljournals.com/abstract/?doi=sscience.2015.1101.1106> (дата обращения 05.10.2018). – Текст : электронный.
182. Ryan, M.-L. Cognitive maps and the construction of narrative space / M.-L. Ryan. Narrative theory and cognitive science. Edited by David Herman. CSLI Stanford, California, 2003. – P. 214-243. – ISBN 9781575864686. – Текст : непосредственный.
183. Selden, R. et al. A Reader`s Guide to Contemporary Literary Theory / R. Selden, P. Widdowson, P. Brooker. – 5th ed. – Harlow Pearson Education/Longman, 2005. – 302 p. – ISBN 97805828942105. – Текст : непосредственный.
184. Semino, E. Language and World Creation in Poems and Other Texts / E. Semino. Longan. – London, and New York, 1997. – 288 p. – ebook ISBN 9781315841021. – Текст : электронный.
185. Tincheva, N. The prominence principle in context dynamics / N. Tincheva // Discussions, stats, and author profiles for this publication, 2014, 499-510. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/322977895> (дата обращения 10.09.2019). – Текст : электронный.
186. Tincheva, N. Aspects of applying prototypology to text types / N. Tincheva // Discourse and interaction. – 2017. – № 10. – P. 85-101. – URL : <https://journals.muni.cz/discourse-and-interaction/article/view/11507/10312> (дата доступа 25.02.2019). – Текст : электронный.
187. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. – London: Longman. 1999. – 390 p. – ISBN 0-582-22914-6. – URL: <http://revistas-culturales.ucm.es/index.php/EIUC/article/viewFile/EIUC0000110321A/8255> (дата обращения 12.02.2019). – Текст : электронный.

Лексикографические источники

188. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. – Режим доступа: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/4252/ (дата обращения: 03.02.2019). – Текст : электронный.

Источники фактического материала:

189. James, H. The Europeans. The project Gutenberg EBook [Электронный ресурс] / H. James. – URL: <http://www.gutenberg.org/1/7/179/> (дата обращения 30.07.2018). – Текст : электронный.
190. James, H. The American. The Project Gutenberg EBook / H. James. Release Date: January 2, 2007 [EBook #177]. – URL: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения 10.07.2019). – Текст : электронный.

Монография

Огнева Елена Анатольевна, Глазцова Светлана Николаевна

КОНЦЕПЦИЯ КОНТЕКСТНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ

В авторской редакции

ООО «Эдитус»
125565, г. Москва, Ленинградское шоссе, д. 80, стр. 1
8 (800) 775-30-87
www.editus.ru

Отпечатано в типографии ООО Фирма «П-Центр»
129515, г. Москва, ул. Академика Королёва, 13

Подписано в печать 12.10.21
Формат 148x210. Усл. псч. л. 29
Печать цифровая. Бумага colotesh
Тираж 100 экз. Заказ № 20210088

ISBN 978-5-00149-703-5

